

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

В.А. Ачкасов

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ КАК РЕСУРС
В БОРЬБЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцева

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДИССОНАНСЫ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

А.В. Скиперских

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ
В СССР: ФОРМЫ, ОБРАЗЫ, СМЫСЛЫ

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Соредактор СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна Учредитель / Издатель НИИ общественных и политических наук	Научная редакция 16+ АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич кандидат политических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник БУРДА Михаил Александрович доктор политических наук, доцент ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна кандидат политических наук
Председатель Редколлегии номера КОРЯКОВЦЕВА Ольга Алексеевна доктор политических наук Редакционная коллегия АВЦИНОВА Г.И. – доктор философских наук, профессор (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ГУСЕЛЕТОВ Б.П. – доктор политических наук, доцент (Москва). ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь) КОРЯКОВЦЕВА О.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер) ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)	МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург) САМАРКИНА И.В. – доктор политических наук, профессор (Краснодар) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy Publisher Institute of Social and Political Sciences	Co-Editor SKOVIKOV Alexey Editors ALEKSEEV Sergey ARUTYUNOV Anton BURDA Mihail EFREMOV Oleg KASIMOV Evgeniy SHEVCHENKO Ekaterina
Chairman of the Editorial board KORYAKOVTSOVA Olga Doctor of Political Sciences Editorial Board AVTSINOVA Galina Prof. (Moscow) BOLSHAKOV Andrey Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY Georgiy Prof. (Moscow) BRONNIKOV Ivan Assoc. Prof. (Moscow) VATYL Viktor Prof. (Grodno) GRISHIN Oleg Assoc. Prof. (Moscow) GUSELETOV Boris Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV Magnus PhD (Tallinn) HORINA Galina Prof. (Moscow) KAPITSYN Vladimir Prof. (Moscow) KERYAN Garik Prof. (Yerevan) KORYAKOVTSOVA Olga Prof. (Yaroslavl) KOZLOVA Natalia Prof. (Tver) LEONTEVA Olga Assoc. Prof. (Tiraspol)	LEDYAEV Valeriy Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA Elena Prof. (Cheboksary) NASIMOVA Gulnar Prof. (Almaty) OMELCHENKO Nikolay Prof. (Moscow) PASTUHOVA Larisa Assoc. Prof. (Moscow) PROROK Vladimir. PhD (Prague) RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg) SERGEVNIN Vladimir Prof. (Macomb) SHIROKOV Oleg Prof. (Cheboksary) SAMARKINA Irina Prof. (Krasnodar) SOKOLOV Aleksander Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY Rostislav Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Yriy Prof. (Barnaul) YURCHENKO Sergey Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

В.А. Ачкасов

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ КАК РЕСУРС В БОРЬБЕ НА
МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

6

Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцева

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДИССОНАНСЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

20

А.В. Скиперских

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СССР:
ФОРМЫ, ОБРАЗЫ, СМЫСЛЫ

31

И.С. Башмаков

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ: ФАКТОРЫ, МОДЕЛИ
И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

44

М.М. Вантеевский

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

65

И.А. Туркин

СИМВОЛ «ЯДЕРНАЯ ВОЙНА» В СОВРЕМЕННЫХ СМИ РОССИИ И США:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

87

СТАТЬИ

М.Е. Родионова

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ
ДЕМОКРАТИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО ПОСТОЯНСТВА:
ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЫ (2022–2025)

101

М.А. Бурда, Е.Р. Фролов

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ДЕСЯТЫЙ СОЗЫВ ЕВРОПАРЛАМЕНТА
КАК ТРЕНД УСИЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ПРАВЫХ АНТИГЛОБАЛИСТОВ

116

Г.О. Панфилов ЭЛЕКТРОННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В РОССИИ: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ КЛЮЧЕВЫХ ПРОЕКТОВ	131
Е.С. Шевченко ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	151
И.В. Клипакова ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРУКТУРА, СУБЪЕКТЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	165
Н.П. Кузьменко ТЕХНОЛОГИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО ИТОГАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)	176
Наши авторы	197
The contents	

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

В.А. Ачкасов

V. Achkasov

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ КАК РЕСУРС В БОРЬБЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

SECURITIZATION OF MEMORY POLICY AS A RESOURCE IN THE STRUGGLE IN THE INTERNATIONAL ARENA

Аннотация

В статье отмечается, во-первых, что политика памяти, как и политика идентичности открывают широкую арену для деятельности политических антрепренеров, стремящихся манипулировать коллективной идентичностью, представляя ее вполне определенным образом и апеллируя к ней для достижения собственных целей; во-вторых, что в современном мире произошла секьюритизация политики памяти и политики идентичности. Секьюритизация политики памяти понимается как ее определение в качестве объекта, которому угрожают политические акторы, как внешние, так и внутренние, что используется для легитимации внешнеполитического курса, обоснования притязаний на сохранение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к негативной идентичности, которая строится по схеме «мы не такие-то» и содержит неприятие или отрицание того или иного политического объекта и/или тотальное противопоставление "нас" – "им". Таким образом, для секьюритизации настоящего активно используется «изобретенное историческое прошлое», чему предшествует дискурсивное конструирование этих «событий прошлого». Одним из практических следствий этого являются «войны памяти», развязанные странами «коллективного Запада», в которых используется препарированное прошлое для легитимации существующего, кризисного международного порядка, обеспечивавшего их доминирование в мире.

Abstract

The article notes, firstly, that memory politics, like identity politics, opens a broad arena for political entrepreneurs seeking to manipulate collective identity, presenting it in a specific way and appealing to it to achieve their own goals. Secondly, the securitization of memory politics and identity politics has occurred in the contemporary world. The securitization of memory politics is understood as its definition as an object threatened by political actors, both external and internal, which is used to legitimize foreign policy and justify claims to maintain a role in world politics. This occurs through appeals to a negative identity, which is constructed according to the "we are not this or that" model and involves rejection or denial of a particular political object and/or a total opposition between "us" and "them." To securitize the present, an "invented historical past" is actively used, preceded by the discursive construction of these "past events." One of the practical consequences of this is the "memory wars" unleashed by the countries of the "collective West," in which a dissected past is used to legitimize the existing, crisis-ridden international order that ensured their dominance in the world.

Ключевые слова:

секьюритизация, политика памяти, идентичность, политические антрепренеры, Россия, «коллективный Запад», Украина, кризис современного миропорядка.

Key words:

securitization, memory politics, identity, political entrepreneurs, Russia, "collective West", Ukraine, crisis of the modern world order.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-6-19>

Понятие исторической памяти и национальной идентичности неотделимы друг от друга, между ними существуют отношения тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Подчеркивая это обстоятельство, Я. Ассман определяет «идентичность» как «политическое воображение», обусловленное «культурной памятью» (Assmann, 2004, с. 15). В свою очередь, по известному утверждению Э. Хобсбаума, «прошлое и есть то, что создает нацию» (Hobsbawm 2002, с. 332). Действительно, идентичность укоренена в исторической памяти, идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти. Более того, манипуляции с историей являются важнейшими легитимизационными практиками. Любое государство осуществляет, с разной степенью эффективности, политику нациестроительства, опирающуюся на определенные символы, идеи общей для граждан героической или трагической национальной истории (излагаемой на языке, имеющем статус «национального», и их тесной связи с государством в его ныне существующей форме). Можно утверждать, что политика памяти, языковая и символические политики закладывают основы политики идентичности. Таким образом, манипуляции исторической памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью. При этом образы исторического прошлого и варианты их интерпретации часто вступают в конфликт и конкурируют не столько на академическом поприще, сколько в борьбе элит за власть и политическое влияние.

Сегодня по мере распространения «глобальной культуры памяти», политическая инструментализация прошлого и вырванные из исторического контекста аналогии с ним превратились в повседневное явление, не только в средствах массовой информации, но и в дискурсе политических элит. При этом историческая память рассматривается, прежде всего, как дискурсивная конструкция, посредством которой в политическую жизнь вносится ценностное измерение, поскольку отсылки к событиям национальной истории и национальной традиции придают высший, непрагматический смысл нашей жизни, конкретным политическим действиям.

Одновременно посредством обращения к прошлому осуществляется легитимация властных решений, делигитимация позиций оппонентов, мобилизация политической поддержки. А. Ассман особо отмечает, что политическая память формируется «сверху» и представляет собой долговременную и унифицированную конструкцию, которая подкрепляется институтами (Assmann, 2014, с. 35). В свою очередь, национальная память как историческая модификация политической памяти, обладающая по сравнению с предшествующими историческими формами большей темпоральной длительностью, сохраняет ведущую роль в легитимации социальных институтов и конструировании социально-политической преемственности (Assmann, 2006, р. 210-226). Поэтому, столкновения по поводу исторических нарративов очень часто происходят не для выяснения исторических истин, всестороннего и объективного описания событий прошлого, а являются борьбой за политическое господство посредством символического господства того или иного толкования «национальной истории». Могут быть достигнуты и иные цели: передача исторического опыта; поиск и обнаружение в прошлом тех или иных исторических «уроков» и прецедентов, наконец, конструирование идентичности. При этом, по справедливому замечанию М. Расмуссена, «прошлое было не менее сложным, чем настоящее», однако оно «упрощается» дискурсивно, так как «путем конструирования простого прошлого мы упрощаем и настоящее, тем самым создаём императив действовать определенным образом» (Rasmussen, 2003, р. 505).

Большинство исследователей подчеркивают полифункциональность политики памяти и политики идентичности, которые могут пониматься «...и как способ конструирования внешнеполитического имиджа государства (ресурс его самопрезентации), и как механизм общенациональной консолидации на основе конструирования гражданской политической идентичности, и как ресурс внутривнутриполитических трансформаций в обществе» (Bushuev, Nechaev, 2013, р. 18), и как средство борьбы правящей элиты с оппозиционной, и как инструмент формирования образа врага и продуцирования межгрупповых и межгосударственных конфликтов. При этом, как утверждает А. Ассман, вопросы: «Кто остается за границами культурной памяти? Каковы принципы включения и исключения?» неминуемо связаны с вопросами владения и удержания власти; это значит, что изменения во властных отношениях будут также вызывать и изменение в структуре культурной памяти (Assmann, 2009, р. 35). Поэтому, особо отметим, что «коллективное вос-

поминание» о событиях прошлого актуально и востребовано лишь тогда, когда оно вписывается в современную структуру групповых интересов. В силу чего «историческая память, – согласно парадоксальному утверждению Пьера Нора, – всегда настоящее» (Nora, 1994, p. 289).

Действительно, ссылаясь на важные исторические прецеденты и «уроки прошлого», субъект секьюритизации может использовать их, чтобы извлечь, из совершенных в прошлом ошибок, уроки и легитимировать использование экстраординарных средств здесь и сейчас, подобно тому, как это уже «было» или «не было» сделано в прошлом. Разное актуализируемое в дискурсе прошлое может иметь и разные функции/задачи: как правило, обращение к давнему прошлому призвано порождать глорификацию и героизацию, а обращение к событиям XX-XXI вв. – виктимизацию. Особенно большое значение в первом случае имеет идея происхождения – «эта профанированная версия мифологического повествования, которая позволила сохранить обществу, идущему дорогой национальной секуляризации, потребность в сакральном. Чем более великим было происхождение, тем больше оно возвеличивало нас. Ибо мы восхваляем себя, восхваляя прошлое» (Nora, 1999, p. 35-36).

Актуальность могут получать и также подвергаться секьюритизации такие проблемы как: обретение/утрата политического суверенитета, ирредентизм, территориальный спор, требования повышения политического статуса группы, получение культурных и иных преференций, сохранение своего «национального лица», связанного с угрозой национальной идентичности и традиционной культуре и т.д.

Однако, прежде всего, речь идет о «воспоминаниях о предыдущих войнах, поражениях и победах», исторические аналогии с которыми способны обеспечить возможность придания важным современным проблемам статуса «сакрального» и даже «экзистенциального». При этом дискурс секьюритизации, чтобы достичь цели, должен резонировать с существующими мыслительными конструкциями, присутствующими в коллективной памяти. Именно поэтому социальный психолог С. Московичи относит к укорененным социальным представлениям не любые идеи, теории и взгляды, транслируемые элитами, а лишь те, которые входят в сферу обыденного сознания, становятся продуктом «здорового смысла», формируют «практическое сознание», регулируют повседневную жизнь людей (Moscovici, 1992, p. 89). В частности, эскалация напряженности возможна в тех случаях, когда группа-

референт склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «чужих» групп». В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается и осознается участниками конфликтов. «При этом, не имеет значения, реальны эти угрозы или нет: согласно теореме (или аксиоме) Томаса, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим практическим следствиям». Иначе говоря, реальность угрозы определяется присутствием данной проблемы в дискурсе безопасности. При этом, угрозу конструируют, согласно теории секьюритизации, не представители референтного объекта, а от его имени это делают агенты секьюритизации – политические элиты.

Поэтому особенно значимой является проблема восприятия референтной группой тех угроз (реальных и мнимых), которые существенны для сохранения ее самобытности. Результатом может стать политическая ловушка, когда эпизоды межгрупповых и международных конфликтов как в прошлом, так и в настоящем влияют на индивидуальную и социальную идентификацию, закручивая спираль размежевания и укрепляя групповые границы, которые из «воображаемых», все больше могут превращаться в объективно существующие.

В итоге стороны начинают представлять свои противоречия с противостоящей группой как серьезную и реальную угрозу безопасности для членов данного сообщества в целом, угрозу их идентичности. Эти ощущаемые (приписываемые или провоцируемые) угрозы могут послужить стимулами для упреждающей атаки или, по крайней мере, для политической мобилизации, которая, в свою очередь воспринимается или интерпретируется лидерами другой группы как угроза уже их безопасности. Это порождает мобилизационную спираль, и может привести к началу насильственных действий. Таким образом, «усилия каждого из участников по обеспечению собственной безопасности приводят, напротив, к возрастанию вероятности вооруженного столкновения» (Rosen, 1993, p. 103-104). Одновременно может происходить целенаправленная дегуманизация противостоящей стороны, что сочетается с призывами к устранению, очищению своей нации/общности от представителей враждебной группы, их культурного влияния: «очистить тело нации», «удалить раковую опухоль» и т.д. Конструирование образа «радикально другого» поддерживается логикой дихотомии, – отмечает Н. Карпентье, – тогда как декларирование отсутствия общего пространства порождает ди-

станцию. В крайних случаях это радикальное различие ведет к дегуманизации и демонизации другого и отрицанию его основных человеческих характеристик, что делает уничтожение другого не только более легким, но и даже необходимым» (Carpentier, 2017, p. 12).

Подобная практика почти всегда сопровождается активизацией негативной исторической памяти, когда в политическом дискурсе отдельные реальные и вымышленные события прошлого экстраполируются на противостоящую группу в настоящем и будущем, закрепляя негативные стереотипы и нормы, оправдывающие, в том числе, применение насилия против противника, тем самым, формируя метафорическую или мифологическую легитимность насилия. Н. Карпентье выделяет ключевые моменты, которые определяют основные характеристики такого антагонистического дискурса: 1) конструирование радикального отличия врага; 2) гомогенизации своей общности в противоположность общности врага; 3) обоснование необходимости уничтожения врага (Carpentier, 2017, p. 172). Более того, зачастую «образ врага» наделяется онтологическим статусом. «Противостояние, пронесенное сквозь века, неизбежно воспроизводится и в последующих поколениях, так как состояние вражды, зависящее от конкретной политической ситуации, воспринимается как перманентное, сущностное состояние, генетически присущее социуму, обозначенному как вражеский» (Rumyantsev, 2011, с. 334).

При этом, по мнению ряда исследователей: «Величина насилия в конфликтах идентичности детерминирована остротой восприятия угроз групповой безопасности на массовом уровне, интенсивностью групповой неудовлетворенности, масштабами институциональной поддержки, в совокупности являющимися условиями начала открытого противостояния» (Роров, 2015, с. 146).

Несомненно, что политика памяти, как и политика идентичности открывают широкую арену для деятельности «политических антрепренеров», стремящихся манипулировать коллективной идентичностью, представляя ее вполне определенным образом и апеллируя к ней для достижения поставленных ими целей. Поэтому не случайно, что не только исследователи, но и некоторые политики выражают обеспокоенность последствиями политики идентичности, которые приводят к фрагментации социумов, кризису национальной идентичности и росту международной конфликтности. Известный американский политолог Ф. Фукуяма пишет: «Все более активная политизация проблемы идентичности представляет одну из главных угроз для современных либеральных демократий..., поскольку она «...распространилась и на коллективные

и нелиберальные формы идентичности – такие как нация и религия, поскольку люди часто хотели не признания своей индивидуальности, а признания своей тождественности другим» (Fukuyama, 2019, с. 23, 137).

Более того, сегодня можно уверенно утверждать, что в современном мире произошла тотальная секьюритизация политики памяти и проблем идентичности, иначе говоря, их концептуализация как сфер, непосредственно связанных с вопросами обеспечения национальной безопасности. Государства/правящие элиты уверены, что их идентичность требует защиты, и потому лидеры государств стремятся к согласованию политики национальной безопасности с ответом на вопрос «кто мы?». В результате защита собственной идентичности представляется критически важной уже для выживания государства.

Действительно, историческая память может служить, как референтным объектом секьюритизации (то есть объектом, который необходимо защищать от «угрозы извне и изнутри»), так и облегчать секьюритизацию иных сфер, в частности, путем использования исторических аналогий. Использованию исторической прошлого для секьюритизации настоящего предшествует дискурсивное конструирование «события прошлого» - отбор совокупности фактов, организованных в исторический нарратив. Практическим следствием этого, во-первых, являются «войны памяти», связанные с использованием прошлого для легитимации существующего, кризисного международного порядка путем создания на этой основе ценностно-политического нарратива и конфликтного взаимодействия мнемонических акторов по поводу, находящихся под угрозой, исконных ценностей (Miller 2020); во-вторых доминирование дискурса «мнемонических воинов», имеющих претензию на наличие у них исключительного права на интерпретацию прошлого, не допускающую принятия существования других его интерпретаций (Bernhard, Kubik, 2014, p. 4).

Отмечая эти радикальные перемены известный британский социолог З. Бауман в своей последней прижизненной книге «Ретропия» образно писал о «меняющемся направлении полета Ангела истории», обращающегося от будущего к прошлому и «глобальной эпидемии ностальгии», которая в отсутствие прогрессистской универсалистской перспективы заставляет общества обернуться вспять и двигаться в сторону естественного состояния войны всех против всех («Назад к Гоббсу»)... (Bauman, 2019).

Действительно, политические элиты ведущих стран Запада увидели выход из ситуации «нового мирового беспорядка» (Р. Брунейкер) и кризиса

«мега-идентичности «Запада» с его так называемыми демократическими и индивидуалистическими ценностями и глубоким чувством абсолютного превосходства над всем остальным человечеством» (Ж. Корм) на пути переопределения России как внешнего по отношению к «демократическому обществу» «Значимого Другого», конфронтации с ней и реанимации «образа исторического врага», представляющего экзистенциальную угрозу всей системе международной безопасности. Реальность этой угрозы определяется постоянным присутствием данной проблемы в дискурсе безопасности. При этом, согласно теории секьюритизации, угрозу конструируют, не представлятели референтного объекта, а от его имени это делают агенты секьюритизации – политические элиты.

Как можно утверждать, не случайно этой конфронтации предшествовала радикальная ревизия истории Второй мировой войны и особенно сверхусилия, сначала по преуменьшению вклада Советского Союза в победу над фашизмом, которая признана «мифом основания» для современной России, а затем по возложению ответственности за начало Второй мировой войны не только на нацистскую Германию, но и на Советский Союз и представление этой войны как схватки «двух тоталитаризмов». Причем немалую роль в переопределении позиции объединенной Европы по этим проблемам играли страны бывшего социалистического лагеря - наши ближайшие соседи, для которых собственная европейская идентичность во многом определялась через тотальное отторжение России.

Сегодня общеизвестно, что наиболее востребованным в политике памяти посткоммунистических государств является «образ трагического героя, освободившегося от ига и угнетения ценой огромных жертв и выстрадавшего свое право на свободу и демократию». Отсюда крайне негативная интерпретация практически всей истории СССР, «лагеря социализма» и, напротив, позитивная оценка его распада. На этой базе правящие элиты стран региона осуществляют стратегию строительства, так называемой, «новой Центральной Европы».

В ее реализации особенно востребованным (прежде всего в Польше, Украине и странах Балтии) стало понятие «Bloodlands», предложенное историком из Йельского университета Т. Снайдером в монографии «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» (Snyder, 2010). Этот термин обозначает все земли, находящиеся между Германией и современной Россией и номинирует народы стран сконструированного региона в качестве

жертв двух «кровавых режимов». Так, в рецензии на книгу Снайдера резонно утверждается, что в последние годы Центральная Европа «переизобретается» снова, как заслон («санитарный кордон» - 1920-30 гг.) западной цивилизации от российской угрозы. «Центральная Европа» транслирует, прежде всего, (старый) культурный миф о своей цивилизационной несовместимости с Россией. При этом в «Центральную Европу» теперь включают Украину и Беларусь, тем самым отрывая их от России, маркируемой как не-Европа (Rizhkovskiy, 2010).

В целом история посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в современном нарративе выглядит как своеобразное перманентное «бегство от неевропейской России», причем, используя старый концепт Восточной Европы, стремятся теперь к исключению из Европы только России и укоренению тех самых различий, которые более двух веков поддерживали западноевропейскую идентичность. Польский писатель Земовит Шречек еще в 2014 году эту тенденцию описал с помощью метафоры «Мордора»: «...по западному представлению Восточная Европа – это Мордор. И Польша, и Румыния, и даже Чехия, все. Все это край болота, край беспорядка, край-сосед Европы, но это не Европа, это что-то другое. И сейчас, когда каждая постсоветская страна хочет войти в Европу, она этот Мордор видит в других странах, восточных странах. ... для поляков это будет Белоруссия и Украина и даже Литва. Для литовца и украинца это будет Россия. И этот Мордор – воображаемая страна, которой нет, но которую все боятся. Мордора нет, на карте его никто не найдет, но в головах Мордор есть» (Zharebkina, Zharebkin, 2019, с. 14).

Конфликт на территории Украины превратил бывшую Восточную Европу в своего рода «прифронтовую» зону НАТО: количество размещенных в регионе воинских контингентов стран Альянса значительно выросло, инфраструктура стала активно использоваться для переброски вооружений Киеву. При этом и страны ЦВЕ оказали Киеву очень существенную военную поддержку. Стремительным был и рост милитаризации ЦВЕ, который проявился в увеличении военных бюджетов стран региона, и в амбициозных планах восточно-европейских политиков, особенно польских. По данным Стокгольмского международного института проблем мира в 2021-2022 гг. военные расходы стран ЦВЕ выросли на 58%, составив 135 млрд долл. Неофициальным лидером этого марафона является Польша, анонсировавшая создание самых многочисленных сухопутных войск в Европе (Belinsky, 2024, с. 33, 34). По мнению некото-

рых экспертов «нынешний кризис, связанный с украинскими событиями, привел к тому, что страны ЦВЕ приобрели некоторые черты политической субъектности, и вышли из тени традиционных лидеров ЕС - Германии и Франции. Однако это, как представляется, явное преувеличение.

Можно, в связи с этим, вспомнить, что еще совсем недавно многие западные исследователи писали о формировании поствестфальской системы международных отношений, публично декларирующей в качестве нового принципа ее построения верховный суверенитет человеческой личности и главенство прав человека над национальным суверенитетом. Однако реально действующим принципом этой системы стало избирательное признание легитимности государств, что предполагает как существование властной элиты, санкционирующей эту легитимность, так и появление особой группы «стран-изгоев».

Верхушка этой иерархии – великие державы Запада не только надеются на себя этим «священным правом», но и обладают техническими возможностями для осуществления властных полномочий, связанных с приведением статуса государств в соответствие с формируемой ими политической реальностью. Причем, право на управление миром открыто декларируется не только политиками, но и учеными западных «великих держав». Действительно, многие известные историки, политологи и экономисты, прежде всего, Соединенного Королевства и США, как консерваторы, так и либертарианцы, такие как Н. Фергюсон, Р. Купер, С. Курц, Д. Лал, С. Маллаби, М. Бут, М. Игнатъевф и др. сегодня отстаивают мысль об особой миссии западных держав по поддержанию мирового порядка и воплощению идеи прогресса, если не по созданию современного мира как такового (Saccarelli, Varadarajan, 2015; Lal, 2010; Ferguson, 2013; D'Souza, 2015).

Более того, по мнению представителя английской школы международных отношений Х. Булла, великие державы несут особую ответственность за поддержание мирового порядка и, если потребуется, могут и даже должны отклоняться от некоторых существующих правил, но только чтобы сохранить всеобщий мир и стабильность. Остальные государства в подобной системе признают за великими державами эту обязанность и ожидают, что они будут ее выполнять, когда возникнет в этом необходимость (Bull, 2002, p. 196). Если же кто-либо, из не принадлежащих к «клубу великих держав», не признает за ними это право, то получает статус «государства изгоя» или даже «врага свободного мира», в отношении которых можно применять любые санкции. При этом, «отклоняющиеся общества» ... критикуются в рамках дихотомии норма -

патология. Варьируют только ключевые бинарные оппозиции: «демократия – тоталитаризм», «варварство – цивилизация», «друг – враг», «свобода – рабство», «современность – архаика» и т.д. (Fishman, 2024, с. 221). При этом оперируют эпизодами из истории и политики государства изгоя, которые считаются постыдными и неприемлемыми с точки зрения этики и международного права или прямо прибегают к исторической фальсификации.

Созданная в результате этих усилий, пропагандистская модель сплочения на основе «stigma management» и негативной исторической памяти, а также линейная модель передачи смыслов сверху вниз, что можно назвать «навязанной памятью» (Riker 2004), радикально отличается от диалогической модели, построенной на многочисленных обратных связях. Она порождает в западном сообществе не гражданскую солидарность, а ситуацию объединения на негативной основе – против общего врага – «российской угрозы», которое становится главным условием ориентации в мире, задает поле и горизонт понимания «значимых других». Здесь, конечно, нет и речи о конструктивной солидарности, зато есть деструктивная, провоцирующая мощный заряд социального напряжения, поскольку основная функция «образа исторического врага» нести представление о том, что он является угрозой самому существованию общности, угрозой её базовым ценностям. В силу этого «враг» становится важным мобилизационным фактором, побуждающий всех членов сообщества сплотиться ради обеспечения национальной безопасности.

Как пишет наш бывший соотечественник, стремящийся стать «большим католиком чем Папа Римский»: «Российская элита часто настаивает на том, что Россия должна быть великой державой, иначе она погибнет, ... В этом контексте статус великой державы преподносится как единственное спасение от неминуемой катастрофы, а внешняя политика становится на службу выживания страны (к чему Западные великие державы, как правило, не прибегают) ... Однако, если Россия заявляет, что она является великой державой и последним оплотом международных традиций и морали в системе, которая больше не способна признать и оценить ее роль, то ... в глазах западных стран она скорее выглядит как токсичная ревизионистская держава, что естественно(!?)» (Reshetnikov, 2024, с. 10, 37). Причем, сегодняшнее противостояние с Россией часто рисуется как уходящее в глубины истории и неизменное во времени, а чувство вражды описывается как перманентное, сущностное состояние, генетически присущее русскому народу, наделенному статусом «исторического врага».

Согласно резонному утверждению экспертов, дискурс секьюритизации, чтобы достичь цели, должен «резонировать с существующими конструкциями, присутствующими в коллективной памяти» (Gaufman, 2015, p. 143). Поэтому, многие на Западе решили, что «нашу страну надо «отменить» в буквальном смысле, то есть вычеркнуть ее из списков живых либо фигурально, путем полной изоляции, либо даже буквально, доведя дело до распада и прекращения национально-государственного существования» (Golosov, 2024, p. 15).

В этом противостоянии Россия – скорее обороняющаяся сторона, вынужденная защищать свои национальные интересы против Запада, который перешел в наступление в зоне своих интересов. Поэтому, как представляется, нынешний российско-украинский конфликт никогда не достиг бы такой остроты, если бы внешние силы, враждебные России, не поддержали идею эксклюзивного украинства, не поощряли стремление элит страны к членству в НАТО и ЕС и не способствовали приданию идее «Украина це Европа» формы абсолютно враждебной России. Как резонно отмечает управляющий директор, Института мира и дипломатии США (IPD-USA) Арта Мозейни: «Вопреки доминирующим западным нарративам, этот конфликт никогда не был связан с украинским суверенитетом или российским имперским завоеванием. Его первопричиной было расширение НАТО, которое Россия рассматривает как Глобальный Запад, расширяющий сферу своего влияния и несущий экзистенциальную угрозу. Поскольку продолжающаяся война фактически исключает эту возможность, Москва не «отчаянно» ведет переговоры и не будет делать этого, если ее проблемы безопасности не будут явно решены с помощью железных заверений о постоянном нейтралитете Украины»¹.

В целом же, продолжающаяся секьюритизация исторической памяти и политики идентичности, представляется одним из наиболее критичных факторов с точки зрения перспектив сохранения современного миропорядка, основанного на сообществе суверенных национально-территориальных государств, нерушимость и легитимность которого до недавнего времени обеспечивалась именно за счет согласованности и непротиворечивости исторической памяти держав-гарантов. Происходящий сегодня отказ от прежде представлявшихся незыблемыми принципов, от консенсуса в вопросах исторической памяти представляется важным симптомом острого кризиса этого миропорядка.

¹ Мозейни Арта (2025). Как президент Трамп может добиться прекращения огня между Россией и Украиной: Симпозиум. Институт мира и дипломатии США. <https://peacediplomacy.org/2025/02/12/symposium-how-can-president-trump-deliver-on-a-russia-ukraine-ceasefire/>.

References

- Assmann, A. (2006). Memory, individual and collective. In R. E. Goodin & C. Tilly (Eds.), *The Oxford handbook of contextual political analysis* (pp. 210–226). Oxford University Press.
- Assmann, A. (2009). "Plunging into nothingness": The politics of cultural memory. In L. B. Lambert & A. Ochsner (Eds.), *Moment to monument: The making and unmaking of cultural significance* (p. 35). Verlag.
- Bernhard, M., & Kubik, J. (2014). *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford University Press.
- Bull, H. (2002). *The anarchical society: A study of order in world politics* (3rd ed.). Palgrave.
- Carpentier, N. (2017). *The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation*. Peter Lang.
- Gaufman, E. (2015). Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 1(1), 141–174.
- Nora, P. (1994). Between memory and history: Les lieux de memoire. In G. Farbe & R. O'Meally (Eds.), *History and memory in African-American culture* (pp. 284–300). Oxford University Press.
- Neumann, I. B. (1998). Constructing Europe: Russia as Europe's other. In U. Hedetoft (Ed.), *Political symbols, symbolic politics: European identities in transformation* (pp. 75–98). Ashgate.
- Posen, B. R. (1993). The security dilemma and ethnic conflict. In M. E. Brown (Ed.), *Ethnic conflict and international security* (pp. 103–124). Princeton University Press.
- Rasmussen, M. V. (2003). The history of a lesson: Versailles, Munich and the social construction of the past. *Review of International Studies*, 29(4), 499–519.
- Saccarelli, E., & Varadarajan, L. (2015). *Imperialism past and present*. Oxford University Press.
- Assmann, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics] (B. Khlebnikov, Trans.). Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assmann, J. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Bauman, Z. (2019). *Retrotopiya* [Retrotopia]. VCIOM.
- Belinsky, A. V. (2024). Sosed, partnery, konkurenty: Zapadnaya i Tsentral'no-Vostochnaya Evropa na perelome epokh [Neighbors, partners, competitors: Western and Central-Eastern Europe at the turn of eras]. *Aktual'nye Problemy Evropy*, 2(122), 28–48.
- Bushuev, V. V., & Nechaev, V. D. (2013). Istoricheskaya politika kak instrumental'naya sostavlyayushchaya natsional'nykh politicheskikh sistem: teoreticheskiy analiz [Historical politics as an instrumental component of national political systems: A theoretical analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*, 1, 3–22.
- D'Souza, D. (2015). *Amerika: Kakim mir byl by bez nee?* [America: What would the world be like without her?]. AST: Praym.

Fishman, L. (2024). *Neravenstvo ravnykh. Kontseptsiya i fenomen resentiment-ta* [Inequality of equals: The concept and phenomenon of resentment]. Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Fukuyama, F. (2019). *Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The demand for dignity and the politics of resentment]. Al'pina Publisher.

Golosov, G. V. (2024). *Politicheskie rezhimy i transformatsii: Rossiya v sravnitel'noy perspektive* [Political regimes and transformations: Russia in comparative perspective]. Ruteniya. (In Russ)

Hobsbawm, E. J. (2002). Printsip etnicheskoy prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Evrope [The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe]. In B. Anderson, O. Bauer, M. Hroch, et al., *Natsii i natsionalizm* (pp. 307–334). Praxis.

Lal, D. (2010). *Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok* [In praise of empires: Globalization and order]. Novoe izdatel'stvo.

Miller, A. I. (2020). Vtoraya mirovaya voyna v «voynakh pamyati» [The Second World War in the "memory wars"]. *Novoe Proshloe / The New Past*, 4, 222–231. (In Russ)

Moscovici, S. (1992). Ot kolektivnykh predstavleniy k sotsial'nym [From collective representations to social representations]. *Voprosy Sotsiologii*, 1(2), 83–95.

Nora, P. (1999). Mezhdru pamyat'yu i istoriey. Problematika mest pamyati [Between memory and history: The problematics of lieux de memoire]. In P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, & M. Winock, *Frantsiya-pamyat'* (pp. 17–50). Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Popov, M. E. (2015). Contemporary theories of ethnic identity conflict. *Political Expertise: POLITEX*, 11(1), 137–150. (In Russ)

Reshetnikov, A. (2024). *Pogonya za velichiem: Tysyacheletniy dialog Rossii s Zapadom* [The quest for greatness: Russia's millennial dialogue with the West]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ)

Ricœur, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting]. Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.

Rizhkovskiy, V. (2012, June 10). Kak sdelany «bladlands»? [How are the "Bloodlands" constructed?]. *Ab Imperio*.

Rumyantsev, S. (2011). Geroicheskiy epos i obraz istoricheskogo vraga [Heroic epic and the image of the historical enemy]. In *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati: Sbornik statey* (pp. 319–334). Novoe izdatel'stvo.

Zherebkina, I., & Zherebkin, S. (2019). *Kiborg-natsionalizm, ili ukrainskiy natsionalizm v epokhu postnatsionalizma* [Cyborg nationalism, or Ukrainian nationalism in the era of post-nationalism]. Aleteyya.

Ferguson, N. (2013). *Empire: How Britain made the modern world*. Corpus.

Для цитирования: Ачкасов, В. А. Секьюритизация политики памяти как ресурс в борьбе на международной арене / В. А. Ачкасов // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 6-19. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-6-19.

**Т.В. Бугайчук,
О.А. Коряковцева**

**T. Bugaychuk,
O. Koryakovtseva**

**ГРАЖДАНСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЭМПИРИЧЕСКИЕ
ДИССОНАНСЫ И
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ВЫЗОВЫ**

**CIVIC IDENTITY IN
CONTEMPORARY RUSSIA:
EMPIRICAL
DISSONANCES AND
METHODOLOGICAL
CHALLENGES**

Аннотация

Актуальность работы обусловлена социальными трансформациями, геополитическими вызовами и процессами цифровизации, которые определяют необходимость глубокого осмысления специфики феномена гражданской идентичности, особенно у молодого поколения россиян. Цель исследования – определить понятие «гражданская идентичность» и перспективные направления её исследования на основе интегративного подхода. Методологической основой исследования выступил системный анализ широкого корпуса теоретических и эмпирических работ отечественных авторов (Л.М. Дробизева, В.А. Тишков, И.С. Семенов, О.В. Попова и др.) за период 2014–2024 гг., отобранных из сфер политологии, социологии, психологии и педагогики по критериям релевантности и научной достоверности. В результате анализа целого ряда научных исследований выделены основные направления изучения гражданской идентичности, общие для современной отечественной гуманитарной науки в целом: мониторинг интеграционных процессов в полиэтническом обществе; оценка эффективности государственной политики идентичности; изучение содержательной эволюции гражданской идентичности в сторону цивилизационных основ; исследования компаративного и прогностического характера. Рассмотренные научные изыскания позволяют аргументировать продуктивность интегративного подхода к исследованию, преодолевающего междисциплинарную разобщенность и рассматривать

Abstract

The present article provides a thoroughgoing analysis of the current state of scientific research in the field of civic identity formation in Russia, using an integrative approach. The relevance of the work is determined by social transformations, geopolitical challenges, and the process of digitalization, which necessitate a deep insight into the specifics of the phenomenon of civic identity, especially among the younger generation of Russians. The study aims to define the concept of 'civic identity' and outline promising areas for its exploration, taking an integrative approach. The methodological foundation for this research is a systematic analysis of a large body of theoretical and empirical works (2014–2024) by Russian scholars, such as L. Drobizheva, V. Tishkov, I. Semenko, and O. Popova. The selection of literature from political science, sociology, psychology, and pedagogy was guided by the criteria of relevance and scientific reliability. An analysis of this broad spectrum of scientific studies has made it possible to identify the main areas of research into civic identity that are common to contemporary Russian humanities as a whole. These areas include: monitoring integration processes in a multi-ethnic society; assessing the effectiveness of state identity policy; studying the substantive evolution of civic identity towards civilizational foundations; and comparative and prognostic research. The reviewed scientific research enables us to advocate for the efficiency of an integra-

гражданскую идентичность как сложное, многокомпонентное образование (когнитивное, ценностно-мотивационное, деятельностное), находящееся в постоянной динамике. Анализ эмпирических исследований выявляет противоречия в полученных результатах: разрыв между декларативно высоким уровнем общероссийской идентичности и крайне низким реальным уровнем межличностного доверия, особенно в молодежной среде; дисбаланс в развитии структурных компонентов идентичности, выражающийся в преобладании когнитивного компонента над деятельностным («пассивный патриотизм»); методологический вызов, связанный с выбором между репрезентативными, но поверхностными количественными методами и глубинными, но трудоемкими качественными подходами (ассоциативный эксперимент, анализ цифрового следа). Авторами обосновываются перспективные векторы дальнейших изысканий: переход к лонгитюдным исследованиям для отслеживания динамики развития гражданской идентичности; проведение кросс-культурного сравнительного анализа; углубленное изучение влияния цифровой среды на формирование гражданской идентичности; разработка практик, направленных на активизацию деятельностного компонента идентичности.

tive approach, as it can overcome interdisciplinary fragmentation, and consider civic identity as a complex construct comprising cognitive, value-motivational and activity-based elements that exist in a state of constant dynamics. The article's central theme is the identification of fundamental contradictions that have been empirically recorded in contemporary research. Such contradictions include an incongruity between a declaratively high level of pan-Russian identity and a notably low level of interpersonal trust within the youth demographic; an imbalance in the development of the structural components of identity, manifested in the preeminence of the cognitive component over the active component (resulting in 'passive patriotism'); and a methodological dilemma involving the choice between broadly representative yet superficial quantitative methodologies and deeply insightful yet labour-intensive qualitative approaches (like associative experiment and digital footprint analysis). The authors justify several promising research vectors for further exploration: a transition to longitudinal studies to track developmental dynamics of civic identity; cross-cultural comparative analysis; an in-depth examination of the digital environment's influence on identity formation; and the development of practices aimed at encouraging the identity's activity component. The article makes a significant contribution to the theoretical and methodological framework for research on civic identity, offering a comprehensive model for its study in contemporary Russia.

Ключевые слова:

гражданская идентичность, интегративный подход, молодое поколение россиян, политика идентичности, структурные компоненты идентичности, исследования.

Key words:

civic identity, integrative approach, young generation of Russians, identity policy, structural components of identity, research.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-20-30>

Социальные трансформации, геополитические вызовы и цифровизация общества актуализируют научное осмысление становления гражданской

идентичности населения в современной России. Эмпирические исследования последних лет выявляют сложный и противоречивый характер формирования гражданской идентичности россиян, особенно молодежи. В статье предлагается комплексный анализ ключевых научных исследований в этой области. Автор выявляет методологические вызовы и перспективные направления для дальнейшего изучения многогранного процесса формирования идентичности личности. Анализ основан на эмпирических данных и теоретических разработках, отражающих современное состояние проблемы исследования гражданской идентичности.

Многие российские ученые (О.В. Попова, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, Ю.В. Попков, В.А. Авксентьев, Н.А. Баранов, Л.И. Никовская, С.Н. Кузина и др.) в своих трудах и выступлениях на научных конференциях обращают внимание на целый ряд особенностей формирования гражданской идентичности современной молодежи.

Методология и методы исследования. В рамках интегративного подхода мы исходим из необходимости выходить на уровень трансдисциплинарного анализа (Piaget, 1972, p. 144) в вопросах изучения гражданской идентичности личности. Мы убеждены в необходимости системного, комплексного и динамичного исследования рассматриваемого в статье феномена, нацеленного на перспективу. Современных отечественных ученых разных направлений гуманитарных наук интересуют проблемы становления и развития идентичности российских граждан. При этом все более востребованным становится именно интегративный подход. Этот подход позволяет преодолеть терминологическую и методологическую разрозненность и создать целостную картину изучаемого сложного социально-политического феномена с учетом разных научных интересов и позиций.

Для эффективной реализации интегративного подхода в заявленном исследовании обращаемся к работам ученых из разных научных сфер, занимающихся проблемой гражданской идентичности.

Л.М. Дробижева, доктор исторических наук и известный социолог, занимающаяся вопросами идентичности долгие годы, определяет гражданскую идентичность термином «государственно-гражданская идентичность», которая основывается на общности государства и территории, элементов общероссийской культуры, истории и гражданственности (Drobizheva, 2018). Доктор философских наук С.И. Рудаков при изучении гражданской идентичности дает ее формулировку как «элемента политической системы общества,

возникающего на пересечении политики и культуры». По его мнению, это самоидентификация личности с государством и обществом во всех его типических социокультурных измерениях (Rudakov & Filiptsev, 2020).

В.В. Комлева, будучи доктором социологических наук и изучая проблему гражданской идентичности с социологических позиций, рассматривает ее как важный общий культурный код населения России. При этом она опирается на историко-культурные особенности территорий, которые являются основой для формирования гражданской идентичности (Komleva, 2024).

Если мы обратимся к работам ученых-политологов, то можем увидеть следующие тенденции.

И.С. Семененко обращается к понятиям национальной и цивилизационной идентичностей. Национальная идентичность в ее работах является ресурсом развития, находящимся в диалектической взаимосвязи с цивилизационной и гражданской идентичностью. Поднимается вопрос о содержательном наполнении российской идентичности (Semenenko, 2009).

И.В. Самаркина, И.С. Башмаков, Д.П. Колозов исследуют формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики, делая акцент на механизмах адаптации к социокультурным и ценностно-идеологическим реалиям российского общества (Samarkina, Bashmakov & Kolozov, 2024).

Результаты исследования. В результате анализа трудов представленных ученых можно утверждать, что их работы в большой степени отражают современный этап научного осмысления феномена гражданской идентичности в России, который характеризуется междисциплинарным подходом и ориентацией на решение актуальных задач государственной национальной политики.

Идея интеграции научного знания позволяет нам использовать интегративный подход к исследованию гражданской идентичности, рассматривая её как сложный трансдисциплинарный феномен, который формируется на стыке политологии, психологии, социологии и педагогики.

Сама по себе гражданская идентичность – это сложное образование, состоящее из ряда компонентов: когнитивного – осознание своей принадлежности к гражданскому сообществу, знание своих прав и обязанностей; ценностно-мотивационного – принятие общих гражданских ценностей, чувство патриотизма и гражданской ответственности; деятельностного – реали-

зация гражданской позиции в процессе участия в общественной и политической жизни.

Еще раз отметим, что интегративный подход представляет собой наиболее перспективное направление в изучении общероссийской гражданской идентичности. Он позволяет преодолеть фрагментарность и междисциплинарную разобщенность, предлагая целостную модель исследования, которая учитывает: внутреннюю структуру феномена (когнитивный, ценностно-мотивационный, деятельностный компоненты), его динамический характер (меняющиеся стадии и статусы формирования, типы идентичности) и внешний контекст (государственный, культурный, этнический, территориальный аспекты).

Этот подход не отрицает значимости частных дисциплинарных исследований, а надстраивается над ними, обеспечивая методологическую основу для консолидации усилий политологов, социологов, психологов и педагогов в решении актуальных задач по укреплению гражданского единства России.

На наш взгляд, в процессе исследования важно обратиться к структурным компонентам гражданской идентичности личности: ценностно-мотивационному, когнитивному и деятельностному. Идею о структурности идентичности развивают многие ученые, относящиеся к разным научным направлениям. Например, доктор психологических наук В.С. Мухина, обращаясь к проблеме гражданской идентичности, достаточно ясно пишет о важности общего развития личности как условия целостной конструктивной гражданской идентичности. При этом в методологических подходах по ее формированию важно ориентироваться на целостную психологическую концепцию личности (Mukhina, 2020). Гражданская идентичность формируется в процессе идентификации с идеями, утверждающими ценность человека как гражданина своего Отечества. Здесь мы видим полисистемность изучаемого феномена, что нельзя не учитывать в процессе исследования.

Интегративный подход к исследованию идентичности позволяет не только рассмотреть фиксированную структуру, но и увидеть динамику развития ее компонентов. Этот процесс неравномерен и гетерохронен, на него большое влияние оказывает и социальная среда личности, и возрастные особенности ее развития, и интеллект и т.п. Современные исследования все чаще рассматривают идентичность не как статичное образование, а как динамичный процесс, находящийся под влиянием социальных, политических и

цифровых факторов (Olkhovskaya, 2021). Это особенно заметно в контексте цифровизации общества и роста наднациональных идентичностей.

Таким образом, методологической основой исследования выступил интегративный подход, реализованный посредством систематического анализа эмпирических данных и теоретических публикаций за период 2014–2024 гг., посвященных проблемам гражданской идентичности. Для обеспечения репрезентативности и междисциплинарности в выборку были включены работы из сфер политологии, социологии, психологии, педагогики, философии. Отбор источников проводился по критериям релевантности проблеме, наличия эмпирической базы и публикации в рецензируемых научных изданиях.

Анализ основных направлений исследования гражданской идентичности в отечественной науке. В процессе анализа большого массива эмпирических данных по изучению гражданской идентичности личности, в первую очередь – молодого поколения россиян, мы выделили несколько исследовательских направлений.

Первое направление касается мониторинга интеграционных процессов, которые происходят в полиэтничном российском обществе. Здесь исследователи особое внимание уделяют эмоциональному и ценностному отношению молодых граждан из разных регионов к своей стране (Avksentev, 2022). Л.М. Дробижева подчеркивает необходимость отслеживания динамики распространения российской идентичности как инструмента социальной интеграции в многонациональном государстве, особенно среди молодежи как наиболее адаптивной, но и уязвимой группы (Drobizheva, 2020). Эту идею в своих исследованиях продвигает З.А. Жаде (Zhade, 2022).

Второе направление исследований касается оценки эффективности государственной политики идентичности. Особенно важно в период активной государственной политики идентичности, в процессе социокультурных трансформаций проводить оценку «плюсов» и «минусов» политических решений в области формирования и развития идентичности у граждан России. В.А. Тишков, И.С. Семененко, О.В. Попова и другие указывают в своих исследованиях на концептуальные лакуны в национальной политике, требующие диагностики через изучение идентичности (Tishkov, 2017; Popova, 2020).

В третьем направлении мы наблюдаем исследование изменений в политическом анализе содержательных аспектов гражданской идентичности. Отмечается переход от патриотических и гражданских основ к цивилизационным основам идентичности через культуру, религию, историческую память

и т.д. (Shumilov, 2009). Выделяется новый исследовательский ракурс: формирование российской цивилизационной идентичности. Концепция цивилизационной идентичности требует дальнейшей эмпирической верификации в молодежной среде.

Четвертое направление исследования идентичности обладает компаративными и прогностическими функциями, так как важно обращать внимание на динамические характеристики гражданской идентичности, сравнивать ее становление в разные периоды и в разных странах с целью выявления устойчивых позиций, влияющих на формирование гражданской идентичности, и учета локальных ее аспектов в дальнейшей политике идентичности (Brubaker, 2016).

Кроме того, осмысление результатов целого ряда эмпирических исследований гражданской идентичности предоставило нам возможность выделить некие противоречия в полученных данных. Например, отмечается противоречие между декларативной и реальной идентичностью. С одной стороны, уровень общероссийской гражданской идентичности в 2024 году достиг своего исторического максимума и составил 94%, о чём сообщила вице-премьер Российской Федерации Татьяна Голикова на пленарном заседании V Всероссийского форума Федерального агентства по делам национальностей «Народы России»¹. При этом, по данным ВЦИОМа, фиксируется, что в 2024 году только 24% россиян были склонны доверять окружающим, причем среди молодёжи 18–24 лет этот показатель особенно низок – всего 12%². Показатель доверия коррелирует с целостностью личности, что, несомненно, влияет и на формирование идентичности. Выявленное противоречие свидетельствует о разрыве между вербальными выражениями и реальными социальными практиками у молодежи. Данную тенденцию мы отметили и в своих эмпирических исследованиях. Молодые лидеры, которые принимали участие в нашем исследовании гражданской идентичности, активно продвигают идеи патриотизма в массы, но при этом сами высказывают недоверие в возможности сформировать подобную идентичность у сверстников, что говорит о политическом снобизме.

¹ Уровень общероссийской гражданской идентичности достиг исторического максимума (2024). Объясняем.пф. <https://объясняем.пф/articles/news/uroven-obshcherossiyskoy-grazhdanskoy-identichnosti-dostig-istoricheskogo-maksimuma/>.

² Доверие в России: мониторинг (2024). ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring>.

Еще одно выявленное нами противоречие касается развития компонентов гражданской идентичности. А.М. Ходырев, Х.-А.С. Халадов, И.В. Головина в своем эмпирическом исследовании, которое проводилось по методике Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцевой, отметили значимую динамику когнитивного компонента гражданской идентичности у студентов, но при этом по деятельностному компоненту у них выявлены низкие показатели (Khaladov, Khodyrev, & Golovina, 2024). По всем ролевым позициям авторы отмечают достаточно высокую выраженность (на уровне выше среднего и более) всех компонентов структуры гражданской идентичности у студентов именно педагогических вузов страны. По оценкам студентов, во всех ролевых позициях в структуре гражданской идентичности наиболее выражен ее когнитивный компонент. Когнитивный и ценностно-мотивационный компоненты преобладают над деятельностным компонентом во всех ролевых позициях, кроме ролевых позиций «Идеал гражданина с моей точки зрения» и «Студент как гражданин через 10 лет». Данную тенденцию мы отмечаем в своих научных исследованиях. Можно обозначить ее как пассивный патриотизм. Этот вывод подтверждает и исследование С.О. Буранок. Автор провел масштабное исследование на 60 052 школьниках. Его опрос выявил серьезное противоречие «между государственными задачами по «формированию чувства гордости за историю России» и реальной ситуацией в школах (согласно опросу – почти 42% школьников не испытывают данного чувства). Выявлено, что существуют сферы, отвечающие за формирование гражданской идентичности, где в настоящий момент достигнуты серьезные успехи в плане вовлеченности школьников: просмотр исторических фильмов и сериалов (интерес выразили 52,3% школьников); история семьи и краеведение (63,9% школьников выразили к этому устойчивый интерес). Но, вместе с тем, существуют и проблемные области: чтение дополнительной литературы (27,5% школьников не видят необходимости в нём); знакомство с историческим образовательным контентом в сети (40,9% школьников не выразили интерес); общение на исторические темы в кругу семьи или друзей (24,4% не общаются на данные темы); посещение школьных и региональных музеев (интерес у 24,7%); знакомство с экспозициями музеев и выставок в Москве (73,5% школьников не могут посещать их) (Buranok, 2022).

Еще одно противоречие, выявленное нами, касается самого процесса исследования гражданской идентичности и выбора методов работы. Достаточно популярен ассоциативный эксперимент в исследовании гражданской

идентичности. Он позволяет выявлять глубинные слои идентичности, не всегда доступные в традиционных анкетных опросах, имеющих большую популярность, но при этом сложен в анализе, трудозатратен. Существует сложность в проведении лонгитюдных исследований, хотя в современных реалиях – это важный и даже необходимый исследовательский ракурс, который позволяет отслеживать динамику формирования идентичности во времени. Появляются новые современные цифровые методы исследования идентичности, например метод анализа цифрового следа (соцсети, блоги), открывающий возможности для изучения деятельностного компонента идентичности у молодёжи в естественной среде, но при этом феномен идентичности, исследуется лишь частично, что не позволяет сделать целостных выводов о ее особенностях.

Таким образом, на основе анализа эмпирических исследований гражданской идентичности последних лет мы можем выделить перспективы изучения феномена идентичности в современной России.

Важно перейти на лонгитюдные когортные исследования. Они необходимы для отслеживания динамики идентичности у одних и тех же групп респондентов на протяжении длительного времени. Это позволит выявить факторы, влияющие на изменение идентичности, её развитие. Также необходимо обратиться к кросс-культурным сравнительным исследованиям, что позволит выявить универсальные и специфические паттерны формирования идентичности, например, - на постсоветском пространстве.

При исследовании идентичности важно применять интегративный подход. Причем должна осуществляться интеграция не только научных областей, но и методов, например, количественных и качественных. Сочетание психометрических методов с анализом цифрового следа и глубинных интервью позволит получить более полную картину. При этом важно учитывать специфику цифровизации, изучать, как алгоритмы соцсетей формируют фрагментированное восприятие истории и идентичности.

Важно уделять внимание формированию деятельностного компонента гражданской идентичности, но учитывая при этом все другие ее компоненты. Гражданская идентичность остается критически важным ресурсом для консолидации общества и обеспечения стабильности государства. Однако ее формирование не может быть сведено к простой трансляции информации.

References

Piaget, J. (1972). L'épistémologie des relations interdisciplinaires [The epistemology of interdisciplinary relationships]. In L. Apostel et al. (Eds.), *Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities* (p. 144). OECD Publications.

Brubaker, R. (2016). *Gender and race in the era of unstable identity*. Princeton University Press.

Avksentev, V. A. (2022). Formirovanie rossiyskoy identichnosti na Severnom Kavkaze: institutsional'nye i sotsiokul'turnye ramki [Formation of Russian identity in the North Caucasus: Institutional and socio-cultural frameworks]. *Politicheskaya Ekspertiza: POLITEKS*, 18(1), 72–86. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105> (In Russ)

Buranok, S. O. (2022). Grazhdanskaya identichnost' i istoriya: rezul'taty vse-rossiyskogo oprosa shkol'nikov [Civic identity and history: Results of an all-Russian survey of schoolchildren]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, 56(2), 272–287. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.2.16> (In Russ)

Drobizheva, L. M. (2018). Rossiyskaya identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya [Russian identity: Discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness]. *Polis. Political Studies*, 5, 100–115. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09> (In Russ)

Drobizheva, L. M. (2020). Rossiyskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [Russian identity: Searching for a definition and the dynamics of spread]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 8, 37–50. (In Russ)

Zhade, Z. A. (2022). Dinamika etnicheskoy identichnosti adygov/cherkesov [Dynamics of the ethnic identity of the Adyghe/Circassians]. *Teorii i Problemy Politicheskikh Issledovaniy*, 11(2A), 20–26. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.68.35.002> (In Russ)

Komleva, V. V. (2024). Grazhdanskaya identichnost' naseleniya novykh sub"ektov Rossiyskoy Federatsii: problemy, politika, tekhnologii [Civic identity of the population of the new subjects of the Russian Federation: Problems, politics, technologies]. *Rossiya: Obshchestvo, Politika, Istoriya*, 13(4), 130–147. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4\(13\)-130-147](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4(13)-130-147) (In Russ)

Mukhina, V. S. (2020). *Lichnost': Mify i real'nost' (Al'ternativnyy vzglyad. Sistemnyy podkhod. Innovatsionnye aspekty)* [Personality: Myths and reality (An alternative view. System approach. Innovative aspects)] (7th ed.). Natsional'nyy knizhnyy tsentr.

Olkhovskaya, S. S. (2021). Perezhivanie krizisa sotsial'noy identichnosti v period ranney vzroslosti [Experiencing the crisis of social identity in early adulthood]. *Psikhologiya Cheloveka v Obrazovanii*, 3(3), 222–247. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-222-247> (In Russ)

Popova, O. V. (2020). O nereshennykh problemakh teorii gosudarstvennoy politiki identichnosti v rossiyskoy politologii [On unsolved problems of the theory of state identity policy in Russian political science]. *Politicheskaya Nauka*, 4, 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05> (In Russ)

Rudakov, S. I. & Filiptsev K. N. (2020). Political culture and civic identity as elements of the political system of society]. *Philosophy and Society*, 94(1), 25–36. (In Russ)

Samarkina, I. V., Bashmakov, I. S., & Kolozov, D. P. (2024). Obraz budushchego v sub"ektivnom prostranstve politiki molodezhi novykh regionov RF [The image of the future in the subjective political space of youth in the new regions of the Russian Federation]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 26(2), 373–388. (In Russ)

Semenenko, I. S. (2009). Dilemmy natsional'noy identichnosti: politicheskie riski i sotsial'nye priobreteniya [Dilemmas of national identity: Political risks and social gains]. *Polis. Political Studies*, 6, 8–23. (In Russ)

Shumilov, V. K. (2009). Vremya konservativnogo pokoleniya [The Time of the Conservative Generation]. Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta. (In Russ)

Tishkov, V. A. (2017). Identichnost' i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii [Identity and life strategies of students in Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 8, 81–87.

Khaladov, Kh.-A. S., Khodyrev, A. M., & Golovina, I. V. (2024). Spetsifika grazhdanskoy identichnosti studentov — budushchikh pedagogov i otechestvennye praktiki ee formirovaniya v usloviyakh akademicheskoy mobil'nosti [Specifics of civic identity of students — future teachers and domestic practices of its formation in conditions of academic mobility]. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 3(44), 228–236. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-44-228-236> (In Russ)

Для цитирования: Бугайчук, Т. В., Гражданская идентичность в современной России: эмпирические диссонансы и методологические вызовы / Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 20-30. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-20-30.

А.В. Скиперских

A. Skiperskikh

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СССР: ФОРМЫ, ОБРАЗЫ, СМЫСЛЫ

MASS CULTURE IN THE LEGITIMATION OF POWER IN THE USSR: FORMS, IMAGES, MEANINGS

Аннотация

В статье проводится анализ процесса легитимации власти в СССР в контексте культурного влияния, распространявшегося на общественную массу. Власть легитимируется с помощью культурного ресурса, значительно упрощающего для неё трудоёмкие процедуры социального одобрения и признания. С помощью исторического метода удаётся проследить эволюцию влияния масс на государство, равно, как и увидеть, как могли трансформироваться практики власти в отношении масс с точки зрения их разнообразия. Процесс легитимации власти в СССР в культурном контексте происходил при участии мощностей всех видов советского искусства. С одной стороны, легитимация подстраивалась под общественный вкус. С другой стороны, она предполагала воспитание и дисциплинаризацию советского человека средствами искусства. Это подтверждает использованный в исследовании институциональный метод. Отдельные истории легитимации власти раскрываются при посредстве метода case-study. С его помощью рассматриваются конкретные случаи в их детализации и погружении. В свою очередь, это корреспондируется с советским культурным нарративом.

В исследовании делается вывод о том, что все формы, образы и смыслы советской культуры, создававшиеся в рамках определённого государственного задания, имели цель конструирования определённого политического и культурного стиля, рассчитанного на советского человека. Культурно обогащённая масса выступала в качестве фундаментальной поддержки советской власти. Это значительно упрощало процесс её политической легитимации.

Abstract

This article analyzes the process of legitimation of political power in the USSR. Legitimation is considered in the context of cultural influence extending to the masses. Power is legitimized through cultural re-sources. This significantly simplifies the laborious processes of social approval and recognition. Using the historical method, it is possible to trace the evolution of the masses' influence on the state. It also highlights how the practices of power in relation to the masses may have transformed, taking into account their diversity. The process of power's legitimation in the USSR in a cultural context involved all forms of Soviet art. On the one hand, legitimation was tailored to public taste. On the other hand, it entailed the education and disciplining of Soviet citizens through the means of art. This is confirmed by the institutional method used in the study. Individual stories of power's legitimation are revealed through the case study method. It examines specific instances in detail and in depth. This, in turn, corresponds with the Soviet cultural narrative.

The study concludes that all forms, images and meanings of Soviet culture, created within the framework of state assignments, had the goal of forming a certain political and cultural style. The culturally enriched masses acted as a fundamental support for Soviet power. This significantly simplified the process of its political legitimation.

Ключевые слова:

власть, культура, легитимация, политическая элита, политическая культура, СССР.

Key words:

culture, power, legitimation, political elites, political culture, USSR.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-31-43>

Процесс легитимации политической власти предполагает использование властью целого ряда ресурсов. Доверие и любовь общества редко базируются на персональном факторе. Общественные настроения могут быть капризными, поэтому вполне объясним акцент на практики экономического и репрессивного давления. Важное место в легитимации имеет и традиция, когда общество принимает и поддерживает существующие ритуалы. Среди традиционных механизмов конструирования легитимности следует отметить культуру.

Культурный фактор по-разному отзывается в политическом дизайне государств. Политические режимы по-своему капитализируют культуру в легитимационных практиках. В демократических режимах традиционно конструируется культурное многообразие, полифония стилей, идеологические альтернативы и внимание к человеку как мере вещей. Культура создаёт ситуации неравенства, производя постоянные различия, имеющие политические предпосылки и не ускользающие от внимания исследователей (Likhachev, 1989, p. 35).

Тоталитарные режимы выглядят куда более осторожными и консервативными. В тоталитарных машинах доминируют «комиссары», «защищающие государство и режим», которых однажды Н. Хомский противопоставил «диссидентам» (Chomsky, 2002, p. 162).

Подобное расхождение в подходах базируется на фундаментальных основах и различиях в культурах. Так, К. Цеткин отмечала несовместимость пролетариата и искусства, считая, что условия, «создаваемые капиталистическим строем, враждебны искусству» (Zetkin, 1958, p. 98). Рабочий человек выступал не готовым воспринимать искусство по причине озабоченности элементарными проблемами выживания.

Обратим внимание на двоякость искусства. С одной стороны, именно рабочий класс создаёт материальный фундамент, на котором оно базируется. «Сотни тысяч рабочих – плотники, каменщики, красильщики, столяры, обойщики, портные, парикмахеры, ювелиры, бронзовщики, наборщики –

целые жизни проводят в тяжёлом труде для удовлетворения требований искусства», - писал Л.Н. Толстой (Tolstoy, 1978, р. 31). Мудрое замечание Л.Н. Толстого в каком-то смысле доказывается французским социологом П. Бурдьё в теории культурного поля, где автор связывает позицию человека в отношении культуры от его экономической свободы (Bourdieu, 1993).

Но, с другой стороны, искусство есть инструмент обращения широких масс. Вкладываясь в производство культурного продукта, власть формировала базу для новых легитимационных процедур. Светить и греть может не только печка, но и стихотворение В. Маяковского, как некогда высказывался А.В. Луначарский (Lunacharsky, 1982, р. 36). Для обеспечения подобного установления запускается весь государственный аппарат, отвечающий за культурную индустрию. В своё время В.Э. Мейерхольд мечтал о том, чтобы рабочие театры назывались по номерам, равно, как и воинские соединения. Культура начинает в прямом смысле служить государству, тотально захватывая все формы и смыслы.

Смена общественных формаций несколько выправила положение в пользу рабочего класса, с той лишь разницей, что для него стали подготавливать уже готовый репертуар. Многочисленные исследования тоталитарной культуры демонстрируют приоритет государственных интересов над человеком.

Культура, которой сопротивляются массы представляет собой «культуру эстетов и педантов, не вносящих вклад в развитие человека и государства», - считает Д. Моисеев в своём тексте о философских основаниях итальянского фашизма (Moiseev, 2019, р. 223). Испанский кейс нарождающейся массы и подчиняющей культурное пространство своему вкусу анализировал Х. Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset, 2008). В 1930-е гг. появился доклад О. Шпенглера, в котором можно увидеть много рассуждений о культурном различии масс и элиты применительно к Германии (Spengler, 2007). Советские партийные вожди также прекрасно понимали секреты вызывания «истеричной реакции масс» при помощи культурных продуктов (Huizinga, 2010, р. 238). Массы значительным образом и сами дают сигнал власти по поводу того, какими должны быть культурные институты, которые, следуя мысли американского политолога Д. Норта, представляют собой «комплекс правил, норм и принуждений» (North, 1997, р. 108).

Вопрос конструирования общественного вкуса становится государственным делом и ему уделяется самое серьёзное внимание.

Мастера советской культуры в легитимации советской элиты

Советский эстетик Ю. Боров среди видов искусства выделяет литературу, театр, графику, живопись, скульптуру, хореографию, музыку, архитектуру, прикладное и декоративное искусство, цирк, фотографию, телевидение и индустриальное искусство (Borev, 1975, р. 342). В советской культуре все отмеченные виды искусства были ориентированы на массовую аудиторию. Создаваемые образы, формы и смыслы были глубоко идеологизированы, будучи ориентированными на создание нового советского человека. Учитывая его общий уровень культуры, задача советской режиссуры могла сводиться к производству аттракционов, составленных из раздражителей (Krasnyy Eyzenshteyn, 2017). Впрочем, необходимо было понимать, что человек бывает сыт и удовлетворён не только абстрактными вещами. Общество могли интересовать не только проблемы высокого искусства, но и элементарная повседневная жизнь, голос которой периодически прорывался наружу в период региональных избирательных кампаний.

В политическом дискурсе появляется такой концепт, как «перековка», выступающая «механизмом изменения сознания и психологии» (Manin, 1999, р. 258). Прошедший перековку человек выступал важным ферментом легитимации режима. Такой человек был вовлечён в героический дискурс, и готовился к жертвенному образу жизни. Как отмечал накануне II Мировой Войны Й. Хёйзинга, «наше время действительно нуждается в героическом снадобье — при условии, что его применит настоящий врач и подобающим образом» (Huizinga, 2010, р. 110). Культурной терапией в СССР занималось государство. Пространство советской культуры постепенно заполнялось продуктами, связанными с легитимационными интересами правящего класса.

Процесс легитимации власти обладал двояким эффектом. С одной стороны, он являлся рутинизированной практикой – социалистическое здание строилось каждый день. С другой стороны, легитимационный процесс сопровождался и производством постоянной радости. Советское искусство было призвано давать ощущение праздника, будто бы восполняя его дефицит, формирующийся в результате методичного и каждодневного труда. Характеризуя культуру массы, Э. Канетти отмечал, что «благодаря плотности вещей и людей приумножается жизнь» (Canetti, 2014, р. 54). Советский человек оказывался в плотном кольце культурных продуктов, обладавших мощным идеологическим излучением, будь то поездка на московском метро, посещение кинотеатра и библиотеки, театра и концерта, поход в цирк или на ста-

дион. Именно в таком антураже проходил ежедневный маршрут советского человека, затаившего «тоску по приватности» (Trudolyubov, 2015, p. 42).

Культура для масс создавалась крупными мастерами советского искусства. Соответственно, следует отметить её крайне высокий уровень. Практически во всех видах искусства существовали иерархия и творческая элита, периодические издания и творческие союзы, возглавляемые корифеями советского искусства. Как отмечают некоторые исследователи, такие союзы способствовали «унификации творческой мысли», выступая «резервациями, куда загнали художников для творческой жизни под зорким наблюдением государственных и партийных верхов» (Manin, 1999, p. 196). В период с 1941 по 1954 гг. в СССР существовала практика награждения Сталинской премией за выдающиеся достижения в науке и технике, военном деле, литературе и искусстве. Сталинской премией были отмечены многие авторы известных советских текстов, составляющих визуальную и концептуальную среду советской культуры. Советский режиссёр И. Пырьев был удостоен Сталинской премией 6 раз, а его жена – актриса М. Ладынина – 5 раз. Во многом схожая ситуация была и с Г. Александровым и Л. Орловой, а также с С. Герасимовым и Т. Макаровой. Равно, как выдающиеся режиссёры, так и их жёны – всесоюзно известные актрисы были отмечены высоким вниманием власти. Дважды награждался Сталинской премией и С. Эйзенштейн.

Произведения, удостоенные Сталинской премии, как отмечает И. Голумшток, автоматически «включались в «золотой фонд» советского искусства. Ими открывались экспозиции всех крупных выставок; обретая характер подлинных исторических документов, они входили в школьные учебники и служили иллюстрациями к научным трудам; они распространялись по всей стране в тысячах копий и миллионах репродукций» (Golomshtok, 1994, p. 206). Мастера советской культуры выступали авторитетами для масс, периодически соприкасавшихся с их текстами, и могли становиться частью бессознательного. Неслучайно, в стихотворении И. Бродского «Горбунов и Горчаков» (1968) в психбольнице один из пациентов признаётся другим, что ему снились Уланова и Орлова.

Эстетические пристрастия верхов при всей их значительной идеологизированности отличались значительным субъективизмом. Успешное продвижение того или иного мастера культуры свидетельствовало о том, что его образный мир и создаваемая им форма находят понимание на самом верху. Известно внимание И. Сталина к картинам А. Герасимова и Д. Налбандяна. В

Барвихе, бывшей резиденцией И. Сталина, висела репродукция картины Ю. Непринцева «Отдых после боя» (1951), явно свидетельствующая о реалистическом вкусе советского вождя.

Н. Хрущёв ставил в пример живопись А. Лактионова, считая её максимально правдоподобной и лишённой лакировки, характерной для сталинского периода. В период правления Н. Хрущёва в мир советского искусства возвращаются «формальные эксперименты и стремление говорить правду» (Fitzpatrick, 2023, p. 188). Влиятельные советские авторы, узурпировавшие виды искусства и выходявшую в их рамках продукцию, с тревогой смотрели на «оттепельное» преображение по примеру выставки П. Пикассо в Москве в 1957 году. В живописном искусстве не прощалось пессимистическое настроение. Как отмечал А. Глезер, во избежание дальнейших проблем художникам «нельзя было написать пейзаж в том стиле, который не дозволен» (Glezer, 1983, p. 356).

Масса жаждет зрелища и ей может постепенно наскучить обычная речь и монотонность. Театральные постановки В. Мейерхольда отличались большим количеством нетрадиционных и шокирующих решений для публики. Искусство советского цирка и его высокая роль в развитии массовой культуры отмечена Г. Александровым в х/ф «Цирк» (1936). Масса посещала кинотеатры, становясь ближе к кино – «удобному виду искусства для создания системы контроля со стороны властей и выборочного распространения среди населения» (Billington, 2001, p. 170).

Одним из важнейших видов искусства по-прежнему являлась литература, основанная на мощных традициях русской классики. Советской элитой могла всячески подчёркиваться её особая роль в воспитании советского человека. Литература в СССР обладала внушительным легитимационным потенциалом, создавая образы и характеры, влиявшие на моральные и идеологические выборы целых поколений советских людей. Советский человек воспитывался на детской литературе, тиражировавшей необходимые установки молодым жителям советской страны. Влияние детской литературы в СССР могло быть настолько высоким, что вплоть до настоящего время образы и тексты советских авторов – С. Михалкова и С. Маршака, А. Барто и Л. Пантелеева, А. Гайдара и Ю. Житкова – до сих пор остаются в памяти современных россиян в возрасте 50+.

Симпатии И. Сталина к поэтическому творчеству В. Маяковского привели к тому, что в СССР стали массово устанавливать памятники поэту и изготавли-

вать малую пластику для домашнего декора. Именем поэта называли улицы, станции метро и колхозы. Американский исследователь К. Проффер говорит о возникновении «целой индустрии Маяковского» (Proffer, 2017, p. 162).

Советская власть выступает самым влиятельным цензором литературных текстов. Любое более или менее известное произведение предполагало, что его автор прошёл экзамен на благонадёжность. Советская культура во многом наследовала имперскую практику контроля над интеллектуальными умами и настроениями. Известно, что едва ли не личным цензором А. Пушкина был Николай I. Глубокая осведомлённость И. Сталина о проблемах литературного цеха объясняла его критическую реакцию на творчество О. Мандельштама, арест которого во многом был связан со стихотворением «Ода». Известны звонки И. Сталина Б. Пастернаку и М. Булгакову. Советский фольклор в анекдотической форме воспроизводил историю о неожиданном звонке из Кремля в один из московских театров, после которого умер его директор.

Тоталитарным режимам свойственны практики умолчания, отражающиеся на культурной памяти. Культура представляется им конструктором, который собирается в интересах власти. Определённую близость режимов в политике памяти можно увидеть в истории Б. Корнилова – автора «Песни о восточном», репрессированного в 1937 году. Авторство песни, исполнявшейся на музыку Д. Шостаковича, показывалось в обезличенной фигуре: «слова народные». Х. Арендт в истории с авторством немецкой поэмы «Лорелея» Г. Гейне, отмечает, что близкая к партии народность, не могла быть вымарана ни «художественной критикой, ни юдофобией». Тем не менее, в тоталитарном дискурсе «утверждалось, что автор её неизвестен» (Arendt, 2008, p. 63).

Мастера советской культуры, попадавшие «в тираж», пользовались большими предпочтениями советской системы. Представители культурной элиты в Москве в начале 1930-х гг. соседствовали друг с другом в писательских домах и домах-мастерских для художников. Появились целые дачные посёлки для творческой интеллигенции. Членство в творческих союзах открывало доступ к санаториям и домам отдыха, снабжению через специализированные магазины. Произведения именно таких авторов государство начинает централизованно закупать. Инвестиции в искусство, создаваемое авторами лояльными системе, значительно упрощает практики легитимации власти.

Влияние крупных фигур советского искусства, контролировавших жизнь творческих союзов и объединений на самых разных уровнях власти, существенно увеличивалось. Именно им предстояло решать, в кого вкладывать те или иные ресурсы, кому давать возможность участвовать в выставках, и кому предлагать выгодные заказы.

Неслучайно, И. Сталину приписывается определение писателей, как «инженеров человеческих душ» - советскому вождю понравилось сравнение, подсказанное ему Ю. Олешей. Инженерные метафоры, намекавшие на кропотливую огранку и заточку молодого советского организма, могли распространяться и на представителей других видов искусства.

Советская культура и «другие» тексты

Масса выглядит достаточно разнородной, и её мозаичная структура способствует формированию вокруг себя альтернативного культурного поля.

Некоторые культурологи склонны считать, что попытки минимизации контактов с государственной машиной в русской и советской культуре могут содержать в себе затаённую мечту о «частной жизни». С. Бойм, со ссылкой на словарь В. Даля, замечает, что в нём отсутствуют определения словосочетаний «частная жизнь» и «личная жизнь», а служба на государство не может быть совместимой с личностью (Boym, 2022, p. 108). «Я принадлежал одновременно к коренной нации державы и к её противоречивому меньшинству», - о собственной двойственности мироощущения признавался П. Вайль (Vayl', 2011, p. 202).

Во всех видах советского искусства мы можем увидеть примеры поиска собственной правды, попытки самостоятельного и не ангажированного творчества, демарша и даже конфликта с системой. Руководители советской культуры делали всё возможное для того, чтобы подобные тексты не прорывались в публичное пространство. Как в частных собраниях живописи очень редко можно встретить работы официально признанных мастеров по вполне понятным причинам – лучшие работы находились в музеях и галереях, так и официальные культурные институции обходили представителей «другого» искусства – власть не могла покупать спорные и антисоветские работы. Поэтому, в современных российских музеях и галереях сегодня существует дефицит текстов неофициального искусства, отзывавшихся на культурную и политическую ситуацию 1960-1980-х гг.

Практически любой вид советского искусства наряду с авторами произведений из «золотого фонда» может иметь и целый текст, создаваемых авторами ради удовлетворения собственного голоса и чувства справедливости. Такие тексты прочитывать сколько-нибудь однозначно было затруднительно, и, поэтому, им было суждено какое-то время не выходить в тираж, а дожидаться своего часа. В СССР появилась практика самиздата и тамиздата. Редкие издания, вышедшие из-под печатной машинки, заботливо оформляли во владельческие переплёты. В проникавших в культурное пространство текстах «искали ключ к пониманию смысла жизни» (Dubnova, & Dubnov, 2007, p. 8).

Некоторые авторы предпочитали вести двойную жизнь, пытаясь сохранять приличные отношения с официальной властью, снабжающей их ресурсами, и, одновременно с этим, симпатизировать «другой» культуре, которая ни в коем случае не могла славить власть. Между официальной советской культурой и «другой» культурой существовала некая буферная зона, в которой, с одной стороны, допускалась некая критика, но, с другой стороны, справедливость высшей партийной власти не подвергалась сомнению. Тяготение к буферной зоне объяснялось не только эпизодами личной биографии и семейными историями в репрессивной тональности (А. Ахматова, А. Твардовский, Б. Окуджава, М. Плисецкая и т.д.), но и чувством текущей конъюнктуры, когда авторы видели перспективы осторожной критики власти.

Что-то подобное можно сказать о творчестве В. Дудинцева и Ю. Трифонова, Ю. Бондарева и некоторых других авторов. В 1970-е гг. В. Высоцкий выступал в театре на Таганке, возглавляемом Ю. Любимовым, а М. Захаров отметился явным политическим высказыванием в х/ф «Убить дракона». Вообще, в позиционировании ряда интеллектуалов присутствовала неясность, которая «вызывала недоверие к ней у противостоящих идеологических лагерей» (Erofeev, 2002, p. 259).

Власть, безусловно, пыталась договариваться с некоторыми интеллектуалами, подкупая их заманчивыми предложениями. Сложно представить себе ситуацию, когда представитель официальной культуры, руководящий советским театром или музеем, вдруг начинал самостоятельный поиск истины. Деятели культуры понимали опасность отклонений от допустимой критики. П. Бурдьё называет такую практику «законом Жданова», когда наиболее непримиримыми в диалоге с властью оказываются интеллектуалы, максимально глубоко погружённые в собственный научный дискурс (Bourdieu, 2022). И, наоборот, сговорчивее оказываются те, кто не слишком сильно по-

гружён в исследования и легко может от них отказаться, приняв выгодные предложения власти.

В 1966 году появилось открытое письмо 25 деятелей советской науки, литературы и искусству Л. Брежневу, в котором заявлялось о недопустимости частичной или косвенной реабилитации И. Сталина. Сам факт присутствия среди подписантов автоматически намекал на «другую» позицию в отношении как пути развития советского искусства, так и текущей политической ситуации.

Чрезмерное смещение в критику могло со временем значительно маргинализировать автора, что мы можем увидеть на примере А. Галича, проделавшего путь от автора сценария программного для советской власти х/ф «Государственный преступник» (1964) – до поэтической критики и выступлений на Радио Свобода. Невозможность открытого противостояния в СССР вынуждало многих интеллектуалов выбирать путь эмиграции. Показательны истории ряда крупных фигур советского балета – А. Годунова, Р. Нуреева, М. Барышникова. Четверо советских композиторов из запрещённой «семёрки» Т. Хренникова покинули СССР к моменту его распада. Резонансными выглядели примеры с М. Шемякиным и И. Бродским – эмиграции предшествовало заточение в психиатрические лечебницы. Не имевшие возможности эмигрировать представители «другой» культуры, находили определённые лакуны на маргиналиях системы. Вокруг них собиралась аудитория, испытывавшая недоверия к текстам официального искусства.

Авторы, производящие спорные тексты, в которых могла просматриваться критика советского строя, аккуратно оттеснялись на периферию на контрасте с авторами, создававшими программные тексты массовой культуры. Правящему классу требовалась энергия масс, и необходимый культурный заряд массы должны были получать в непосредственном центре, в столице.

Формы, образы и смыслы массовой культуры в СССР и их легитимационный потенциал

Советская массовая культура в доступных для понимания обществом формах производила вполне репрезентативные образы героев. Советских людей, героизировавшихся культурой, отличали скромность и работоспособность, жизнелюбие и патриотизм. Честность и принципиальность Павлика Морозова и Павки Корчагина отзываются в х/ф «Бежин луг» С. Эйзенштейна и хрестоматийном тексте «Как закалялась сталь» Н. Островского.

Герои, воспевавшиеся советским искусством, представляют практически всю номенклатуру профессий. Самые распространённые профессии могли отражать экономический профиль советского государства. Таковы, в частности, герои в х/ф «Трактористы» (1939) И. Пырьева или «Ужине трактористов» (1951) А. Пластова. Героизация труда обычных строителей присутствует в х/ф «Высота» (1957) А. Зархи. С образами любимых героев связывается не только жизненный мир советского человека, но и его речевые практики. Продукты массовой культуры выступали кладями смыслов, крылатых выражений и цитат. В дискурсе советского кинематографа могли возникать даже довольно сложные образы, прочтение которых склоняет некоторых исследований к достаточно интересным выводам (Panishchev, 2024).

В советской культуре героизировались практически все профессии – от врачей – до подводников, от колхозников – до лётчиков. Советский кинематограф воспевал практически все профессии. То же самое можно сказать и о скульптуре, живописи, литературе, театре, музыке. В частности, в советской фарфоровой скульптуре можно найти примеры героизации представителей тех или иных видов спорта. Производство многотиражной продукции государством создавало необходимый эффект легитимации.

Различные периоды советской истории фокусировали внимание на тех или иных качествах советского человека, релевантных текущей ситуации. Найденное соответствие времени и характера находило отражение во всех видах искусства. В частности, росписи павильонов союзных республики на ВДНХ обязательно отражали понятный труд обычного человека в национальном контексте. Архитектура многочисленных кафе и ресторанов, детских кафе и буфетов на входе внутри выставки сопутствовала праздничному настроению, в котором предполагалось пребывать отдыхающей массе. Прогулки по ВДНХ советских трудящихся превращались в настоящее гастрономическое путешествие по национальным кухням СССР (Horst, 2024).

Как отмечают некоторые искусствоведы, чем жёстче окружающая реальность сдавливала массы, тем «обильнее громоздилась снедь на колхозных столах, тем радостнее расцветали улыбками лица трудящихся в картинах ведущих мастеров соцреализма» (Golomshtok, 1994, p. 181).

Массовая культура реагировала и не политические изменения, следовавшие за развенчанием культа личности. «Слащавыми и невыразительными выглядят образы детей, изображённых на трибуне с букетами цветов» – именно так отзывался на отдельные произведения монументальной пропа-

ганды влиятельный искусствовед В. Толстой почувствовав «оттепельные» тенденции в массовом искусстве (Tolstoy, 1958, p. 206).

В настоящей статье автор акцентировал внимание на то, как массовая культура в СССР фокусировала на себе государственные интересы, и как неустанная забота политической машины отзывалась на всех видах искусства. Приведённые нами примеры подтверждают решение ряда легитимационных задач советской власти с помощью различных видов искусства. Управляемая масса складывалась в сложные паззлы, и также приобретала необходимые новые орнаментальные фигуры, выложенные из людей (Kracauer, 2019, p. 42). В свою очередь, политическая элита СССР получала дополнительные обоснования собственного господства.

Советское государство являлось государством массы, свершившейся революции, где на авансцену был поднят человек социалистического труда. Отсюда, создаваемые искусством формы, смыслы и героические иконостасы могли быть близки широким массам. Культурные продукты стали производятся для масс и в интересах масс.

References

- Chomsky, N. (2002). *On nature and language*. Cambridge University Press.
- Arendt, H. (2008). *Skrytaya traditsiya. Esse* [The hidden tradition: Essays]. Tekst.
- Billington, J. H. (2001). *Liki Rossii. Strakh, nadezhda i sozidanie v russkoy kul'ture* [The faces of Russia: Fear, hope, and creation in Russian culture]. Logos.
- Boym, S. (2022). *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common places: Mythology of everyday life]. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Borev, Yu. (1975). *Estetika* [Aesthetics]. Politizdat.
- Bourdieu, P. (2002). *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Pragmatika kul'tury.
- Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Socio-Logos.
- Vayl', P. (2011). *Karta rodiny* [Map of the homeland]. Astrel'.
- Glezer, A. (1983). Sovremennoe mirovoe iskusstvo i russkaya neofitsial'naya zhivopis' [Contemporary world art and Russian unofficial painting]. *Kontinent*, (35), 353–371.
- Golomshtok, I. (1994). *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art]. Galart.
- Dubnova, M., & Dubnov, A. (2007). *Tanki v Prage, Dzhokonda v Moskve. Azart i styd semidesyatykh* [Tanks in Prague, Mona Lisa in Moscow: The excitement and shame of the seventies]. Vremya. (In Russ)
- Erofeev, V. (2002). *Labirint Odin: Vorovannyi vozdukh* [Labyrinth One: Stolen air]. EKSMO-Press. (In Russ)
- Canetti, E. (2014). *Massa i vlast'* [Crowds and power]. AST.
- Kracauer, S. (2019). *Ornament massy* [The ornament of the mass]. Ad Marginem Press.

- Krasnyy Eyzenshteyn. Teksty o politike* [Red Eisenstein: Texts on politics]. (2017). Common Place.
- Likhachev, D. S. (1989). *Zametki i nablyudeniya. Iz zapisnykh knizhek raznykh let* [Notes and observations: From notebooks of different years]. Sovetskiy pisatel'.
- Lunacharsky, A. V. (1982). *Literatura novogo mira* [Literature of the new world]. Sovetskaya Rossiya. (In Russ)
- Manin, V. (1999). *Iskusstvo v rezervatsii. Khudozhestvennaya zhizn' v Rossii 1917–1941 gg.* [Art in reservation: Artistic life in Russia 1917–1941]. Editorial URSS.
- Moiseev, D. (2019). *Politicheskaya filosofiya ital'yanskogo fashizma. Stanovlenie i razvitie doktriny* [The political philosophy of Italian fascism: Formation and development of the doctrine]. Kabinetnyy uchenyy.
- North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Nachala.
- Ortega y Gasset, J. (2008). *Vosstanie mass. Degumanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya* [The revolt of the masses. The dehumanization of art. Spineless Spain]. AST.
- Panishchev, A. L. (2024). *Obraz svyashchennikov i sovetskiy kinematograf (period grazhdanskoj vojny v Rossii)* [The image of priests and Soviet cinema (the period of the civil war in Russia)]. *Voprosy Kul'turologii*, 11(238), 1012–1019. (In Russ)
- Proffer, C. (2017). *Bez kupyur* [Uncensored]. AST.
- Tolstoy, V. (1958). *Sovetskaya monumental'naya zhivopis'* [Soviet monumental painting]. *Iskusstvo*. (In Russ)
- Tolstoy, L. (1978). *Literatura, iskusstvo* [Literature, art]. Sovremennik. (In Russ)
- Trudolyubov, M. (2015). *Lyudi za zaborom. Vlast', sobstvennost' i chastnoe prostranstvo v Rossii* [People behind the fence: Power, property and private space in Russia]. Novoe izdatel'stvo.
- Fitzpatrick, S. (2023). *Kratchayshaya istoriya Sovetskogo Soyuza* [The shortest history of the Soviet Union]. Al'pina non-fikshn.
- Huizinga, J. (2010). *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnyonnyy mir* [Shadows of tomorrow: Man and culture. The darkened world]. Izdatel'stvo Ivana Limbakha.
- Horst, W. (2024). *Otdykh i eda na VDNKh. Arkhitekturno-gastronomicheskoe puteshestvie. 1939–1989* [Leisure and food at VDNKh: Architectural and gastronomic journey. 1939–1989]. Boslen.
- Zetkin, K. (1958). *O literature i iskusstve* [On literature and art]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. (In Russ)
- Spengler, O. (2007). *Gody resheniy. Germaniya i vseмирno-istoricheskoe razvitiye* [Years of decision: Germany and the world-historical development]. U-Faktoriya.

И.С. Башмаков**I. Bashmakov****НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В
ПОЛИТИКЕ: ФАКТОРЫ,
МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ В
СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ****NEO-TRADITIONALISM IN
POLITICS: FACTORS,
MODELS, AND
MECHANISMS OF
REALIZATION IN MODERN
CONDITIONS****Аннотация**

В статье представлены результаты исследования феномена неотрадиционализма в политике. Анализируются факторы, цели использования неотрадиционализма в политике, проявления и модели неотрадиционализма на материалах зарубежных стран, а также основные институты, практики и инструменты неотрадиционализма в политике.

Цель исследования – описать неотрадиционализм как политический феномен, выявить факторы использования неотрадиционализма в политике, сходства и отличия данного процесса в различных странах, охарактеризовать институты, практики и технологии политического неотрадиционализма.

В статье проведен анализ различных подходов к описанию неотрадиционализма в зарубежной и отечественной науке. В авторской интерпретации неотрадиционализм как политический феномен описывается в качестве комплекса разнообразных явлений, связанных с использованием, переосмыслением и обновлением традиции в современной политической практике.

Исследование основано на сравнительном анализе общественно-политических систем зарубежных стран и политико-культурных макрорегионов. Основными причинами распространения неотрадиционализма в современной политике являются необходимость к адаптации к происходящим общественно-политическим изменениям, снижение влияния традиционных идеологий, стремление стран определить ориентиры суверенного развития.

Автором определены четыре модели использования неотрадиционализма в политике: исламская, китайская, индийская и европейская, которые отличаются по

Abstract

This article presents the results of a study of the phenomenon of neotraditionalism in politics. It analyzes the factors and purposes of neotraditionalism in politics, its manifestations and models, using materials from foreign countries, as well as the main institutions, practices, and instruments of neotraditionalism in politics.

The purpose of this study is to describe neotraditionalism as a political phenomenon, identify the factors underlying its use in politics, the similarities and differences between this process in different countries, and characterize the institutions, practices, and technologies of political neotraditionalism.

The article analyzes various approaches to describing neotraditionalism in foreign and domestic scholarship. In the author's interpretation, neotraditionalism as a political phenomenon is described as a complex of diverse phenomena associated with the use, reinterpretation, and renewal of tradition in contemporary political practice.

The study is based on a comparative analysis of the socio-political systems of foreign countries and political and cultural macroregions. The main reasons for the spread of neotraditionalism in contemporary politics include the need to adapt to ongoing socio-political changes, the diminishing influence of traditional ideologies, and the desire of countries to define guidelines for sovereign development. The author identifies four models of neotraditionalism in politics: Islamic, Chinese, Indian, and European. These models differ in their ideological foundations, institutional structure, and degree of openness to innovation. Tools of neotraditionalism include legislative changes, symbolic, informational, and edu-

своим идеологическим основам, институциональному оформлению, степени открытости инновациям. В качестве инструментов неотрадиционализма можно выделить изменения законодательства, символическую, информационную и образовательную политику.

Неотрадиционализм в качестве практики переосмысления и использования традиционного опыта в актуальном контексте служит для решения идеологических и практических задач современной политики. Политические неотрадиции формируют солидарность, чувство сообщества, коллективный образ будущего.

Ключевые слова:

неотрадиционализм, политика, политические институты, политические технологии, практики неотрадиционализма, политические традиции.

cational policies.

Neotraditionalism, as a practice of rethinking and using traditional experience in a contemporary context, serves to address the ideological and practical challenges of contemporary politics. Political neotraditions foster solidarity, a sense of community, and a collective vision of the future.

Key words:

neotraditionalism, politics, political institutions, political technologies, neotraditionalism practices, political traditions.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-44-64>

Традиции, в том числе политические, существуют во всех государствах и обществах, именно они обеспечивают преемственность в развитии социума, являются необходимым механизмом воспроизводства и интерпретации духовного и социально-политического наследия страны. Политические традиции, во-первых, обеспечивают наглядность власти и ее преемственность, во-вторых, предоставляют гражданам общие символы, память и ассоциации для поддержания общественного порядка, особенно в период кризисов, в-третьих, генерируют чувство гражданской принадлежности, обеспечивающей стабильность существования государства (Ai, 2015). Однако, традиции не являются чем-то неизменным, между различными обществами происходит постоянный культурный обмен, в связи с чем происходит изменение или обновление традиций. Внутренние факторы развития общества также могут влиять на изменение содержания или формы традиции, обуславливать их развитие или трансформацию. Таким образом, несмотря на разрушение традиции, которое происходит в обществе модерна (Бек, 2000; Giddens, 1994) в современном мире традиции сохраняются, но их значение и функции существенно меняются. Они перестают быть привязанными к определенному месту, а становятся элементом массовой коммуникации (Thompson, 1996).

В современных условиях глобального культурного обмена и взаимовлияния традиции утрачивают свою неизменность и обязательность. В результате развития новых форм коммуникаций, технологий и социальных

практик традиции приобретают инновационный характер, часто сохраняя традиционное содержание. Традиции и инновации, таким образом, образуют единство, являясь объектом выбора, интерпретации и актуализации (Гофман, 2015). С повышением роли традиций в современных условиях связан феномен неотрадиционализма, то есть актуализации новых традиций, которые являются интерпретацией прошлого опыта, но направлены на формирование будущего, становятся своего рода способом преобразования современного общества на традиционных началах.

Актуальность исследования феномена неотрадиционализма в современной политике обусловлена тем, что миропорядок, построенный, прежде всего, на западной системе ценностей и моделях развития, находится в кризисе, значительно усилившемся в последнее время, в связи с противостоянием со стороны других центров формирующегося многополярного мира. Страны и общества так называемого «третьего мира» часто недовольны сложившейся системой однополярного глобализма, в которой ведущую роль играют страны «золотого миллиарда», а также распространением либеральной массовой культуры со специфической системой морали, во многом базирующейся на отказе от традиционных ценностей. В связи с этим многие, преимущественно незападные государства, находятся в поиске новых социально-культурных и политико-идеологических ориентиров для развития собственных стран и обществ, без отрицания своих историко-культурных, социально-политических и религиозных традиций. Таким образом, развитие неотрадиционализма происходит как на уровне политической идеологии, так и на уровне общественных ожиданий.

Концепт неотрадиционализма в зарубежных и отечественных исследованиях

Феномен неотрадиционализма начинает изучаться на стыке социальных и политических наук, начиная с 80-х гг. XX века. В зарубежной науке сложилось несколько теоретических подходов к описанию данного феномена, проявляющегося в политической жизни. Первый подход уделяет внимание так называемым «изобретенным традициям», то есть намеренно созданным для использования в политической практике, прежде всего в целях национального строительства в XIX – первой половине XX века (Hobsbawm, 1983; Mawdsley, 2005). Как отмечает Э. Хобсбаум, «традиции, которые претендуют на древность, часто недавние по происхождению и иногда изобретенные» (Hobsbawm, 1983, р. 1). Неотрадиции в рамках данного подхода представляют собой искусственно созданные элитами институциональные

структуры, социально-политические обычаи и символы в целях формирования современных государств-наций.

Второй подход связан с анализом частичного возврата к практикам традиционализма в условиях современного модернизирующегося общества (Walder, 1986; Jowitt, 1983; Womack, 1991). Авторы изучают современные им незападные государства второй половины XX века (коммунистические Китай и СССР, страны Африки) и приходят к выводу, что по мере либерализации данных режимов происходит возврат к традиционным, либо архаическим общественно-политическим практикам, таким как патрон-клиентские отношения или кумовство, которые начинают оказывать существенное влияние на характер общественных отношений в данных государствах. Представители более современного третьего подхода, настаивают на том, что традиции могут быть не только изобретены, но и трансформированы или адаптированы для использования в новых реалиях, то есть сочетать в себе как местные культурные особенности, так и привнесенные инновации (Spear, 2003; Melito, 2022).

По мнению ряда авторов, использование неотрадиционализма в политике незападных стран в современных условиях часто происходит по причине отторжения идей космополитизма и мультикультурализма, а также сопутствующего им нового экономико-политического колониализма западного общества (Melito, 2022; Mach, 2022; Benczes et al, 2020). Концепт неотрадиционализма в современной зарубежной науке разрабатывается прежде всего в рамках конструктивистской и инструменталистской парадигм, отвергающих примордиалистское стремление к социальному детерминизму и неизменности, подчеркивающих сознательный, изменчивый и преднамеренный характер таких социальных структур как идентичность, память или традиции, которые могут быть использованы в прикладных политических целях.

В отечественной науке в 90-х гг. XX века также возникает интерес к теме возврата и возрождения традиции в современной социально-политической практике, данный феномен стал трактоваться как архаический синдром (Следзевский, 1992). Однако, рассмотрение феномена происходит прежде всего на основе социологических, либо этнографических данных. Иррационализация и архаизация массового сознания в постсоветском обществе, а также сознательный поиск новых духовных ориентиров, с опорой на традицию, проявлявшиеся в частности в таких явлениях, как возврат к религиозности, неоязыческим и другим духовным практикам, возрождение казачьих, этнических, сословных традиций приводит к увеличению интереса в отечественной науке к феномену нового традиционализма со стороны преж-

де всего социальной антропологии (Ламажаа, 2010; Орешкова, 2013; Бочаров, Попов, 2019; Попков, Тюгашев, 2020).

Неотрадиционализм в рамках социально-антропологического подхода трактуется как этнокультурное явление, как «актуализация потенциала традиционной культуры этноса на всех ее уровнях – от культурного ландшафта и хозяйственно-бытовой культуры до политико-правовой и духовной культуры» (Попков, Тюгашев, 2020, с. 117). Представители данного подхода подчеркивают, что неотрадиционализм следует отличать от традиционализма и архаизации. Так, Ю.А. Орешкова отмечает, что в отличие от неотрадиционализма традиционализм базируется на консервации и абсолютизации традиций, отказе от инноваций, замкнутости (эксклюзивности), меньшей рефлексивности (рациональности) и неукоснительном следовании традициям (Орешкова, 2013). Современный неотрадиционализм в работах российских антропологов предстает в виде сочетания инноваций и традиций, необходимого для адаптации жизни этносов и общества в целом к современным реалиям глобализирующегося и быстро изменяющегося мира. Неотрадиционализм, в представлениях отечественных антропологов, ориентирован не только на прошлое, но и на будущее.

В отечественной политологической науке также имеется ряд работ, посвященных явлению неотрадиционализма (Тян, 2019; Середа, 2011; Букалова, Меркулова, 2021; Михалева, 2022; Узун, 2023). Так, В.В. Тянь отмечает, что в посттрадиционном обществе в условиях кризиса власть, борясь с политической турбулентностью, ради достижения политической стабильности в обществе, обращается к неотрадиционализму, что, в частности, по мнению исследователя, проявляется в неоконсервативной модернизации современного российского общества. В.В. Тянь трактует политический неотрадиционализм как расширение неформальных отношений во власти (Тян, 2019). Несмотря на наличие достаточно большого числа работ, посвященных отдельным аспектам и проявлениям политического неотрадиционализма, существуют нехватка теоретических и практических исследований явления неотрадиционализма в отечественной политической науке, необходима дальнейшая концептуализация термина политический неотрадиционализм в рамках политической науки, проведение прикладных исследований данного феномена общественно-политической практики. Не выясненными до конца остаются факторы использования неотрадиционализма в политике, сходства и отличия данного процесса в различных странах, классификация институтов, форм, практик и технологий политического неотрадиционализма.

Неотрадиционализм как политический феномен включает в себя комплекс разнообразных явлений, связанных с использованием, переосмысле-

нием и обновлением традиции в современной политической практике. В результате развития неотрадиционализма в политике старые политические идеи, практики и институты занимают свое место и реализуются в новом политическом контексте, либо создаются новые политические структуры или нормы, которые имеют традиционное ценностное наполнение. Неотрадиционализм в политике может иметь несколько форм – от сознательного и целенаправленного использования в политических процессах традиций в целях легитимации власти и социальной консолидации до стихийных, либо сознательно конструируемых проявлений массового традиционализма, которые могут приводить к созданию новых общественно-политических движений.

Для рассмотрения неотрадиционализма в политике будет применен ряд теоретических подходов. Базовыми являются методологические принципы социального конструктивизма, где сообщество предстает в виде социального конструкта, воображаемого и конструируемого людьми, считающими себя его частью (Б. Андерсон), а также идентитарный подход, позволяющий интерпретировать социально-политические и социально-экономические изменения с точки зрения трансформации идентичности и процессов идентификации. Групповая идентичность в рамках конструктивистского и идентитарного подходов описывается не как раз и навсегда данная устоявшаяся особенность самосознания, а в качестве изменчивой когнитивной, ценностной и поведенческой структуры с определенным набором символов, идей и практик. Эти структуры, по мнению теоретиков конструктивизма, эволюционируют в процессе общественного и личного развития, а также целенаправленного конструирования.

Также в качестве основы исследования выступает цивилизационный подход к политике, который базируется на цивилизационной парадигме (О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Данилевский) и подчеркивает плюралистический характер путей государственного и политического развития (С. Хантингтон, В.В. Ильин, А.С. Ахиезер, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский), в противовес универсалистским теориям. Цивилизационный подход в процессах политического развития отдает приоритет общественно-солидарным началам, а не конкурентным, характерным для западно-центристских и глобалистских теорий. В связи с этим необходим учет специфики отдельных стран и цивилизаций, прежде всего в ценностно-идеологической сфере политики, но также и в смежной с ней сфере конкретной общественно-политической практики.

Также в рамках данной статьи применен аксиологический подход к политике (В.В. Ильин, А.С. Панарин, Д.В. Бадковский), согласно которому изменения в системе аксиологических координат общества могут служить основой для последующих изменений в структурных элементах обществен-

но-политической жизни в целом, а также неоинституциональный подход, в рамках которого политические институты расцениваются как устойчивые комплексы формальных и неформальных правил, обеспечивающих взаимодействие акторов политики (Д. Норт, Э. Остром, А.И. Соловьев, С.В. Патрушев, П.В. Панов, О.И. Зазнаев и др.).

Исследование основано на сравнительном анализе общественно-политических систем различных стран. Эмпирической основой исследования выступили факты и события политической истории зарубежных стран начиная с середины XX века, а также данные исследований других авторов.

Факторы возникновения и цели использования неотрадиционализма в современной общественно-политической жизни

Неотрадиционализм возникает в обществе в условиях быстрых и кардинальных изменений, причем не только на современном его этапе. Э. Хобсбаум, например, рассматривал неотрадиционализм как один из механизмов создания в XIX – начале XX века национальных государств и конструирования новых национальных общностей, прежде всего европейских, основанных на общих культурных символах и исторических мифах. Выводы других исследователей (Walder, 1986; Spear, 2003), говорят о том, что в результате распространения модернизационных процессов, общество начинает прибегать к «старым» формам организации социального и политического пространства, которые упорядочивают общественную жизнь, делают ее более привычной и предсказуемой. Т. Спир отмечал, что социальная конструкция традиций, законов и этничности колониальной администрации в Африке имели целью использование механизма традиции, привычного для данных обществ, в целях сохранения социального порядка для подчинения африканских сообществ колониальному правлению (Spear, 2003). Таким образом, феномен развития неотрадиционализма не является новым, схожие процессы происходили, начиная с XIX века (а возможно и в более ранние периоды кардинальных общественных трансформаций) в связи с переходом от традиционного аграрного общества к более современному индустриальному, необходимостью формирования наций, как новой основы политической лояльности и гражданской мобилизации.

Резкие изменения общественной морали и традиционной социальной структуры могут быть причинами обращения к неотрадиционализму. Социальные перемены могут вызывать недовольство, либо страх общества или отдельных социальных групп в результате быстрого расширения политических прав и свобод, наступления индивидуализированного постиндустриального общества и распространения унифицированной западной культуры

в быстро глобализирующемся мире. Радикальные перемены, такие как миграция, революция, быстрые политические преобразования, изменение экономической среды лишают людей чувства безопасности (Bauman, 2006). Таким образом, обращение к традиции позволяет вновь обрести утерянную безопасность и мировоззренческие ориентиры. Изначально устремленные к демократизации и либерализации на западный манер незападные общества быстро разочаровываются в не всегда успешных изменениях и выбирают путь возврата к традиционализму, либо продолжают развитие, но с опорой на собственный цивилизационный опыт и традиции. Схожие явления могут происходить и в среде западного общества, охватывая отдельные его субкультуры, например, мигрантские, этнические, региональные или религиозные сообщества, выбирающие путь не интеграции, а обособления и создания, замкнутых традиционалистски ориентированных групп.

Процессы распространения неотрадиционализма связаны со снижением влияния на рубеже 80-90 гг. XX века таких классических европейских идеологий как либерализм и коммунизм, и одновременной реидеологизацией стран третьего мира, на основе национальных или религиозных идей, что например, проявилось в возникновении и распространении главной современной оппозиции западной капиталистической идеологии – исламского фундаментализма. Как отмечает А.Б. Гофман, современный религиозный или этнический фундаментализм представляет собой радикальную инновацию, выступающую от имени традиции (Гофман, 2015). По мнению М. Ризеброта, фундаментализм – это городское движение, инициированное средним классом, его реакцией на распад патриархальных идей порядка и социальных отношений в условиях быстрой урбанизации, индустриализации и секуляризации (цит. по: Васильев, 1996). Неотрадиционализм, как современная политическая идеология, имеет схожие черты с консерватизмом. Консерватизм возникает на рубеже XVIII – XIX вв., в качестве идеологии, отстаивающей приверженность традиции в противовес происходящим радикальным социальным изменениям. Неотрадиционализм также подразумевает возрождение традиции, становится своего рода защитной реакцией на социально-культурные трансформации и сопутствующее социально-экономическое неравенство.

Однако, неотрадиционализм в политике следует отличать от консерватизма, традиционализма или фундаментализма, отвергающих прогресс и реформы. Неотрадиционализм сочетает в себе традиции и инновации, не подразумевает возврата к доиндустриальной архаике и использует идеи прошлого для движения к будущему, следовательно, может быть новым стимулом в политике развития для стран, которые видят потребность в продолже-

нии участия в капиталистической конкуренции и принимают реалии современного технологичного мира. Неотрадиционализм в политике становится необходимым в целях обретения собственной политической идентичности, основанной на национальных и цивилизационных культурных ценностях, в противовес чужой политической идеологии и практике.

Очевидно, что в условиях глобализирующегося мира, современной общественно-политической турбулентности и размывания национальных и этнических общностей неотрадиционализм может использоваться «сверху» в целях консолидации общества на основе традиционных ценностей, поддержания и укрепления гражданской общности и связанных с ними национальной памяти и гордости. Неотрадиционализм берет свою основу в исторической памяти, ценностных установках, коллективной идентичности, в связи с этим для власти становится своего рода ресурсом легитимации, единения с обществом, мобилизации для достижения общих целей развития. Неотрадиционализм может использоваться не только в целях консервации и укрепления существующего политического строя, но и в целях суверенного развития, с опорой на собственные силы и поддержку общества в условиях конкуренции мирового рынка. Политический неотрадиционализм приводит к созданию новых социально-политических институтов и практик, часто имеющих форму ритуала или обычая, берущих в качестве образца традиционные формы общественной жизни, но имеющие новые функции для решения современных проблем и задач.

Также возможно развитие неотрадиционализма «снизу», который может иметь как конструктивный характер, так и приобретать более крайние и архаичные формы, в качестве своего рода стремления общественных лидеров, групп и движений к признанию, возмещению прошлых обид и притеснений, критике и гражданскому сопротивлению происходящим в обществе культурным изменениям. Лидеры стихийного неотрадиционализма и их последователи стремятся к возрождению идеализированного прошлого и «золотого века» на основе коллективной памяти. При этом возрождаются не все традиции и обычаи, а только те, которые можно использовать в современных условиях, либо изобретаются новые, но часто претендующие на древнее происхождение. В случае возникновения общественно-политического неотрадиционализма «снизу» политические элиты вынуждены реагировать на общественное движение, либо запрещая его, либо используя его идеи. Таким образом, может происходить интеграция неотрадиционализма «сверху» и «снизу», включение массового варианта в политическую повестку, государственные практики, трансформация крайнего политико-культурного и внесистемного традиционализма в более умеренный официальный неотрадиционализм.

Проявления и модели неотрадиционализма в современной политике

Одним из примеров проявления неотрадиционализма в политике являются страны исламского мира (арабские страны, Иран, Турция, страны Центральной Азии), в которых экономические, политические и социальные преобразования, происходящие на протяжении XIX и XX вв., благодаря проникновению западных идей, культуры, общественно-экономической модели развития, привели к быстрым изменениям в социуме, прежде всего к ломке традиционных связей между людьми. Общественное недовольство привело к так называемому исламскому возрождению (таджиду), которое началось во второй половине XX века и воплотилось в стремлении преобразовать общество на началах ислама и мусульманских традиций. А. Суссер, отмечает, что процесс модернизации на Ближнем Востоке, включая Турцию и Иран, сопровождался повсеместным возвращением неотрадиционализма, в частности, политического Ислама, религиозного сектантства, а в некоторых странах также трайбализма (Susser, 2015). Исследователь выделяют несколько факторов, способствовавших популярности неотрадиционализма в странах Ближнего Востока: 1) Модернизация и европеизация на протяжении двух последних веков навязывалась сверху, традиционализм становился ответной реакцией на эти преобразования; 2) Коллективистский характер культуры мусульманских стран, принадлежность к группе в них всегда была основана на традициях; 3) На Ближнем Востоке государство и религия никогда полностью не отделялись друг от друга. Несмотря на волны секуляризации, всегда сохранялось место для мусульманских традиций в законодательстве и государственном управлении; 4) Вследствие распространения европейских идей национализма произошла территориализация религиозной и национальной идентичности, которая привела к усилению межнациональных и религиозных противоречий и конфликтов (Susser, 2014).

Отличительной чертой данной модели неотрадиционализма является четко выраженный религиозный характер, проявляющийся в сближении или даже совмещении светских и религиозных властей, стремлении воплотить религиозные ценности в жизни. По мнению М. Ризеброта, фундаментализм в Иране из религиозного превратился в политический и привел к исламской революции (Васильев, 1996). Схожие процессы происходили во многих мусульманских странах, однако характер протекания, практики и институты неотрадиционализма в политической жизни, степень радикализма могут иметь существенные отличия в исламских странах, а также у представителей разных социальных и конфессиональных групп Ближнего Востока. В целом в

условиях развития исламского неотрадиционализма возникают новые и используются старые «традиционные» политические и правовые институты (например, имамы, аятоллы, шейхи, в качестве политических институтов, шариат и Коран в качестве правовых норм). При этом в дополнение к исламской возможна и этнонациональная риторика, апелляция к исторической памяти, базирующейся на представлениях о «золотом веке» и исторических личностях (Османская империя, Арабский халифат, правления Тимура и т.д.). Обращение к историческим корням тем не менее сочетается со стремлением к обновлению религии и поиском новых подходов к исламу (особенно в исламском религиозном неотрадиционализме, возникшем в среде мусульман на Западе), а также со стремлением к развитию и сотрудничеству с другими странами, что проявляется в политической (неоосманизм, строительство «Великого Турана» и пр.) и экономической сферах (выгодное участие в мировой торговле, характерное для Турции, стран Персидского залива и других стран).

Индийская модель неотрадиционализма в политике возникает как результат борьбы с британским колониализмом и инокультурным (христианским и мусульманским) влиянием и стремления обрести уникальную национальную идентичность в современных условиях. Выражается в популярности как общественных фундаменталистских движений, например хиндута (санскр. «индусскость»), так и в официальном политическом индуистском национализме, набравших популярность в Индии с конца 80-х годов XX века. Как отмечает П. Чако, «хиндута – это реакционная политика идентичности, которая озабочена внутренней разобщенностью, внешними угрозами и прославлением утраченной славы цивилизации путем поддержания традиционных социальных иерархий» (Chacko, 2023, p. 552). Тенденции возврата к неотрадиционализму стали очевидными, после разрушения мечети Бабри в 1992 году индуистами, а также в связи с длительным нахождением у власти ведущей партии «Бхаратия джаната парти» (с 1998 по 2004 гг., затем с 2014 года), поддерживающей ценности хиндутвы и индуистского национализма.

Данная модель в отличие от исламской сочетает в себе в равной степени религиозный и национальный характер. Для индийского неотрадиционализма характерно отстаивание приоритета обязанностей перед обществом над личными правами, сохранение традиционных кастовых, гендерных, классовых социальных иерархий, а также политика исторической памяти, представляющая историю Индии как борьбу против иностранцев (Chacko, 2023). Несмотря на обращенность в прошлое индуистского национализма (в «золотой ведический век») и риторику, направленную на противостояние с

мусульманским вторжением и европейским колониализмом, зарубежным влиянием в целом, а также интеграцию традиционной индуистской культуры в политическую и правовую практику, на уровне государства присутствует стремление сочетать традиции и инновации. Так, на официальном уровне подчеркивается необходимость экономического развития, активной роли Индии в мировой повестке, достижении целей развития, сформулированных ООН и т.д.

Китайская модель неотрадиционализма основывается на «идеологии социализма с китайской спецификой», сформулированной в 1981 году Д. Сяопином и озвученной на XII съезде КПК. Данная концепция знаменовала отход от стремления воплотить в жизнь идею «чистого коммунизма», то есть сочетать коммунизм и философию «особого пути» и китайских традиций. Исследователь Дж. Ай видит причины использования традиций в политической практике современного Китая, во-первых, в постепенном отходе от коммунистических идей после перехода к рыночной экономике в 1978 году, во-вторых, в необходимости противостояния набравшему популярность в Китае западному либерализму. Неотрадиционализм, таким образом, необходим современному Китаю для новой легитимации партии-государства, вследствие утраченной легитимности марксистско-ленинской идеологии (Ai, 2015). На практике политика неотрадиционализма воплощается в череде экономических реформ, большей открытости к капиталистическому миру, вместе с тем планомерном отстаивании национальных интересов и ценностей, а также китайской модели глобализации и развития. Нынешний председатель КНР Си Цзиньпин продолжает данную традицию, так в 2018 году идея социализма с китайской спецификой была включена в конституцию государства.

Обращение к истории и традициям играет в китайском неотрадиционализме второстепенную роль и идеологически Китай больше устремлен в будущее. Тем не менее, идеи китайской специфики занимают все более важное место в социально-экономической и политической повестке, а также в общественно-политической практике и частной жизни. Как отмечает Ай, особенностью китайских неотрадиционалистов (то есть представителей китайской политической элиты, выступающей за усиление китайской специфики) является то, что они не являются крайними традиционалистами, противостоящими модернистам и либералам. Они благосклонны к совмещению китайских традиций и западного либерализма, а также к китайской модернизации (Ai, 2015). Примером проявления китайского неотрадиционализма может быть неоконфуцианство, своего рода синтез традиционной китайской мысли и достижений европейской культуры, выражающийся в практиках китайского менеджмента, образования и госслужбы, риторике и слоганах

политиков, черпающих вдохновение в китайском конфуцианстве. В политической, а также социально-экономической практике используются идеи прошлого, в частности это отражается в названии известных китайских международных проектов, например, «Один пояс, один путь», то есть современный Шелковый путь на основе продолжения и развития духа древнего Шелкового пути, или в названии государственных институтов «мягкой силы» (международные институты Конфуция для изучения китайского языка, традиций и культуры).

Европейская модель неотрадиционализма в политике включает в себя неотрадиционалистские политические практики, распространившиеся во многих странах прежде всего в Центральной и Восточной Европе (Польша, Венгрия, Словакия) в результате недовольства европейской неолиберальной политикой. Как отмечает Ф. Мелито, европейский неотрадиционализм имеет два основных контраргумента против либерального Запада в поддержку «подлинной традиционной Европы». Во-первых, неотрадиционализм эмансипацию и изменчивую идентичность либерализма противопоставляет культурно обусловленной европейской идентичности, предоставляющей психологическую безопасность и устойчивость. Во-вторых, в нем осуждается иностранное происхождение западного прогрессизма. Запад описывается как колониальная держава, стремящаяся разрушить «подлинный образ жизни» (Melito, 2022).

По мнению сторонников европейского неотрадиционализма, опасность западных леволиберальных идей и ценностей должна быть преодолена с помощью традиционных ценностей: религии, семьи и этнической нации. Помимо современного либерализма и прогрессизма европейский неотрадиционализм отвергает коммунистическое прошлое, а также посткоммунистические период в развитии этих стран (Benczes et al., 2020). В политическом плане современный европейский неотрадиционализм выражается прежде всего в евроскептицизме и электоральной поддержке консервативных партий, отстаивающих национальные интересы и традиционные европейские ценности. Проявлениями европейского неотрадиционализма можно считать клерикализацию, тесные связи политиков с католичеством, законодательную защиту традиционных ценностей (например, законодательный запрет абортов в Венгрии), критику политики европейских властей. Тем не менее курс на общеевропейское развитие и модернизацию сохраняется и в рамках данной модели.

Очевидно, что практики неотрадиционализма реализуются и в других странах, как западного, так и незападного мира. Яркими примерами могут быть Израиль, Япония, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства.

Институты, практики, инструменты неотрадиционализма в политике

Неотрадиционализм как политический феномен осуществляется посредством различных институтов, практик и инструментов государственного управления и общественно-политической жизни, воплощающих идеи сочетания традиций и современности на практике. Институты неотрадиционализма представляют собой воссозданные или новые правовые нормы и общественно-политические учреждения, использующие национальные, религиозные или этнокультурные идеи, традиции и обычаи прошлого в современной общественно-политической практике, в частности в целях укрепления гражданской идентичности и дальнейшего суверенного развития. Ярким примером может быть исламские политические и правовые институты, внедренные в практики государственного управления многих стран Ближнего Востока, начиная с 70-х гг. XX века, в результате развития общественно-политического и религиозного движения исламского возрождения. Например, уже в 1971 году в Конституции Египта было указано, что шариат является источником законодательства страны. Впоследствии многие страны региона приняли нормы шариата в качестве основы для законодательства, либо отдельных его отраслей, например семейного права. После иранской исламской революции в Иране был создан официальный государственный институт духовного лидера, как посредника между имамом и религиозной общиной. Имеются и другие примеры использования традиционных институтов и их адаптации в современных условиях, реализуемые в рамках других моделей неотрадиционализма, например традиционный кастовый институт Панчияты в Индии, который в современных условиях превратился в орган местного сельского самоуправления и пр.

Практики неотрадиционализма включают в себя как формальные, так и неформальные общественно-политические взаимодействия, повторяющиеся время от времени, либо имеющие постоянный или рутинный характер и превращающиеся в современных условиях в новые политические обычаи или ритуалы. Неотрадиционные практики удовлетворяют общественные и государственные интересы и потребности в консолидации, легитимации, мобилизации общества и власти в целях отстаивания коллективной идентичности, либо реализации задач государственного развития. При этом формальные демократические институты часто дополняются неформальными и неотрадиционными. Примерами неотрадиционных практик может быть распространение ношения хиджабов в исламском мире, зачастую в качестве моды или обязанности по их ношению как введенной офи-

циально (например, в Иране и Саудовской Аравии), так и предписываемой со стороны духовенства или общественной морали. Распространение популярности ношения традиционной одежды наблюдается и в других странах, например, в Китае общественное движение Ханфу, популяризирующее традиционную одежду ханьских женщин, стало заметным начиная с 2003 года. Сейчас данное движение имеет большое количество сторонников и также является примером неотрадиционализма «снизу», дополняющим официальный китайский неотрадиционализм.

Инструменты неотрадиционализма в политической жизни – это различные способы и технологии, с помощью которых политические субъекты, используя воссозданные, либо сконструированные неотрадиции, распространяют свои идеи и отстаивают политические интересы в обществе, среди них можно выделить следующие разновидности:

Изменение законодательства (институционализация неотрадиционализма), включающая приведение законодательства в соответствие с религиозными нормами, национальными или традиционными ценностями, создание новых, либо совершенствование старых политических институтов, основываясь на опыте прошлого. Например, в конституцию Венгрии внесли положение, что народ Венгрии объединяет Бог и христианство. В конституции и государственном управлении Индонезии нашли отражение принципы «Панча силы», которые включают в себя веру в единого Бога и религиозность и другие положения, отражающие национальную специфику и лежащие в основе государственного управления. Семейный кодекс многих мусульманских стран базируется на шариате, например, в Иране, Пакистане и др. странах.

Инструменты символической политики, политики памяти (восстановление и строительство новых памятников и монументов, организация массовых мероприятий, введение новых праздников, ассоциирующихся с прошлым, национальными и религиозными традициями, общественно-политические церемонии и ритуалы). Например, Индия на мероприятиях международного уровня все чаще использует самоназвание государства на хинди (указанного в конституции страны) «Бхарат», а не английское наименование «Индия», что является одновременно и символической борьбой с колониализмом и стремлением сделать название страны более национальным. Также в качестве примера можно отметить строительство гигантских монументов буддистским и индуистским богам в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии.

Продвижение идей национальной, религиозной и цивилизационной идентичности через непосредственную политическую риторику, публикации и высказывания политиков в СМИ и социальных сетях. Неотрадиционалист-

ские идеи также могут отражаться в названиях проектов и программ социально-экономического развития, государственных документах, концепциях и стратегиях. С. Бийод в своей работе показал, как в Китае начиная с 1980-х годов используются неоконфуцианский дискурс, то есть неоконфуцианские идеи, а также мысли конфуцианских философов цитируются и воплощаются в официальных выступлениях китайских руководителей (Billioud, Thoraval, 2015). Неотрадиционный дискурс характерен для многих политиков в западных странах, он помогает сформировать чувство национальной идентичности, увеличить лояльность населения, консолидировать общество.

Инструменты образовательной политики, включающие в себя реформирование школьной и вузовской программы, создание новых учебных дисциплин и учебников, использование национальных и религиозных традиций в обучении и воспитании, также используются в неотрадиционализме. Эти новшества призваны сформировать историческую память, коллективное самосознание, быть средством национально ориентированного воспитания, сохранить преемственность в восприятии прошлого и настоящего страны. Например, в Китае начиная с 1990 года в программу обучения включается обязательное чтение китайской классической литературы. В рамках мусульманского религиозного возрождения в странах Ближнего Востока, а затем и постсоветского пространства большое внимание стали уделять развитию мусульманского образования, а религиозные школы и высшие учебные заведения на протяжении второй половины XX века становятся все более популярными среди мусульман.

В настоящее время неотрадиционализм становится важным элементом политического процесса во многих странах мира. Рассмотренные нами факторы развития неотрадиционализма в политике, примеры моделей общественно-политического неотрадиционализма, выделенные институты, практики и инструменты неотрадиционализма свидетельствуют о том, что опора на традиции, либо конструирование новых традиций отражается в политической жизни современных национальных государств, в том числе в правотворчестве, образовательной и культурной политике, общественно-политической деятельности гражданского общества, религиозных и этнических сообществ. Неотрадиционализм как политический феномен отличается по своим проявлениям от традиционализма, имеющего более архаичный, непрерывный и статичный характер. Неотрадиционализм – это, прежде всего, переосмысление традиций, восстановленная или вновь созданная традиция, которая приобретает актуальность в современном контексте, служит для решения современных идеологических и практических задач. Политические неотрадиции формируют солидарность, чувство сообщества, коллек-

тивный образ будущего. В условиях глобальной нестабильности и экономической конкуренции неотрадиционализм становится фактором, упорядочивающим жизнь общества, делающим ее предсказуемой и безопасной. В отличие от традиционализма политический неотрадиционализм более рационален, не носит крайнего характера, является умеренной альтернативой как чрезмерному модернизму, так и радикальному традиционализму. Неотрадиционализм сочетает в себе традиции и инновации и способствуют развитию сообществ и государства на основе коллективной привязанности и современных традиционных ценностей.

Неотрадиционализм в политике, будучи применением и переосмыслением традиций в новом социально-политическом контексте, приобретает все более и более явственный характер и становится основой политической идеологии и практики во многих странах мира. В новой неотрадиционной модели развития стран инновации и ценности развития не отвергаются, в свою очередь крайние фундаменталистские и радикальные проявления традиционализма, как правило, на государственном уровне не поддерживаются. В идеологическом плане неотрадиционализм выражается в переформатировании официальных концепций и стратегий социально-политического развития стран, программ политических партий и общественных движений и включении в них важных идеологем, базирующихся на историческом прошлом, религиозном опыте или национально-консервативных ценностях. На практическом уровне неотрадиционализм включает в себя совокупность социально-политических институтов, практик, инструментов, переосмысливающих и использующих в современной политической жизни традиционный опыт социально-политического взаимодействия и управления государством. Очевидно, что в условиях трансформации мирового политического порядка актуальность критического анализа теории и практики использования политического неотрадиционализма в современных условиях будет только возрастать. Концепт неотрадиционализма является перспективным аналитическим инструментом и концептуальной рамкой для описания и анализа происходящих в мире общественно-политических изменений и может быть использован для дальнейшего теоретического и эмпирического описания, а также осмысления процесса «возврата традиции» в современном обществе.

Литература

- Ai, J. (2015). *Politics and Traditional Culture: The Political Use of Traditions in Contemporary China*, World Scientific. <https://doi.org/10.1086/683476>.
- Bauman, Z. (2006). *Liquid Fear*. Polity Press.
- Benczes, I., Kollai, I., Mach, Z., Vigvári, G. (2020). Conceptualisation of neo-traditionalism and neo-feudalism. *Poprebel*.
- Billioud, S., Thoraval, J. (2015). *Le Sage et le peuple. Le nouveau confucéen en Chine*. Oxford University Press.
- Chacko, P. (2023). Disciplining India: paternalism, neo-liberalism and Hindutva civilizationalism. *International Affairs*, 99(2), 551-565.
- Giddens, A. (1994). Living in a post-traditional society. In Beck U., Giddens A. and Lash S. (Eds.) *Reflexive modernization. Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Polity Press.
- Hobsbawm, E. (1983). Introduction: Inventing traditions. In Hobsbawm E. and Ranger T. (Eds.). *The invention of Tradition*. Cambridge University Press.
- Jowitt, K. (1983). Soviet Neotraditionalism: The political corruption of a Leninist regime. *Europe-Asia Studies*, (35), 275-297. <https://doi.org/10.1080/09668138308411481>
- Mach, Z. (2022). Right-wing populism, Euroscepticism, and neo-traditionalism in Central and Eastern Europe. In *The Right-Wing Critique of Europe*. Sondel-Cedarmas, J, Berti, F. (Eds.) Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003226123-4>.
- Mawdsley, E. (2006). Hindu nationalism, post-colonialism and environmental discourses in India. *Geoforum*, (37), 380-390. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2005.06.004>
- Melito, F. (2022). Anti-colonial neo-traditionalism in Central-Eastern Europe: A theoretical examination. *New Perspectives*, 30(4), 349-366. <https://doi.org/10.1177/2336825X221135127>
- Spear, T. (2003). Neo-traditionalism and the limits of invention in British colonial Africa. *The Journal of African History*, 44(1), 3-27. <https://doi.org/10.1017/S0021853702008320>
- Susser, A. (2014). *The Contemporary Middle East: The Resilience of Traditional Society*. 8(7). 1-6.
- Thompson, J. B. (1996). Tradition and Self in a Mediated World. In Heelas P. Lash S. Morris. P. (Eds.) *Detraditionalization. Critical Reflections on Authority and Identity*. Blackwell.
- Walder, A. G. (1986). *Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*. University of California Press.
- Womack, B. (1991). An Exchange of Views about Basic Chinese Social Organization Review Essay: Transfigured Community: Neo-Traditionalism and Work Unit Socialism in China. *The China Quarterly*, 126, 313-332. <https://doi.org/10.1017/S0305741000005221>
- Бек, У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. Прогресс-Традиция.

Букалова, С. В., Меркулова К. Г. (2021). Актуальные проблемы и приоритеты культурной политики в России в контексте идеологии неотрадиционализма. *Управленческое консультирование*, 4 (148), 27-35. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-27-35>

Васильев, А. В. (1996). Ризеброт М. Набожные страсти. Возникновение современного фундаментализма в Соединенных Штатах и в Иране. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал, (4), 231-232.

Гофман, А. Б. (2015). Традиция, солидарность и социологическая теория. *Новый Хронограф*.

Ламажаа, Ч. К. (2010). Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 88-93.

Михалева, А. А. (2022). «Власть традиций»: неотрайбалистское осмысление политики в республиках Дальнего Востока России. *Мир России*, 31(2), 144-162. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-144-162>

Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации (2019). Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Попов. Центр информатизации образования «КИО».

Орешкова, Ю. А. (2013). Мифологическое сознание этноса в условиях этнического неотрадиционализма. *Теория и практика общественного развития*. (6). 138-140.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020). Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Изд-во НГТУ.

Пространство и время в архаических культурах (1992). Отв. ред. И. В. Следзевский. Ин-т Африки.

Середа, М. В. (2011). Женщины как субъект неотрадиционалистской гендерной политики. *Женщина в российском обществе*, (3), 94-98.

Тян, В. В. (2019) Неотрадиционализм как фактор неоконсервативной модернизации: специфика эволюции власти и управления. *Управление*, 1, 128-136. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-128-136>

Узунов, В. В. (2023). Фактор неотрадиционализма в развитии консолидационных практик на Юге России. *Гуманитарий Юга России*, 12(3), 46-56. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.4>.

References

Ai, J. (2015). *Politics and Traditional Culture: The Political Use of Traditions in Contemporary China*, World Scientific. <https://doi.org/10.1086/683476>.

Bauman, Z. (2006). *Liquid Fear*. Polity Press.

Benczes, I., Kollai, I., Mach, Z., Vigvári, G. (2020). Conceptualisation of neo-traditionalism and neo-feudalism. *Poprebel*.

Billioud, S., Thoraval, J. (2015). *Le Sage et le peuple. Le renouveau confucéen en Chine*. Oxford University Press.

Chacko, P. (2023). Disciplining India: paternalism, neo-liberalism and Hindutva civilizationalism. *International Affairs*, 99(2), 551-565.

Giddens, A. (1994). Living in a post-traditional society. In Beck U., Giddens A. and Lash S. (Eds.) *Reflexive modernization. Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Polity Press.

Hobsbawm, E. (1983). Introduction: Inventing traditions. In Hobsbawm E. and Ranger T. (Eds.). *The invention of Tradition*. Cambridge University Press.

Jowitt, K. (1983). Soviet Neotraditionalism: The political corruption of a Leninist regime. *Europe-Asia Studies*, (35), 275-297. <https://doi.org/10.1080/09668138308411481>

Mach, Z. (2022). Right-wing populism, Euroscepticism, and neo-traditionalism in Central and Eastern Europe. In *The Right-Wing Critique of Europe*. Sondel-Cedarmas, J, Berti, F. (Eds.) Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003226123-4>.

Mawdsley, E. (2006). Hindu nationalism, post-colonialism and environmental discourses in India. *Geoforum*, (37), 380-390. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2005.06.004>

Melito, F. (2022). Anti-colonial neo-traditionalism in Central-Eastern Europe: A theoretical examination. *New Perspectives*, 30(4), 349-366. <https://doi.org/10.1177/2336825X221135127>

Spear, T. (2003). Neo-traditionalism and the limits of invention in British colonial Africa. *The Journal of African History*, 44(1), 3-27. <https://doi.org/10.1017/S0021853702008320>

Susser, A. (2014). The Contemporary Middle East: The Resilience of Traditional Society. 8(7). 1-6.

Thompson, J. B. (1996). Tradition and Self in a Mediated World. In Heelas P. Lash S. Morris. P. (Eds.) *Detraditionalization. Critical Reflections on Authority and Identity*. Blackwell.

Walder, A. G. (1986). *Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*. University of California Press.

Womack, B. (1991). An Exchange of Views about Basic Chinese Social Organization Review Essay: Transfigured Community: Neo-Traditionalism and Work Unit Socialism in China. *The China Quarterly*, 126, 313-332. <https://doi.org/10.1017/S0305741000005221>

Beck, W. (2000). *Obschchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. Toward Another Modernity]*. Progress-Tradicija. (In Russ)

Bukalova, S. V., Merkulova, K. G. (2021). Current Problems and Priorities of Cultural Policy in Russia in the Context of the Ideology of Neotraditionalism. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 4 (148), 27-35. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-27-35> (In Russ)

Vasiliev, A. V. (1996). Riesebröt, M. Pious Passions. The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. *Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 5, Istorijskaja informacionno-analiticheskij zhurnal*, (4), 231-232. (In Russ)

Goffman, A. B. (2015). Tradicija, solidarnost' i sociologicheskaja teorija [Tradition, Solidarity, and Sociological Theory]. *Novyj Hronograf*. (In Russ)

Lamazhaa, Ch. K. (2010). Archaization, Traditionalism, and Neotraditionalism. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 88-93. (In Russ)

Mikhaleva, A. A. (2022). "The Power of Tradition": A Neotribalist Understanding of Politics in the Republics of the Russian Far East. *Mir Rossii*, 31(2), 144-162. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-144-162> (In Russ)

Neotradicionalizm: arhaicheskij sindrom i konstruirovaniye novoj social'nosti v kontekste processov globalizacii [Neotraditionalism: Archaic Syndrome and the Construction of a New Sociality in the Context of Globalization Processes] (2019). Ed. by V.V. Bocharov, V.A. Popov, Centr informatizacii obrazovaniya «KIO». (In Russ)

Oreshkova, Yu. A. (2013). Mythological Consciousness of an Ethnic Group in the Context of Ethnic Neotraditionalism. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. (6). 138-140. (In Russ)

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A. *Jetnokul'turnyj neotradicionalizm i identichnost' v sovremennyh sociokul'turnyh transformacijah* [Ethnocultural Neotraditionalism and Identity in Modern Sociocultural Transformations]. Izd-vo NGTU, 2020. (In Russ)

Prostranstvo i vremya v arhaicheskikh kul'turah [Space and Time in Archaic Cultures] (1992). Ed. by I.V. Sledzevsky. In-t Afriki. (In Russ)

Sereda, M. V. (2011). Women as Subjects of Neotraditionalist Gender Policy. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, (3), 94-98. (In Russ)

Tyan, V. V. (2019). Neotraditionalism as a Factor in Neoconservative Modernization: Specifics of the Evolution of Power and Management. *Upravlenie*, 1, 128-136. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-128-136> (In Russ)

Uzunov, V. V. (2023). Factor of Neotraditionalism in the Development of Consolidation Practices in Southern Russia. *Gumanitarnij Juga Rossii*, 12(3), 46-56. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.4> (In Russ).

Для цитирования: Башмаков, И. С. Неотрадиционализм в политике: факторы, модели и механизмы реализации в современных условиях / И. С. Башмаков // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 44-64. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-44-64.

М.М. Вантеевский**M. Vanteevsky****ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА КАК
ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ****FICTION AS A TOOL FOR
FORMING POLITICAL
IDEOLOGY IN RUSSIA****Аннотация**

В статье рассматривается проблема изучения художественной литературы как пространство конструирования и репрезентации политической идеологии в России. На примере анализа политики в области культуры предлагается выделить государственные, государственно-религиозные и частные инструменты формирования идеологического ландшафта. Также в результате анализа политических институтов правления Ивана IV в произведениях А.В. Иванова, В.Г. Сорокина и П.С. Лунгина предлагается исследовать данные феномены через призму биографического подхода, выявить корреляции между политическим поведением, гражданской позицией и этапами социализации, через которые прошел писатель. В итоге, с одной стороны, современная литература является отражением идеологического ландшафта современности, рецепцией социально-политических кризисов и инструментом стигматизации политического идеала. С другой стороны, художественное творчество может быть элементом коммеморативных практик, направленных на формирование ценностной основы образа власти в России. Таким образом, можно говорить о двух векторах конструирования общественного сознания: первый подход связан с гносеологическим восприятием современности сквозь призму культурного кода и «исторической колеи» социума, а в рамках второго появляется возможность восприятия коллективного сознания как площадки для реализации любых инициатив и идей, которые могут диаметрально отличаться от темпоральной целостности истории и окружающей социально-

Abstract

This article examines the problem of studying fiction as a space for constructing and representing political ideology in Russia. Using the example of analyzing cultural policy, it is proposed to identify state, state-religious, and private instruments for forming the ideological landscape. Also, as a result of analyzing the political institutions of Ivan IV's reign in the works of A.V. Ivanov, V.G. Sorokin, and P.S. Lungin, it is proposed to study these phenomena through the prism of a biographical approach, to identify correlations between political behavior, civic position, and the stages of socialization that the writer went through. As a result, on the one hand, contemporary literature is a reflection of the ideological landscape of modernity, a reception of socio-political crises, and an instrument for stigmatizing the political ideal. On the other hand, artistic creativity can be an element of commemorative practices aimed at forming the value basis of the image of power in Russia. Thus, we can talk about two vectors of constructing public consciousness: the first approach is associated with the epistemological perception of modernity through the prism of the cultural code and the "historical track" of society, and within the framework of the second, there is an opportunity to perceive collective consciousness as a platform for the implementation of any initiatives and ideas that may be diametrically different from the temporal integrity of history and the surrounding socio-political reality. As a result, it seems that the semantic basis of culture implies the design of political ideology and its co-dependency on artistic

политической действительности. В результате представляется, что семантическая основа культуры подразумевает проектирование политической идеологии и созависимость ее от художественного творчества: индивидум воспринимает монетизацию как один из важных аспектов успеха артефакта культуры, что ведет к потребности в формировании вокруг себя единой темпоральной структуры согласия, а также к субъективному разграничению индивидуального информационного пространства на истинные и ложные идеи.

creativity: an individual perceives monetization as one of the important aspects of the success of a cultural artifact, which leads to the need to form a single temporal structure of consent around oneself, as well as to a subjective delimitation of the individual information space into true and false ideas.

Ключевые слова:

художественная литература, культурные кластеры, политическая идеология, массовая культура, Иван Грозный, антиутопия, образ власти.

Key words:

fiction, cultural industries, political ideology, mass culture, Ivan the Terrible, dystopias, image of power.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-65-86>

Концепт «политической идеологии» является одним из самых сложных в современной политической науке. С одной стороны, сформировалась традиция изучения данного феномена, которая насчитывает несколько поколений исследователей из разных стран, а, с другой стороны, сегодня становится очевидно, что идеологическую роль политических манифестов и партийных уставов начинают занимать различные артефакты массовой культуры (Кузнецов, Куликова, Петрова, 2022; Белов, Вантеевский, Ярошева, 2023а). В результате предмет исследования становится гораздо шире, чем может себе изначально представить ученый, а масштаб данного явления не виден даже спустя годы работы.

Сегодня широкое распространение получают исследования на стыке политологии и культурологии: научные подходы, использующие как отечественные исследователи И.В. Демин (Демин, 2022), В.С., Мартыянов (Мартыянов, 2010), Л.Г. Фишман (Фишман, 2006), так и зарубежные Т. Иглтон (Eagleton, 1999), К. Гирц (Гирц, 2004) или Э. Блох (Bloch, 2000), позволяют производить политологический анализ массовой культуры. Политическая идеология с этих позиций воспринимается как язык интерпретации фактов, дающий возможность создавать новые идентичности и налаживать политическую коммуникацию между отдельными социальными группами и индивидами. Стоит выделить культурно-семиотический подход К. Гирца (Демин, 2021), в рамках которого исследования сводятся к двум теориям – теории интересов и теории напряжений: «согласно первой, люди все время стре-

мятся к власти; согласно второй – все время избавляются от тревоги» (Гирц, 2004). Таким образом, американский антрополог, с одной стороны, заново реабилитирует концепт политической идеологии как объект социально-политической науки, а, с другой стороны, настаивает на том, что политическая идеология есть отдельная символическая система, которую нельзя совмещать с другими – моралью, религией или философией (Демин, 2021), и при таком взгляде на первый план выходит коммуникационный аспект политического дискурса.

В современном мире становится очевидным, что идеология «представляет собой «улицу с двусторонним движением» – верования и действия правителей формируются под влиянием давления ценностей «низов», в то же время они имеют возможность оказывать давление в нужном для них направлении на граждан «сверху»» (Алексеева, 2018). Отличие современного анализа политических идеологий связано с сужением предмета исследования (ученые чаще изучают идеи и ценности, свойственные не большим политическим институтам, как государство или массовая политическая партия, а малым социальным группам), а также с целями современных конструкторов идеологических систем – задавать рамки дискурса и интерпретировать социально-политические события, формировать образы будущего и прошлого в общественном сознании. Более того, массовая культура начинает рассматриваться не как фон для социально-политических процессов и управленческих решений, а как самостоятельное явление, имеющее свои ресурсы и инструменты конструирования как общественного дискурса, так и создание сложных идеологических концептов.

Последние исследования книжной индустрии, а также изучение конструирующего и прогнозирующего потенциала художественных произведений российских писателей дает понимание о том, что современная литература является участником политического процесса в России, а также имеет инструменты для формирования «культурной травмы» или стигматизации политического идеала среди молодежи. Тем не менее последние количественные и качественные исследования коллектива ученых факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и ИНИОН РАН артефактов массовой культуры, героев времени и образа Будущего акцентируют вниманием на том, что литература не является доминирующей сферой массовой культуры и уступает кинематографу, фильмам и музыке в популярности среди молодежи, однако представляет собой семантическое ядро современных художественных нарративов массовой культуры в России, которые в результате «усреднения» основных ценностных констант занимают место массовых политических идеологий, определяют как коллективные, так и индивидуаль-

ные стратегии развития (Кузнецов, Куликова, Петрова, 2023; Белов, Вантевский, Ярошева, 2023b; Белов, Кузнецов, 2024).

Таким образом, в данной статье предпринимается анализ роли «культурных кластеров» в формировании политической идеологии в России в разные исторические этапы, а также на примере современных произведений рассматриваются процессы конструирования единой темпоральной целостности, базовые ценности которой связаны не только с исторической и политической идентичностью, но и с восприятием антропологических свойств российской власти, политических институтов и общества в целом. Основная гипотеза исследования заключается в предположении, что художественное творчество имеет историческую роль в формировании идейно-ценностных концептов в России, а также данная тенденция прослеживается и сегодня: на примере антиутопических произведений и образа Ивана Грозного в современной литературе анализируются семантические и текстологические особенности идеологических нарративов массовой культуры.

Методологическая база исследования основана на сочетании биографического анализа особенностей российских писателей, семиотического подхода изучения художественных текстов, который давно разрабатывался как зарубежными исследователями (Ч.С. Пирс (Peirce, 2012), Ф.Де Соссюр (Соссюр, 1977), Ч.У. Моррис (Morris, 1938) и др.), так и отечественными (тартуско-московская семиотическая школа во главе с Ю.М. Лотманом (Пятигорский, 1996; Гаспаров, 1996; Иванов, 1976; Успенский, 1996), М.М. Бахтиным (Бахтин, 1986)), и инструментария политической текстологии (Андерсон, Артамонова, Бойцова at al., 2014). Также в исследовании применялись элементы качественного контент-анализа (Lasswell, 1972), подразумевающий отбор художественных текстов и интерпретация их содержания.

Идеологическая роль художественной литературы и «культурных кластеров» в России

Современная массовая культура позволяет рассматривать творческие интенции не в контексте дихотомии «элитарная культура» vs «массовая культура», в которой первая выражает интересы низов, а вторая – является отражением запросов высшего общества и предполагает высокую степень компетентности, а с постмодернистских позиций, где любое творческое проявление анализируется в рамках современного капиталистического общества потребления, в котором масскульт влияет на формирование политической идеологии общества, предлагает идейно-ценностную основу и глобальную цель для всего социума.

В России, начиная с первых десятилетий XX века, пассионарная энергия в творческих кругах была связана с двумя тенденциями: во-первых, желание написать социально-политическое художественное произведение свидетельствует о наличии у автора сформированной политической позиции, которой он не только открыто придерживается, но и готов транслировать свои взгляды в массы, а, во-вторых, популярность обращение к художественной репрезентации часто является свидетельством кризисного состояния общества: актуализируются представления о возможных сценариях, из-за сложной окружающей действительности в обществе появляется потребность в осмыслении альтернативных путей в будущем.

Если посмотреть на развитие отечественной и зарубежной антиутопии, то можно выделить некоторую зависимость художественных интенций писателей от социально-политического контекста. Так, например, в начале XX века локомотивами жанра антиутопии оказываются произведения А.П. Платонова или В.В. Набокова, связанные семантически с политическими изменениями в России в первые десятилетия XX века – Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война 1922-1923 гг., стремительное развитие индустриализации, изменение революционных идеалов и борьба внутри партийных элит, которая осуществлялась также с помощью террора (Тарасенко, 2008). Персонажи этих произведений во многом не находят себе места в новом мире, а также их главной задачей является выживание или сохранение своей идентичности: так, например, Д-503 в антиутопии «Мы» борется за свою душу и за личное счастье быть с любимым человеком, у А.П. Платонова в «Котловане» девочка-сирота Настя, которая является символом светлого и счастливого будущего социализма, заболевает и умирает, а набоковский Ц. Цинциннат в «Приглашение на казнь» остро ощущает свою непохожесть на подавляющую часть общества и оказывается «лишним» в произведении. Последствия научно-технического прогресса также отразились в ряде произведений зарубежных писателей-антиутопистов, апофеозом которых стало произведение Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»: в нем писатель прогнозирует развитие тоталитарной системы капиталистического общества и духовное обнищание социума.

В современном мире политические кризисы являются частыми элементами общественных процессов как в национальных государствах, так и в мировых отношениях. Более того, социальные турбулентности могут влиять на художественные репрезентации и их популярность. Например, распространение вируса COVID-19 в 2019-2020 гг. и экономические последствия этих событий повлияли на распределение свободного времени: в 2023 году

ВЦИОМ выяснил, что люди стали больше читать¹. Это можно связать с тем, что книги являются, с одной стороны, самой дешевой безбарьерной средой для получения доступа к культуре (билет на музыкальный концерт, в театр или подписка на цифровые кино-площадки в результате обходятся дороже), а, во-вторых, у книжной культуры один из самых высоких рейтингов «одобряемости» в обществе: книга является основой обучения в школе или в университете, а также в результате формируется имидж «престижности» книжного потребления информации, в отличие, например, от видеоигр, которые до сих пор пока не до конца сформировали свою роль в процессе социализации и обучении. Более того, в условиях экономического кризиса (в 2020-ом году из-за COVID-19 в России было введено несколько локдаунов), у человека не остается возможностей для выбора форматов потребления культуры, и книга опять оказывается одним из самых массовых артефактов художественной культуры (например, книгу бесплатно можно взять в государственной библиотеке).

Важным фактором в реализации политических идей в сфере художественного творчества всегда были культурные объединения или культурные кластеры (Хезмондалш, 2018). Более того, в нашей стране был опыт поддержки художественных направлений массовой культуры как инструментов идеологического творчества: так, например, в СССР литература всегда была подвержена корректирующему влиянию партийных или государственных органов власти. Одним из самых эффективных периодов, когда литература воспринималась властью как неотъемлемые элемент агитации и пропаганды марксистско-ленинской философии, был этап руководства страной И.В. Сталиным, который, с одной стороны, сам очень сильно интересовался литературой (даже свой псевдоним «Коба» он взял из романа писателя А.М. Казбеги), а, с другой, – понимал эффективность и важность регулирования производства идей, ценностей и смыслов в художественной среде (Цыганов, 2021).

Одним из таких результатов кооперации государства и писателей стало появление поселка писателей в Подмосковье – «Переделкино». Считается, что идею построения кооператива дач для писателей была предложена И.В. Сталиным на встрече с 50-ю советскими писателями, состоявшейся на квартире у Горького в доме на Малой Никитской 26 октября 1932 года, во время которой генералиссимус и произнес известную формулу «инженеры человеческих душ» (Ариас-Вихиль, 2015). При планировании писательского городка советское государство, прежде всего, не хотело создавать условия для формирования нового класса писательской аристократии, а такие ин-

¹ Самая читающая страна: мониторинг (2023). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samaja-chitajushchaja-strana-monitoring>.

тенции со стороны политических институтов в основном связаны с патерналистским запросом – мы вам дома и дачи, а вы выполняете государственный заказ на производство социалистических идеалов в современной литературе: «Нет, товарищ Ворошилов, – отрезал Сталин. – Ничего ваши танки не будут стоять, если души у них будут гнилыми. Нет, производство душ важнее вашего производства танков»¹. Таким же инструментом поддержки писательского ремесла и институционализация этого направления в конкретных идеологических рамках были профессиональные сообщества (Союз писателей СССР) и литературные премии: так, например, одним из самых престижных и финансово «выгодных» наград была Сталинская премия по литературе, которая могла как возвысить писателя и уберечь его от политических угроз 1930-х годов, так и наоборот – полностью лишить всех привилегий и возможности заниматься литературой (Цыганов, 2021).

В дальнейшем интерес к развитию литературы и использованию ее как инструмента в идеологической борьбе у руководителей СССР и России значительно снизился, так как будущие политические лидеры не делали ставки на значение конструирующего потенциала этой сферы массовой культуры, поэтому И.В. Сталина можно считать одним из последних, кто четко формулировал цели и задачи литературного творчества, создавал и поддерживал условия для работы в этом направлении, а также лично руководил формированием «пантеона» советских писателей, которые стали идеологическими проводниками как внутри страны, так и за ее пределами². Конечно, метод Сталина был слишком ориентирован на иерархизацию этой сферы (в литературе должен быть главный писатель, за ним следуют писатели первого и второго разряда, а третий разряд его уже не интересовал)³, что не является продуктивным подходом к работе с творческой средой, так как каждый писатель является оригинальной культурной единицей и экзистенциально не приемлет ранжирование уровня литературного мастерства. Собственно, поэтому наследие Советской литературы разделилось на два лагеря: с одной стороны, были писатели, которые полностью соглашались со своим статусом и союзом с партийными и государственными институтами (А.Н. Толстой,

¹ "Человеческая душа — интересный товар": как Сталин наставлял советских писателей. (2017). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/4676408>.

² Константин Симонов в своих воспоминаниях пишет, что «отец народов» всегда присутствовал на совещаниях комитета с пачкой книг и журналов и всегда участвовал в обсуждениях, мог вдруг назвать какой-то роман или пьесу, которых в предварительных списках не было. См., Симонов К.М. (1990) Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине.

³ «Сталин мыслил иерархически: в литературе должен быть главный писатель». (2020). Газета Культура. <https://portal-kultura.ru/articles/history/327597-stalin-myslil-ierarkhicheski-v-literature-dolzhen-byt-glavnyy-pisatel/>.

А.А. Фадеев, К.М. Симонов, А.М. Горький, М.А. Шолохов), а, с другой стороны, все больше в литературе становилось «внутренних эмигрантов», которые по разным причинам стали внесистемными политическими единицами (Б.Л. Пастернак, М.М. Зощенко, А.А. Ахматова, А.А. Платонов, О.Э. Мандельштам). Таким образом, в данном примере продемонстрирована реализация государством своей исторической функции регулятора общественно-политического дискурса через «придворную литературы» (Дарнтон, 2016), обозначая, во-первых, тем самым идеологический курс правящего класса, а, во-вторых, расставляя профессиональные приоритеты в массовой культуре для молодых авторов, которые еще не обладают достаточным опытом для объективного анализа индустрии и их потенциального места в ней.

Роль государственных институтов в поддержке культурной политики всегда была определяющей в России: так, например, еще в 1810 году по приказу императора Александра I был образован Императорский Царско-сельский лицей, благодаря которому удалось воспитать целую плеяду государственных деятелей и писателей (в том числе А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, В.К. Кюхельбекер, А.Д. Илличевский были выпускниками данного образовательного заведения). Отчасти поэтому в XIX в. сформировалось поколение писателей-выходцев из дворянства, которые занимали роль мыслителей в обществе и создавали новые методы рассмотрения социального-политической действительности (Прокудин, 2023), что в дальнейшем отразилось, с одной стороны, на отношении государства к данной социальной группе, которая пыталась иногда на практике реализовывать свои идеи, а, с другой стороны, подталкивало широкие слои населения к социальным реформам. Таким образом, креативный класс (Флорида, 2007) в государственной системе Российской империи был наиважнейшим элементом научного прогресса и генерации вариантов развития социально-политической структуры общества.

Еще до формирования централизованной империи на территории Российского государства место главного образовательного института занимали церковные организации (Перевезенцев, 1999). Поскольку православная вера являлась основой цивилизационного пути древнерусского государства, то христианские обители имели не только культурные и социальные функции, но и политические. Так, например, Сергиево-Посадская лавра до сих пор является символом идеологической стабильности избранного культурного пути: изначально продолжая миссию Сергия Радонежского и вплоть до революции 1917-го года, это место служило центром притяжения для разных сторонников цивилизационного пути (в Сергиево-Посаде находится захоро-

нения одного из самых известных представителей цивилизационно теории – К.Н. Леонтьева).

Те не менее с началом нового витка научно-технического прогресса в XIX веке и формирования первых крупных капиталистических компаний, возросла роль частной поддержки культурного творчества. Особенно это направление нашло поддержку среди меценатов, таких как П.М. Третьяков, А.А. Бахрушин, С.И. Мамонтов, С.Т. Морозов, М.К. Тенишева, а также среди частных коллекционеров – С.И. Щукин, И.А. Морозов, благодаря которым мы сегодня имеем крупнейшие коллекции отечественного и зарубежного искусства (Семенова, 2019). Показательным является пример с усадьбой Абрамцево, в которой, благодаря усилию С.И. Мамонтова, поддерживалась работа «Абрамцевского художественного кружка» (Пастон, 2003). В подмосковной усадьбе, помимо культурного процесса, формировались также и идеологические рамки для социально-политической репрезентации: центральной темой во многих работах было русское народное искусство и национальное культурное наследие, которое вызывало широкий интерес у основного «грантодателя» – мецената С.И. Мамонтова, отраженные в современных исследованиях его биографии и взглядов (Копшицер, 1972; Арензон, 1995; Бахревский, 2000).

Таким образом, можно выделить основные исторические модели формирования «культурных кластеров» в России, которые определяли идеологическую политику в сфере культуры – государственная, государственно-религиозная и частная. Анализ исторических особенностей развития художественного конструирования в области культуры помогает выделять основных заказчиков и акторов, поддерживающих творческие продукты, а также дает понимание о характере идеологического заказа. Более того, анализ сетевой структуры основных участников идеологического процесса, позволяет составить общее впечатление о состоянии отрасли и дает возможность прогнозировать дальнейшее развитие.

Современная литература как инструмент политической коммуникации между властью, интеллигенцией и народом

Влияние современной художественной литературы сегодня особенно проявляется в антиутопическом жанре, который служит пространством репрезентации и конструирования политической идеологии и является также предметом исследования не только филологов, лингвистов и культурологов, но и политологов. Основное отличие политологического подхода изучения артефактов массовой культуры – определение семантических и текстологических особенностей художественного текста: на первый план выходит «не

рассмотрение внутренней организации текста как такового, а изучение исторических связей исследуемого произведения с окружающими его явлениями политической действительности и социально-политической мысли» (Андерсон, Артамонова, Бойцова at al., 2014). Поэтому антиутопический жанр представляется наиболее ярким примером использования художественного произведения как инструмента проектирования общественного сознания, влияние на формирования индивидуальных мировоззрений современного человека.

Более того, становится понятно, что антиутопическое мышление – это последствия кризисных и переходных этапов развития как человечества в целом, так и нашего государства. Та, например, большая часть антиутопической литературы до 1940-х годов, была посвящена ключевому событию в отечественной истории – Октябрьской революции: в произведениях Е.И. Замятина «Мы» (1920 г.), А.П. Платонова «Котлован» (1930 г.) и «Чевенгур» (1926 г.), В.В. Набокова «Приглашение на казнь» (1935-1935 гг.) видно желание авторов представить свою версию происходящих в России революционных событий (особенно реалистично показана тревожная атмосфера приближающихся изменений в пьесе В.Я. Брюсова «Земля» (1905 г.) и неоконченном футурологическом романе «Семь земных соблазнов» (1911 г.).

Утопии и антиутопии, как и массовые политические идеологии, были очень востребованы в течение всего XX века. Тем не менее, если сначала утопическое мышление предполагало дистанцированность от политических институтов, то в конце XIX в. и в начале XX в. наступила эпоха попыток воплощение в жизнь утопических идеалов. Так, например, в первые десятилетия прошлого столетия всю нашу страну захватила коммунистическая утопия, из-за которой произошли коренные события в развитии государства. В 1960-х годах, благодаря полету в космос Ю.А. Гагарина, у Советского государства появилось новое идеологическое направление развития будущего – колонизация космического пространства, которое, конечно же, было бы уже организовано по социалистическому принципу. Более того, у обеих утопий были, как и отцы-идеологи (для коммунистической – К. Маркс, Ф. Энгельс; для космической – Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский), так и практики-продолжатели реализации утопии в жизнь (В.И. Ленин, И.В. Сталин, С.П. Королев, Ю.А. Гагарин). И надо отметить, что часть утопических идеалов в итоге была реализована: так, например, В.И. Ленин с большевиками построили первое в мире социалистически-ориентированное государство (Данилкин, 2017), а С.П. Королев предпринял попытку реализации социально-философских концепций «русских космистов» (Гачева, 2019).

В результате научно-технического прогресса, который отразился во всех социальных сферах, антиутопическое творчество разделится на два направления: 1) А.Н. и Б.Н. Стругацкие в «Хищные вещи века» (1965 г.), И.А. Ефремов в «Час Быка» (1970 г.), А.А. Зиновьев в «Зияющие высоты» (1976 г.) и «Глобальном человеинике» (1997 г.) продолжают советскую футурологическую линию осмысления возможных сценариев будущего и их произведения станут зеркалом современности и научно-технического прогресса; 2) В.П. Аксенов в «Острове Крым» (1979 г.), В.В. Войнович в «Москва 2042» (1986 г.), А.А. Кабаков в «Невозвращенец» (1988 г.) развивают замятинско-орзуловскую линию критики тоталитарного государства и раскрывают по новому конфликт человека и современной политической системы. Антиутопическое состояние общества в 1990-е гг. отлично отразил А.А. Проханов в «Господин Гексоген» (2002 г.) и «Последний солдат империи» (2003 г.), а также Э.В. Лимонов «Дисциплинарный санаторий» и «Убийство часового» (1993 г.).

Современный этап связан с антиутопическими художественными текстами таких писателей, как В.О. Пелевин, В.Г. Сорокин, А.И. Иванов, Д.А. Глуховский, Э.Н. Веркин, В.О. Богданова, Д.С. Захаров, Д.А. Данилов, Я.М. Вагнер, И.С. Техликиди и др., которые не только осмысливают процессы цифровизации, но и обладают инструментами стигматизации и формирования общественного мнения. Так, например, один из основных нарративов в современной антиутопии, отразившийся в «Антонов Коллайдер» И.С. Техликиди, «Павел Чжан и прочие речные твари» В.О. Богдановой, «Остров Сахалин» Э.Н. Веркина, «Аптечка номер 4» Б.А. Ханова, «Салюты на той стороне» А.Е. Шалашовой, – проектирование инстинктивного страха к теме разворота России на Восток, а также попадание в экономическую, политическую и культурную зависимость России будущего от ближайших азиатских соседей.

Идеологическая роль писателей также определяется сегодня и их политической позицией по отношению к действующей власти. Так, например, есть писатели, которые активно поддерживают нынешний политический режим – А.А. Проханов, Г.У. Садулаев, А.С. Пелевин, А.П. Долгарева, И.А. Караулов, С.В. Лукьяненко. Для них литература – это не только инструмент коммуникации с читателями, их ремесло, но и возможность влиять на содержательные процессы конструирования идейно-ценностных основ общества. Несмотря на то, что некоторые из представленных писателей находятся под зарубежными санкциями из-за поддержки ВС РФ после 2022 года, в России создаются отдельные творческие коллективы, которые поддерживают вооруженные действия на Украине. Так, например, в 2022 году в партнерстве с издательством АСТ/Эксмо запущен издательский проект «КПД»,

вдохновители которого Е.Н. Прилепин, О.В. Демидов, А.Ю. Колобродов стараются «издавать преимущественно произведения отечественных авторов, поднимающих вопросы патриотизма, долга, преданности и чести» (на данный момент в рамках проекта выпущено 18 книг 17 авторов)¹.

Вторая категория представителей творческой элиты занимают центристскую позицию между властью и оппозицией. Более того, часто они продвигают левые ценностные константы – М.Ю. Елизаров и С.А. Шаргунов наиболее яркие представители данного лагеря. Первый – автор бестселлеров «Pasternak», «Земля», «Библиотекарь» является «панком» от мира литературы. Несмотря на свой непростой путь (родился на территории современной Украины в Ивано-Франковске в 1973 году) М.Ю. Елизаров живет сегодня в России, активно следит за политической ситуацией, однако представляет собой лидера-одиночку: на данный момент не был замечен в участии каких-либо идеологических лагерей российской интеллигенции. С.А. Шаргунов, в отличие от М.Ю. Елизарова, ведет очень активную политическую деятельность – депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII и VIII созыва от политической партии КПРФ. Более того, С.А. Шаргунов активно пытается влиять на развитие литературного процесса в России: с 2018 года является заместителем председателя «Союза писателей России», а в 2020 году писатель создает альтернативное объединение, которое должно оставить конкуренцию «Союзу писателей России» и «Союзу российских писателей» – «Ассоциация союзов писателей и издателей России» (АСПИР). Тем не менее в 2025 году ассоциация заявило о своем закрытии и это событие связывают с реформой административной системы литературной иерархии и с избранием в 2025 году председателем «Союза писателей России» В.М. Мединского, который назначен на эту должность с целью централизации государственных ресурсов в российской литературе.

Третья группа писателей придерживается радикально оппозиционных взглядов и начиная с 2022 года ведет открытую борьбу против политики российской власти. Реакцией на такие идеологические выпады становится заведение уголовных дел, а также признание статуса «иноагента». Публичная идеологическая сегрегация – показательный инструмент влияния властей на проектирование художественных образов, влияющих на формирование политической повестки и общественного мнения в России. В результате данной стигматизации отдельных социальных групп государство в переходных условиях показывает заданный курс, который говорит об отказе от концепта плюрализма мнений в литературной среде и формировании единой

¹ О редакции «КПД». (2025). АСТ. <https://ast.ru/redactions/kpd/>.

аксиологической линии, направленной на укрепление идеологического ландшафта нации.

В результате представляется, что современная литература имеет несколько уровней темпоральной целостности, которые влияют на идеологическую политику в России. С одной стороны, различные тренды и тенденции могут формировать единое семантическое поле, которое является источником идей, ценностей и смыслов как для лидеров общественного мнения, так и для различных государственных организаций, и в результате декодирования и усреднения получается массовый продукт, являющейся ценностной доминантой для многих социальных групп, как это, например, произошло с современной российской антиутопией. С другой стороны, возможности социальной стигматизации и демонизации современной литературы оказываются опасным инструментом и государство в данном случае начинает выполнять свою роль арбитра, раздавая привилегии писателям и творческим коллективам, которые поддерживают основной стратегический путь и конечную цель правящий элит. В обратном случае государство начинает использовать инструменты «жесткой силы», лишая представителей литературной сферы возможностей продолжать свою профессиональную деятельность на привилегированных условиях. Такой эмерджентный порядок говорит о возвращении государства в сферу массовой культуры, однако, в отличие от предыдущих исторических периодов, современная власть в России придерживается гибкого формата участия в проектировании ценностных доминант в разных областях.

Иван Грозный – главная «страшилка» для россиян

Масштабность влияния массовой культуры на идеологические установки общественного сознания видна на примере процесса формирования социально-политических образов как современности, так и в коммеморативных практиках. Так, например, фигура первого русского царя – Ивана Грозного – много осмыслялась как в отечественной историографии XIX–XXI вв., так и в массовой культуре в разные эпохи и периоды развития нашего государства. В XIX веке А.К. Толстым был написан один из самых популярных исторических романов – «Князь Серебряный», который выдержал десятки переизданий и был несколько раз экранизирован. Большое влияние на мифотворчество оказала картина русского художника И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». В 1945 году вышла на экран первая часть кинокартины советского режиссера С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», композитором к которой выступил С.С. Прокофьев, а в 1973 году на основе пьесы М.А. Булгакова – «Иван Васильевич» – Л.И. Гайдаем была снята всеми любимая комедия «Иван Васильевич меняет профессию». В XXI ве-

ке интерес к фигуре первого русского царя также не утихает: например, в 2009 году, примерно в одно время вместе с выходом фильма П.С. Лунгина «Царь», для телеканала «Россия» был выпущен 16 серийный исторический телесериал «Иван Грозный», снятый режиссером А.А. Эшпаем и вызвавший многочисленные критические отклики. В 2020 году, благодаря поддержке телеканала «Россия-1» и кинокомпании «Москино», был снят восьмисерийный сериал «Грозный» режиссером А.В. Андриановым, в котором снялось большое количество звезд отечественной киноиндустрии – А.В. Яценко, С.В. Маковецкий, В.И. Сухоруков, В.А. Стеклов и др.

Тем не менее ключевым образом русского царя с абсолютной властью в российской массовой культуре остается одно из главных произведений XIX века – «Князь Серебряный». Важным является также и факт того, что в качестве основных источников А.К. Толстой использовал IX том «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (Шмидт, 2009), а также замысел самого автора – создать образ жестокого деспота и самодура, который играет с судьбами людей и управляет страной с помощью террора и опричнины. Однако А.К. Толстой хороший драматург, поэтому стигматизация образа абсолютистской власти монарха создается с помощью насыщения самого персонажа неоднозначными качествами, что подчеркивает его индивидуальность: первый русский царь не только тиран, но и сложная личность, которая в определенной мере осознаёт свою жестокость, но не может остановиться, боясь потерять власть.

Важным в данном идеологическом высказывании является исторический контекст создания художественного произведения – через призму культурного артефакта появляется возможность наблюдать за завершением этапа, когда русский исторический роман находился под сильным влиянием творчества В. Скотта, сочетая европейские романтические традиции с национальными историческими и фольклорными мотивами. Более того, роман опубликован в 1862 году и служит отражением новых либеральных реформ императора Александра II, которые в последующем историки ознаменуют как «Эпоху великих реформ». Политическая актуальность идеологического содержания романа определяется также и социальным статусом самого А.К. Толстого, который был другом детства будущего императора, и их общение началось еще в детстве, когда восьмилетний Толстой стал одним из детей, приходивших играть с цесаревичем Александром. Близость к эпицентру политического процесса в Российской империи воссоздались в художественных репрезентациях, которые если не являлись отражением перемен, то определили будущие тенденции, так как авторы этих произведений преследовали цели формирования нового политического идеала руководителя им-

перии XIX века: «Князь Серебряный» написан через 14 лет после революций 1848-1849 гг., которые, во-первых, не затронули только России из всех великих европейских империй, а, во-вторых, предопределили формирование нового конституционного порядка, где большая часть населения оказывается наделана активным и пассивным избирательным правом, а власть монарха ограничивается либо парламентскими узлами, либо иными инструментами сдержек и противовесов.

В результате «Князь Серебряный» А.К. Толстого является не только сугубо репрезентативным явлением, свойственным для 1860-х годов, но и интерпретируется общественностью как идеологический вызов политического идеалу сильной централизованной политической власти. Тем не менее за последние несколько десятилетий из большого количества художественных произведений можно выделить три наиболее репрезентативных, в которых авторы предприняли попытку формирования образа русского царя, а также рецепцию политических реформ правления Ивана IV – дилегия В.Г. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль», исторический роман А.В. Иванова «Летоисчисление от Иоана» и фильм П.С. Лунгина «Царь». Стоит отметить, что если первые два произведения являются самобытными современными российскими антиутопиями, то роман А.В. Иванова – реакция и продолжение фильма П.С. Лунгина (Иванов изначально работал вместе с Лунгиным над фильмом, однако уже после выхода резонансной кинокартины решил написать свое видение правления Ивана Грозного и митрополита Филлипа).

Позиция по отношению к фигуре первого русского царя В.Г. Сорокина, А.В. Иванова и П.С. Лунгина имеет общие поколенческие и идейно-ценностные основания. Во-первых, пересечение идей современной гуманитарной интеллигенции связано со специфическими особенностями этого поколения: родились примерно в одну эпоху (В.Г. Сорокин – 1955 г.; А.В. Иванов – 1969 г.; П.С. Лунгин – 1949 г.), социализировались в похожих условиях (Москва – Нижний Новгород – Москва), формировались как личности под влиянием общих обстоятельств и социально-политических факторов. Во-вторых, в результате личностного становления почти для каждого социально-политическим идеалом были европейские государства, в которых авторы либо предпочитали жить и работать (В.Г. Сорокин – Берлин; П.С. Лунгин – Франция), либо активно изучали европейскую историю и проводили сравнительный анализ с некоторыми регионами России.

В-третьих, несмотря на отсутствие исторического образования, все трое часто в своих произведениях обращаются к различным эпохам, а также экстраполируют сконструированные для себя образы на другие периоды

нашей истории и современности. Так, например, писатель В.Г. Сорокин в своей антиутопической дилогии «День опричника» и «Сахарный Кремль» описывает Россию будущего в 2028 году, используя при этом атрибуты эпохи Ивана Грозного: страна поделена на опричнину и земщину, замкнутость общества и государства, акцент на культурную православную традицию, а не на прогресс и т.д. Также этот образ активно используется в исторических романах: писатель А.В. Иванов в 2009 году написал изначально сценарий, по которому был снят фильм «Царь» П.С. Лунгина, а затем выпустил книгу о митрополите Филиппе и царе Иоанне IV – «Летоисчисление от Иоанна». И в фильме, и в книге затрагиваются вопросы, касающиеся характера русской власти, отношения царя и общества, культурной роли России в мировом процессе.

В результате в данном случае образ Ивана Грозного оказывается, с одной стороны, не только коммеморативной практикой, но прослеживается единая темпоральная целостность, которая связывает этапы социализации писателя и его социально-политическую позицию, а, с другой стороны, аксиологические особенности образа русского царя являются инструментом формирования коллективной «культурной травмы» (Александр, 2013), а также вытекающей из нее рецепцией современных политических институтов в России. В результате семантика данных произведений становится массовым инструментом конструирования единого идеологического ландшафта, который оказывает влияния не только на лидеров общественного мнения, но и на лица принимающие решения.

Тем не менее в идейно-ценностном аспекте развитие современной литературы как активного участника политических процессов в России связано и с динамичностью эволюции политических институтов, а также увеличение требований и ответственности за принятие решений в кризисные этапы, которых за последние 25 лет было как минимум три (2008 г., 2014 г. и 2022 г.). Поэтому художественные произведения В.Г. Сорокина, А.В. Иванова и П.С. Лунгин, которые создавались в первое десятилетие XXI в. («День опричника» (2006 г.), «Сахарный Кремль» (2008 г.), «Летоисчисление от Иоанна» (2009 г.), «Царь» (2009 г.)), тесно связаны и с этапами эволюции внутренней и внешней политики Российской Федерации. Так, например, укрепление имиджа В.В. Путина в середине 2000-х привело к увеличению в художественных произведениях исторических аналогий с централизованным режимом Ивана Грозного, а новый курс в сторону «суверенной демократии», который в итоге был оглашен на международной арене в 2007 году Президентом РФ на Мюнхенской конференции, спровоцировал осмысление итогов либерально-демократических реформ 1990-х годов в творческой среде (С.А. Шаргунов

«1993. Семейный портрет на фоне горящего дома» (2013 г.), М.Ю. Елизаров «Библиотекарь» (2007 г.) и Е.Н. Прилепин «Обитель» (2014 г.).

Таким образом, представляется, что для искусства (литературы и кинематографа) такой дискуссионный материал, как образ Ивана Грозного и методы политического управления, всегда является очень привлекательными, так как в такой теме обычно нет финальной точки в научных исследованиях (так же, как и по отношению к фигурам Петра I и И.В. Сталина). В результате такой недосказанности появляется простор для художественных размышлений, манипуляций и фальсификаций. Поэтому подобного рода анализ идейно-ценностных репрезентаций политической идеологии возможен только в тех областях, в которых существуют дискуссионные исторические вопросы.

В итоге анализ исторической роли художественного творчества в формировании общего идеологического ландшафта в России позволяет выделить три подхода – государственный, государственно-религиозный и частный путь регулирования культурной сферы. Тем не менее современная массовая культура, частью которой являются антиутопические произведения, позволяет рассматривать современные творческие интенции не в контексте дихотомии «элитарная культура» vs «массовая культура», в которой первая выражает интересы и запросы низов, а вторая – является отображением запросов высшего общества и предполагает высокую степень компетентности, а с постмодернистских позиций, где любое творческое проявление анализируется в рамках современного капиталистического общества потребления, в котором масскульт влияет на формирование политической идеологии общества, предполагает идейно-ценностную основу и глобальную цель для всего социума.

Представляется, что художественная литература может быть, как репрезентацией идеологического ландшафта современности, так и частью коммеморативных практик. Онтологическая задача художественного творчества также заключается в интеграции общества, формировании общего интерпретационного кода, легитимации власти и обосновании существования политических институтов, а также в искажении социальной реальности. В результате получается, что сама семантическая основа культуры подразумевает существование политической идеологии и созависимость ее от художественного творчества: человек, как существо социальное, нуждается в формировании вокруг себя структуры единения и поддержки, а также в разграничении индивидуального информационного пространства на правильные идеи и неправильные. Данные тенденции можно заметить в современных художественных произведениях, в которых предпринимается попытка создания единой аксиологической линии между образом Ивана Грозного и

функционированием политических институтов власти в историческом разрезе. В результате писателями преследуется цель – навязать семантически негативный образ и создать эффект «культурной травмы» опосредованным путем через литературное произведение или кинематограф.

Более того, возвращение к исторически неоднозначным образам, таким как Иван Грозный, Петр I или И.В. Сталин, говорит о популяризации в российском обществе глобальной системы ностальгии по прошлому, которая отражается как в восприятии современности, так и конструировании будущего. В результате мы получаем два типа художественных интенций: с одной стороны, современные авторы предполагают, что большая часть как актуальных социально-политических процессов, так и футуристических взглядов связаны с «исторической колеей», а значит ответы на возможные сценарии развития нужно искать в культурном коде социума (именно данного направления придерживаются В.Г. Сорокин, А.В. Иванов и П.С. Лунгин), а, с другой стороны, будущее представляется свободной площадкой для реализации любых инициатив и идей, которые могут диаметрально отличаться от темпоральной целостности истории и современности на данный момент: последний случай как раз связан с попытками государства, церкви, частных коллекционеров и меценатов формирования единой культурной среды в России в разные исторические этапы развития.

В результате практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты исследования могут быть использованы представителями власти при принятии управленческих решений, а также отраслевыми институтами в книжной индустрии, ориентированными на выявление и формирование общих идеологических основ развития. Тем не менее для исследовательских коллективов, аналитических центров и органов государственной власти представляется необходимым в дальнейшем продолжение изучения конструирования интегративных идеологий, направленных на стимуляцию формирования единого политического пространства: является одной из приоритетных задач современного государства в условиях доминирования образов массовой культуры, для которых свойственен рост потребительских запросов и постоянная циркуляция информации, и отсутствие ответственности перед обществом и политическими институтами, оберегающими личность сегодня. В противном случае будут появляться артефакты культуры, основной целью которых является коммерциализация идеи успеха, а также получение дохода и ресурсов для воспитания новых поколений «одномерных людей».

Литература

- Bloch, E. (2000). *The Spirit of Utopia*. Stanford University Press.
- Eagleton, T. (1999). *Ideology. An introduction*.
- Lasswell, H. D. (1972). *Propaganda Technique in the World War*.
- Morris, C. W. (1938). *Foundations of the theory of signs*. International Encyclopedia of Unified Science. University of Chicago Press.
- Peirce, C. (2012). *Philosophical writings of Peirce*. Dover publications.
- Александр, Дж. (2013). *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. Изд. «Праксис».
- Алексеева, Т. А. (2018). *Современная политическая мысль. XX-XXI вв. Политическая теория и международные отношения*. Издательство «Аспект Пресс».
- Андерсон, К. М., Артамонова, Ю. Д., Бойцова, О. Ю. (2014). Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: Материалы круглого стола. Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 4, 110-136.
- Арензон, Е. Р. (1995). Савва Мамонтов. *Русская книга*.
- Ариас-Вихиль, М. А. (2015). «Инженеры человеческих душ» и «социалистический реализм»: о встречах Сталина с писателями на квартире А. М. Горького в 1932 году (по материалам Архива А. М. Горького). Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917 - 1941 гг. Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.
- Бахревский, В. А. (2000). Савва Мамонтов. *Молодая гвардия*.
- Бахтин, М. М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. Искусство.
- Белов, С. И., Вантеевский, М. М., Ярошева, Д. В. (2023). Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений. Политическая наука. 2, 163-178. DOI 10.31249/poln/2023.02.07.
- Белов, С. И., Кузнецов, И. И. (2024) Развлекательные и просветительские предпочтения молодежи как ресурс политической социализации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2 (24), 196-200.
- Гаспаров, Б. М. (1996). *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Новое литературное обозрение.
- Гачева, А. Г. (2019). *Русский космизм в идеях и лицах*. Академический проект.
- Гирц, К. (2004). *Интерпретация культур*. РОССПЭН.
- Данилкин, Л. А. (2017). *Ленин: Пантократор солнечных пылинок*. Молодая гвардия.
- Дарнтон, Р. (2016). *Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже*. НЛО.
- Демин, И. В. (2022). Идеология как язык и метаязык. Значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологий. Диалог со временем. 79, 11-23.
- Демин, И. В. (2021). Культурная антропология Клиффорда Гирца в контексте современной теории идеологий. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 63, 111-121. DOI 10.17223/1998863X/63/11.
- Иванов, В. В. (1976). *Очерки по истории семиотики в СССР*. Наука.
- Копшицер, М. И. (1972). Савва Мамонтов. *Искусство*.

Кузнецов, И. И., Куликова, Е. В., Петрова, Ю. В. (2022). Массовая культура как среда политической социализации молодежи. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 5 (15), 68-88. DOI 10.31249/kgt/2022.05.04

Кузнецов, И. И., Куликова, Е. В., Петрова, Ю. В. (2023). Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях. Политическая наука. 2, 179-202. DOI 10.31249/poln/2023.02.08

Мартьянов, В. С. (2010). Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. Издательство «Политическая энциклопедия».

Пастон, Э. В. (2003) Абрамцево: искусство и жизнь. Искусство.

Перевезенцев, С. В. (1999). Русская религиозно-философская мысль X-XVII вв: Основные идеи и тенденции развития. Прометей.

Прокудин, Б. А. (2023). Исторические этапы политизации русской художественной литературы периода Великих реформ. Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 3, 99-130.

Пятигорский, А. М. (1996). Избранные труды. Школа «Языки русской культуры».

Семенова, Н. Ю. (2019). Московские коллекционеры. Щукин, Морозов, Остроухов. Три судьбы, три истории. «Молодая гвардия».

Соссюр, Ф. Де. (1977). Труды по языкознанию. Прогресс.

Тарасенко, Ю. В. (2008). Драма-антиутопия в русской литературе начала XX в. Вестник Томского государственного университета. 308, 26-30.

Успенский, Б. А. (1996). Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Школа "Языки русской культуры".

Фишман, Л. Г. (2006). Политический миф и идеология: опасное сближение? Полис. Политические исследования. 4, 74-86.

Флорида, Р. (2007). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Издательский дом «Классика-XXI».

Хезмондалш, Д. (2018). Культурные индустрии. Изд. дом Высшей школы экономики.

Цыганов, Д. М. (2021). Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х - начала 1950-х годов. Институциональный контекст формирования соцреалистического канона. Летняя школа по русской литературе. № 3-4 (17), 347-370. DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-347-370.

Шмидт, С. О. (2009). Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Языки славянских культур.

References

- Bloch, E. (2000). *The spirit of utopia*. Stanford University Press.
- Eagleton, T. (1999). *Ideology: An introduction* [Ideology: An introduction].
- Lasswell, H. D. (1972). *Propaganda technique in the World War* [Propaganda technique in the World War].
- Morris, C. W. (1938). Foundations of the theory of signs. In *International encyclopedia of unified science* (pp. 1–59). University of Chicago Press.
- Peirce, C. S. (2012). *Philosophical writings of Peirce*. Dover Publications.
- Alexander, J. C. (2013). *Smysly sotsial'noy zhizni: Kul'tursotsiologiya* [The meanings of social life: A cultural sociology]. Praxis.
- Alekseeva, T. A. (2018). *Sovremennaya politicheskaya mysl'. XX–XXI vv. Politicheskaya teoriya i mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern political thought: 20th–21st centuries. Political theory and international relations]. Aspekt Press. (In Russ)
- Anderson, K. M., Artamonova, Yu. D., & Boytsova, O. Yu. (2014). Political textology as a science and academic discipline: Round table materials. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*, (4), 110–136. (In Russ)
- Arenzon, E. R. (1995). *Savva Mamontov*. Russkaya kniga. (In Russ)
- Arias-Vikhil', M. A. (2015). "Inzheneriy chelovecheskikh dush" i "sotsialisticheskiy realizm": o vstrechakh Stalina s pisatelyami na kvartire A. M. Gor'kogo v 1932 godu (po materialam Arkhiva A. M. Gor'kogo) ["Engineers of human souls" and "socialist realism": On Stalin's meetings with writers at Gorky's apartment in 1932 (based on materials from the Gorky Archive)]. In *Postizhenie Zapada. Inostrannaya kul'tura v sovetskoy literature, iskusstve i teorii 1917–1941 gg.* Institut mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiyskoy akademii nauk. (In Russ)
- Bakhrevskiy, V. A. (2000). *Savva Mamontov*. Molodaya gvardiya. (In Russ)
- Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Iskusstvo. (In Russ)
- Belov, S. I., & Kuznetsov, I. I. (2024). Entertainment and educational preferences of youth as a resource for political socialization. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 24(2), 196–200. (In Russ)
- Belov, S. I., Vanteevskiy, M. M., & Yarosheva, D. V. (2023). Value preferences of modern Russian youth: Results of a synthesis of expert opinions. *Politicheskaya Nauka*, (2), 163–178. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.07> (In Russ)
- Demin, I. V. (2021). Clifford Geertz's cultural anthropology in the context of contemporary theory of ideologies. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (63), 111–121. <https://doi.org/10.17223/1998863X/63/11>
- Demin, I. V. (2022). Ideology as language and metalanguage: The significance of Yu. M. Lotman's semiotics of culture for contemporary theory of ideologies. *Dialog so Vremenem*, (79), 11–23. (In Russ)
- Danilkin, L. A. (2017). *Lenin: Pankrator solnechnykh pylinok* [Lenin: Pantocrator of sun motes]. Molodaya gvardiya. (In Russ)
- Darnton, R. (2016). *Poeziya i politsiya. Set' kommunikatsiy v Parizhe* [Poetry and the police: Communication network in Paris]. NLO. (In Russ)
- Fishman, L. G. (2006). Political myth and ideology: A dangerous convergence? *Polis. Political Studies*, (4), 74–86. (In Russ)
- Florida, R. (2007). *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The creative class: People who change the future]. Klassika-XXI. (In Russ)
- Gacheva, A. G. (2019). *Russkiy kosmizm v ideyakh i litsakh* [Russian cosmism in ideas and persons]. Akademicheskii proekt. (In Russ)

- Gasparov, B. M. (1996). *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image: Linguistics of linguistic existence]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ)
- Geertz, C. (2004). *Interpretatsiya kul'tur* [The interpretation of cultures]. ROSSPEN.
- Hesmondhalgh, D. (2018). *Kul'turnye industrii* [Cultural industries]. Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ)
- Ivanov, V. V. (1976). *Ocherki po istorii semiotiki v SSSR* [Essays on the history of semiotics in the USSR]. Nauka. (In Russ)
- Kopshits, M. I. (1972). *Savva Mamontov*. Iskustvo. (In Russ)
- Kuznetsov, I. I., Kulikova, E. V., & Petrova, Yu. V. (2022). Mass culture as an environment for political socialization of youth. *Kontury Global'nykh Transformatsiy: Politika, Ekonomika, Pravo*, 15(5), 68–88. <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.05.04> (In Russ)
- Kuznetsov, I. I., Kulikova, E. V., & Petrova, Yu. V. (2023). The space of heroes in the consciousness of Russian youth: Diversity of offerings with unclear preferences. *Politicheskaya Nauka*, (2), 179–202. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.08>
- Mart'yanov, V. S. (2010). *Politicheskii proekt Moderna. Ot miroekonomiki k miropolitike: strategiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire* [The political project of Modernity: From world-economy to world-politics: Russia's strategy in a globalizing world]. Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ)
- Paston, E. V. (2003). *Abramtsevo: iskustvo i zhizn'* [Abramtsevo: Art and life]. Iskustvo. (In Russ)
- Perevzentsev, S. V. (1999). *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' X–XVII vv: Osnovnye idei i tendentsii razvitiya* [Russian religious-philosophical thought of the 10th–17th centuries: Main ideas and development trends]. Prometei. (In Russ)
- Prokudin, B. A. (2023). Historical stages of the politicization of Russian fiction during the Great Reforms period. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*, (3), 99–130. (In Russ)
- Pyatigorskiy, A. M. (1996). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". (In Russ)
- Semenova, N. Yu. (2019). *Moskovskie kollektsionery. Shchukin, Morozov, Ostroukhov. Tri sud'by, tri istorii* [Moscow collectors: Shchukin, Morozov, Ostroukhov. Three fates, three stories]. Molodaya gvardiya. (In Russ)
- Shmidt, S. O. (2009). *Pamyatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniya istorii Rossii* [Monuments of writing in the culture of understanding Russian history] (Vol. 2: Ot Karamzina do "arbatstva" Okudzhavy). Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ)
- Saussure, F. de. (1977). *Trudy po yazykoznaniyu* [Works in linguistics]. Progress.
- Tarascenko, Yu. V. (2008). Dystopian drama in Russian literature of the early 20th century. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (308), 26–30. (In Russ)
- Tsyganov, D. M. (2021). The Stalin Prize in the system of literary production of the 1940s–early 1950s: The institutional context of the formation of the socialist realist canon. *Letnyaya Shkola po Russkoy Literature*, 17(3–4), 347–370. <https://doi.org/10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-347-370> (In Russ)
- Uspenskiy, B. A. (1996). *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected works in 3 volumes] (Vol. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury). Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". (In Russ)

И.А. Туркин

I. Turkin

**СИМВОЛ «ЯДЕРНАЯ
ВОЙНА» В
СОВРЕМЕННЫХ СМИ
РОССИИ И США:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ**

**THE SYMBOL OF
«NUCLEAR WAR» IN
CONTEMPORARY
RUSSIAN AND US MEDIA:
A COMPARATIVE
ANALYSIS**

Аннотация

Целью работы является сравнительный анализ использования символа «ядерная война» в СМИ России и США в период с 2021 по 2024 гг. На основе сравнительного анализа обширного массива текстов в рамках анализируемого периода, выгруженных благодаря инструментарию метода анализа больших данных, делается вывод о формировании разрыва в интерпретации символа. Такое положение дел затрудняет актерам в структуре конфликта интерпретировать действия друг друга одинаково, а как следствие и решать сложившиеся противоречия. Использование методологии критического дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муффа позволило выделить как узловые точки дискурсов о ядерной угрозе, так и определить те смыслы, которые в них исключаются. В СМИ США ключевой ядерной угрозой выступает Иран. Это обуславливается тем, что данная страна репрезентируется в качестве иррационального актора в международных отношениях, экзистенциальной целью которого является уничтожение США и Израиля. Россия репрезентируется в качестве слабого актора, который только угрожает применением оружия из-за неспособности добиться военных успехов на Украине. Китай представлен в дискурсе в первую очередь в контексте увеличения своего ядерного потенциала и разработки гиперзвуковых вооружений. Для репрезентации Поднебесной используется предикационная стратегия, направленная на дискурсивное создание двух противоборствующих блоков: «демократических» и «авторитарных» государств. В СМИ Российской Федерации в контексте ядерной угрозы ключевым негативным «Другим» выступает коллективный Запад

Abstract

The purpose of this work is to conduct a comparative analysis of the use of the symbol «nuclear war» in the Russian and US media between 2021 and 2024. Based on a comparative analysis of an extensive array of texts from the period under review, extracted using big data analysis tools, the conclusion is drawn that a gap has formed in the interpretation of the symbol. This situation makes it difficult for actors in the conflict structure to interpret each other's actions in the same way and, as a result, to resolve existing contradictions. The use of the critical discourse analysis methodology developed by E. Laclau and C. Mouffe made it possible to highlight key quilting points of the discourses on the nuclear threat and the meanings that are excluded from them. In the US media, Iran is portrayed as the key nuclear threat. This is because Iran is represented as an irrational actor in international relations, whose existential goal is to destroy the US and Israel. Russia is represented as a weak actor that only threatens to use weapons because of its inability to achieve military success in Ukraine. China is represented in the discourse primarily in the context of increasing its nuclear potential and developing hypersonic weapons. A predicative strategy is used to represent China, aimed at discursively creating two opposing blocs: «democratic» and «authoritarian» states. In the Russian media, the collective West, led by the US, is the key negative «Other» in the context of the nuclear threat. This coalition is represented as an unreliable, irresponsible, and dishonest actor. After the start of the special military op-

во главе с США. Данная коалиция репрезентируется в качестве ненадёжного, безответственного и нечестного актора. После начала СВО фиксируется идея, что причиной начала военных действий на Украине стала политика западных государств, которые подталкивали Киев к созданию ядерного оружия или «грязной бомбы». В противовес США в России доминирует апологетическая стратегия в отношении Ирана, которая позволяет легитимизировать политику Тегерана в рамках использования мирного атома.

eration, the idea took hold that the reason for the start of military operations in Ukraine was the policy of Western states, which pushed Kiev to create nuclear weapons or a «dirty bomb». In contrast to the US, Russia's strategy toward Iran is apologetic, which allows it to legitimize Tehran's policy of using nuclear energy for peaceful purposes.

Ключевые слова:

холодная война, ядерная угроза, дискурс, символическая политика, Россия, США, Китай, Иран.

Key words:

cold War, nuclear threat, discourse, symbolic politics, Russia, USA, China, Iran.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-87-100>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Сегодня мы всё чаще слышим про угрозу применения ядерного оружия, которая возникла в связи с кратным усилением конфронтации между великими державами. Поэтому, учёные-международники выдвигают на повестку дня вопрос о возможности избегания ядерной войны (Барановский, Бужинский, Загорский, Никитин, Ознобищев, 2022), действенности в современном контексте ядерного сдерживания (Караганов, 2024) и возможном пути по лестнице ядерной эскалации (Барановский, 2022). Это подкрепляется фактическим кризисом в области контроля и регулирования ядерного вооружения, особенно между Россией и США, то есть, двумя странами, на которые приходится основной ядерный потенциал на всей планете.

Ядерное оружие представляет собой уникальный феномен, и, как подчёркивает Р. Джарвис, его осмысление невозможно без анализа связанных с ним идей и убеждений (Джарвис, 2024). Если изначально оно рассматривалось как конвенциональное средство войны, то сегодня прочно ассоциируется с оружием Армагеддона, символизируя абсолютную угрозу и коренной переворот в представлениях о войне и безопасности. Однако, в отличие от эпохи Холодной войны, когда ядерное сдерживание воспринималось в качестве инструмента сохранения Status Quo, современные исследователи всё чаще указывают на его уязвимости и возможную неэффективность, ставя под сомнение прежние доктрины (Тренин, Авакянц, Караганов, 2024).

Одним из исследовательских треков данного проекта является анализ использования наследия Холодной войны различными акторами политики современных США и России. Если до этого мы рассматривали символы Холодной войны в широком контексте, охватывая частотность использования функции символов, магистральные контексты, то сейчас сместим фокус на частный, но крайне значимый в условиях кризиса международной безопасности символ ядерной войны.

Проясним предмет нашего исследования. Ядерное сдерживание имеет большую дискурсивную базу, основание которой было создано во время Холодной войны. Оставляя в стороне детальную историческую реконструкцию событий, мы отметим, что резервуар значений символа далеко выходит за рамки теории сдерживания, к которой зачастую редуцируется вся проблематика ядерной угрозы. Например, историки отмечают роль активистов и учёных, которые поднимали публично вопрос о контроле над послевоенным атомом (Kaiser, Wilson, 2015; Boyer, 1984); сегодня активно развивается отдельное направление исследований – изучение формирования страха ядерной войны в массовой культуре СССР и США (Журавлёва, 2024; Просолова, 2024; Heed, Kubyshkin, 2019; Невзоров, 2024); существуют работы по изучению различных режимов памяти о ядерном оружии в том числе в западных странах (Okuda, 2011; Аргунов, 2025) и так далее. В этом исследовании мы рассмотрим, как конструируется актуальное представление о ядерном оружии символическими элитами в публичной сфере на примере средств массовой информации.

Цель работы – выявить основные узловые точки дискурса о ядерной угрозе в СМИ России и США перед началом Специальной военной операции и до окончания президентства Джозефа Байдена. Для этого будет проведён сравнительный анализ использования лексемы «ядерное оружие» в период с 2021 по 2024 гг. (Рябова, Туркин, 2024). Данные темпоральные рамки выбраны для того, чтобы выделить основные сюжеты, связанные с максимальной после окончания Холодной войны эскалацией между двумя крупнейшими ядерными державами. Актуальное президентство Дональда Трампа не входит в анализируемый период, так как действующая американская администрация интерпретирует нынешний конфликт по-новому, стремясь в том числе по возможности завершить его, но не эскалировать с целью нанесения «стратегического поражения» России. Объем генеральной совокупности статей, в которых использовалась лексема «ядерная война» составил 2 884 публикации в СМИ США и 23 546 публикаций в СМИ России. Для анализа была сформирована выборочная совокупность, её объем составил по 400 публикаций из СМИ обоих государств, отобранных случайным образом.

В данной работе в качестве ключевого метода анализа текста выступает критический дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муффа (Laclau, Mouffe, 2001; Laclau, 2000). Свою теорию они основывают на онтологии постструктурализма, дополненной идеей А. Грамши о борьбе за гегемонию как форму добровольного доминирования. Теория дискурсивной гегемонии формулировалась в рамках антиэссенциалистского поворота, который во главу угла поставил принцип отсутствия чётких связей между означаемым и означающим. Это предполагает, что все значения являются результатом ранее принятых властных решений, а, следовательно, они являются случайными и могут меняться в результате политической борьбы. Рассмотрение ядерного оружия в качестве дискурсивного феномена не означает, что оно является просто конструктом и не представляет реальной угрозы для жизни людей. Любой дискурс имеет тенденцию к материальности. Когда политик рассуждает о необходимости бомбить какую-либо страну, это тот символический ресурс, который потенциально рискует реализоваться в реальности, убив множество людей.

Обозначенная теория будет дополнена смежными концептами, сформированными также в рамках дискурсивных исследований. В первую очередь мы говорим про определение «дискурсивных стратегий» (как самого широкого из понятий), а также референциальных и предикационных стратегий, сформулированных Р. Водак. Первый тип стратегии означает маркирование акторов позитивными или негативными чертами, а второй – формирование групп и символических границ между группами (Wodak, 2015). При этом, сама онтология Р. Водак и её учителя Т. Ван Дейка в данной работе отвергается как нарушающая принцип антиэссенциализма в связи с тем, что их позиция наделяет монополией на истину миноритарные группы.

В данной работе мы анализируем, как означающее «ядерная война» реализовывается в массовой политике, то есть такой политике, которая в первую очередь основывается на эмоциях, чувствах и переживаниях (Почелуев 2012, с. 27). Ядерное оружие в массовом дискурсе предстаёт в качестве символического ресурса, за который происходит борьба в процессе интерпретации социальной реальности и соревнование за доминирование в публичном пространстве (Малинова, 2015). Данный символ реализовывается через конструирование воображённого события начала обмена ядерными ударами между великими державами по схеме игры с нулевой суммой. Происходит создание памяти об ужасном или потенциально ужасном событии в прошлом, которое влияет на процесс принятия решений актором в настоящем. В этом контексте закономерным образом актуализируется значение и роль воображения как объективного фактора, не только влияющего на по-

ведение субъекта, но и конструирующего этого субъекта в рамках воображаемого сообщества (Андерсон, 2016; Юрчак, 2014, с. 311-404; Ball, 2003).

Важно заметить, что символическая политика не является способом манипуляции элит над массами. Элиты конструируют политические смыслы, но затем сами корректируют свое поведение в соответствии с этими смыслами (Малинова, 2013). Отдельно необходимо отметить, что применение символов в политике обусловлено их многофункциональностью. Например, они вызывают сильную эмоциональную реакцию, способны быть включенными в создание символических границ между «своими» и «чужими», а также они пластичны и многозначны (Рябов и др., 2023).

Во время Холодной войны между СССР и США был сформирован общий режим мнемонической безопасности, который основывался на сконструированной памяти об ужасном или потенциально ужасном событии, а также закреплял идею о недопустимости и кошмаре прямого столкновения между державами. Но сегодня, по всей видимости, данный режим памяти подвергается постепенной эрозии. Для обоснования данного тезиса выделим ключевые узловые точки дискурса о ядерной войне, которые артикулируются в дискурсе СМИ России и США.

Уже было отмечено ранее, средства массовой информации США в гораздо меньшей степени обращаются к символу «ядерная война» по сравнению со СМИ Российской Федерации. Это связано с тем, что сама проблематика использования ядерного оружия является периферийной и возникает в контекстах, которые касаются США крайне опосредованно. Первым по упоминаниям государством, которое в анализируемый период в США на дискурсивном уровне негативно связывается с ядерным оружием, является Иран. Это в целом обусловлено не только сильным вниманием США к Ближнему Востоку, но и усилиями израильского лобби, стремящегося объединить американские и израильские приоритеты, представляя интересы Израиля как объективные цели Соединённых Штатов (Mearsheimer, Walt, 2006).

Рассмотрим референциальные и предикационные стратегии, использующиеся в дискурсе американских СМИ по отношению к Ирану.

Для стигматизации Ирана его репрезентируют в качестве страны «крупнейшего в мире спонсора терроризма», экзистенциальная цель которого – уничтожение США и Израиля. Такая репрезентация позволяет сформировать цепочку эквивалентности, фиксирующую смысл в схему «политика Америки – это политика Израиля, а политика Израиля – это политика Америки». Такая дискурсивная стратегия позволяет выполнить две функции: во-первых, связать США и Израиль, а, во-вторых, представить партикулярные интересы Израиля в качестве объективных интересов США. Это реализовыв-

вается с помощью двух риторических тропов: во-первых, стигматизации Ирана в качестве иррационального актора, а, во-вторых, с помощью репрезентации в СМИ США политики на Ближнем Востоке израильскими политиками и активистами. Второй троп позволяет интерпретировать проблематику арабо-израильских отношений через позицию Иерусалима. Например, американский ультра-правый новостной веб-сайт Breitbart цитировал бывшего премьер-министра Израиля Н. Беннета, который призывал «не поддаваться «кровавому» ядерному шантажу Ирана»¹; американская медиа-организация Politico утверждала, что администрация Дж. Байдена во время протестов 2022 года в Иране не желала прислушиваться к «некоторым активистам» из Ирана, которые требовали отказаться от ядерной сделки и не снимать санкции с «режима аятолл»²; Fox News цитировало действующего премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху, который, критикуя попытку реабилитации ядерной сделки, говорил следующее: «Если у Ирана есть ядерное оружие, они не просто угрожают моей стране, Израилю или всему Ближнему Востоку и союзникам Америки. Они угрожают вам напрямую, потому что одновременно с разработкой ядерного оружия они разрабатывают средства его доставки через континенты»³.

Интересно, что даже после начала Специальной военной операции на Украине фокус американских СМИ так и не сместился полностью в сторону России. Более того, начало конфликта дало возможность выстроить цепочку эквивалентности, закрепляющую идею о необходимости ужесточения санкций против Ирана за его поддержку России. Например, Fox News в обзоре протестов в Иране цитировал Занд Эврин, автора книги «Тайное женское общество: история отважных иранских женщин» (The Ladies' Secret Society: History of the Courageous Women of Iran), которая критиковала политику возобновления ядерной сделки с Ираном при возможном посредничестве России: «В то время как администрация [Байдена] поддерживает Украину, Хаменеи дарит беспилотники своему другу Путину, и тем не менее президент Байден продолжает говорить о переговорах с Путиным в качестве посредника с Хаменеи». Или в этом же материале журналисты цитировали представителя Госдепартамента США, который заявлял, что «Иран убивает свою моло-

¹ Israeli PM Bennett Tells World Leaders Not to 'Give in to Iran's Nuclear Blackmail' (2021). Breitbart. <https://www.breitbart.com/middle-east/2021/11/30/israeli-pm-bennett-tells-world-leaders-not-to-give-in-to-irans-nuclear-blackmail/>.

² 'Everyone thinks we have magic powers': Biden seeks a balance on Iran (2022). Politico. <https://www.politico.com/news/2022/10/25/biden-iran-regime-change-protests-nuclear-weapons-00063312>.

³ Netanyahu rips Biden over push to revive Iran nuclear deal: Middle East will become 'nuclear powder keg' (2022). Fox News. <https://www.foxnews.com/media/netanyahu-rips-biden-push-revive-iran-nuclear-deal-middle-east-nuclear-powder-keg>.

дежь и продает [беспилотные летательные аппараты] России, чтобы убивать украинцев. Мы сосредоточены на практических способах противостояния им в этих областях»¹. Также американский политик республиканец М. Роджерс, критикуя возможную ядерную сделку, заявлял, что «предоставление Ирану денег, необходимых ему для продвижения к ядерному оружию, расширения его террористической сети и одновременной помощи Владимиру Путину, является ошибкой, которая будет стоить жизней»².

Вторым по значимости «Другим» в контексте ядерной угрозы выступает Россия. Важно отметить, что до начала Специальной военной операции в американских СМИ почти не упоминалась связка России и угрозы применения ядерного оружия. Однако после начала СВО, доминирующей стала референциальная стратегия, репрезентирующая Россию как «слабого» актора, который из-за неудач на Украине компенсирует военные трудности угрозами в адрес западных стран. Например, в материале The New York Times 2022 года заявлялось, что, актуализируя тему ядерного оружия, российский лидер «достигает практической военной цели». Этот нарратив в материале усиливается заявлением генерал-лейтенанта и бывшего командующего армией США в Европе, который оценивал в качестве «крайне маловероятного» применение Россией тактического ядерного оружия³. Таким образом, российская угроза интерпретируется как инструмент давления, маскирующий проблемы ВС РФ на фронте.

Также важным государством, которое репрезентируется в качестве ядерной угрозы, выступает Китай. Сегодня мы являемся свидетелями постепенного конструирования главного врага для США в лице именно Поднебесной. Например, в экспертном дискурсе Китай всё чаще репрезентируется в качестве нового экзистенциального врага. Если для США Россия – это слабеющая сила, то Китай это – идеологический противник, который имеет возможность нанести прямой удар по американскому обществу и который обладает силой и амбициями, угрожающими положению Соединенных Штатов в мире (Kagan, 2021). Ряд американских экспертов утверждают, что Китай выстраивает альтернативную гегемонию (Economy, 2024), а растущая мощь его

¹ Iran: 'Biden can't ignore protests, executions' as regime eyes nuclear weapons amid atomic deal pause (2022). Fox News. <https://www.foxnews.com/world/iran-biden-cant-ignore-protests-executions-as-regime-eyes-nuclear-weapons-amid-atomic-deal-pause>.

² Exclusive: Ranking HASC Republican Rogers Rips Biden Effort to Revive Iran Nuke Deal – 'A Grave Mistake' (2022). Brietbart. <https://www.breitbart.com/politics/2022/08/25/exclusive-ranking-hasc-republican-rogers-rips-biden-effort-to-revive-iran-nuke-deal-a-grave-mistake/>.

³ The Reality Behind Russia's Talk About Nuclear Weapons (2022). The New York Times. <https://www.nytimes.com/2022/11/02/us/politics/putin-russia-nuclear-weapons.html>.

ядерного арсенала постепенно трансформирует биполярную ядерную систему во главе с Америкой и Россией в трёхполярную (Krepinevich 2022).

На этом фоне важно отметить, что в СМИ США ядерная угроза Китая является относительно периферийным сюжетом. Один из значимых нарративов, направленных против Китая, основан на тревоге США по поводу разработки Китаем гиперзвуковых вооружений¹. При этом для репрезентации Поднебесной активно используется предикационная стратегия, которая объединяет Пекин и Москву с Тегераном. Так формируется связка ключевых негативных «Других», которые стигматизируются в качестве альянса «авторитарных» стран в противовес «либеральным демократиям», которые формируют группу «своих» для США. Например, в материале Fox News цитируется старший научный сотрудник Института Хадсона и эксперт по стратегическому сдерживанию Р. Хайнрихс, которая заявляла следующее: «Что делает ситуацию настолько опасной, так это то, что Си и Путин сотрудничают новыми способами, чтобы поставить под угрозу архитектуру альянсов США, системы торговли, безопасной и надежной коммерции – все то, что позволяло американцам жить в безопасности, процветать и быть свободными на протяжении десятилетий»².

Теперь перейдём к анализу дискурса СМИ Российской Федерации. В этот раз необходимо разбить анализируемый материал до и после 24 февраля 2022 года. Перед началом Специальной военной операции нужно выделить два ключевых сюжета: во-первых, начало переговоров о гарантиях безопасности с США и НАТО, во-вторых, переговоры по возобновлению Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана.

В декабре 2021 года Москва выдвинула предложения по гарантиям безопасности США и НАТО, в рамках которого ключевой идеей было не укрепление своей безопасности индивидуально за счёт безопасности других. На практике это означало гарантии невступления в Альянс Украины и Грузии, а также отказ от ведения военной деятельности на территориях, которые Москва считает экзистенциально важными для обеспечения собственной безопасности. В рамках проведения информационной кампании по освещению продвижения гарантий безопасности первые лица государства заявляли, что данные предложения не являются «ультиматумом» и направлены на урегулирование возможных конфликтов между ведущими ядерными державами. Например, в интервью Интерфакс замглавы МИД РФ С. Рябков заявил,

¹ As China Speeds Up Nuclear Arms Race, the U.S. Wants to Talk (2021). The New York Times. <https://www.nytimes.com/2021/11/28/us/politics/china-nuclear-arms-race.html>.

² Russia and China in unofficial arms race as US lags behind: experts (2023). Fox News. <https://www.foxnews.com/world/russia-china-unofficial-arms-race-as-u-s-lags-behind-experts>.

что «легкость, с которой оппоненты в НАТО обходятся с вопросами развертывания ядерного оружия, применения ядерного оружия в разных ситуациях, где все больше неопределенностей, размытостей, где снижается порог, в том числе, за счет мощности – то есть по логике делается то, что позволяет как бы проще обойтись с ядерным оружием, в том числе на поле боя, нам это как бы очень заметно, и вызывает не просто возражения, а озабоченность»¹. Дальнейшая реакция со стороны представителей НАТО не раз критиковалась в российских СМИ. После слов Й. Столтенберга о возможном размещении ядерного оружия на «восточном фланге» Альянса глава делегации России в Вене сказал следующее: «вместо того, чтобы откликнуться на призыв России к деэскалации напряженности в Европе, главное должностное лицо Североатлантического альянса заявляет о том, что в ядерном плане НАТО ещё ближе продвинется к границам нашей страны»². После неудачи переговоров российские спикеры резюмировали, что игнорирование предложений России привело к началу конфликта на Украине.

Как уже было сказано, вторым важным сюжетом в рамках анализируемого временного периода были переговоры по СВПД. В СМИ США ключевым был тезис об экзистенциальной угрозе Ирана, а, следовательно, единственно верной политикой было бы либо сорвать сделку, либо получить тотальный контроль над ядерной программой Ирана. Российская сторона заняла противоположную позицию. Например, сенатор К. Косачёв в интервью Интерфакс призвал «США покаяться за выход из сделки по иранскому атому», а также отметил, что «ни в одном случае иранцы не дошли до той красной черты, за которой возникает возможность разработки и производства ядерного оружия»³. С похожим заявлением позже выступил и постпред России при международных организациях в Вене М. Ульянов, который заявил следующее: «Иран уже отошел от СВПД во многих положениях. Однако важно понимать, что это произошло не по злой воле Тегерана, а в качестве реакции на безответственную политику максимального давления со стороны США с экстерриториальными санкциями и прочими формами давления на Тегеран»⁴. Следовательно, доминирующей позицией в дискурсе российских СМИ

¹ Сергей Рябков: наши предложения по гарантиям безопасности – не ультиматум Западу, но серьезное предупреждение (2021). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/interview/810198>.

² Глава делегации России в Вене прокомментировал заявление генсека НАТО о ядерном оружии (2021). RT на русском. <https://russian.rt.com/world/news/929758-rossiya-nato-yadernoe-oruzhie>.

³ Косачев призвал США покаяться за выход из сделки по иранскому атому (2021). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/world/812981>.

⁴ Компромисс или война. К чему приведет срыв переговоров Ирана и США по ядерной сделке (2022). ТАСС. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13198251>.

является утверждения, что большинство обвинений США о разработке ядерного оружия Ираном являются преувеличенными, а выход из СВПД был крупной ошибкой.

После начала СВО в дискурсе СМИ закрепились идея, что начало боевых действий связано с политикой западных государств, которые подталкивали Киев к созданию ядерного оружия или «грязной бомбы». Например, зампред Совета Безопасности Д. Медведев неоднократно заявлял, что именно намерение возобновления ядерной программы стало одной из причин проведения спецоперации на Украине¹. Вторым важным событием стали заявления первых лиц государства о создании «грязной бомбы» киевскими властями с целью её использования и обвинения России в террористической деятельности. Согласно заявлению бывшего посла в США А. Антонова, «сегодня мы стоим перед угрозой радиационной катастрофы. Киев вынашивает планы по осуществлению диверсии с применением «грязной бомбы» <...> Совершенно очевидно, что цель украинских властей – замаскировать провокацию под использование Россией тактического ядерного оружия и, притворившись жертвой, напрямую втянуть США и НАТО в конфликт»². При этом все обвинения России о том, что она якобы собирается использовать тактическое ядерное оружие, отрицались. Это связано с тем, что ядерная доктрина РФ носит оборонительный характер, а также российское руководство утверждает, что сможет решить все поставленные цели в ходе СВО без применения оружия массового уничтожения. Поэтому, президент В. Путин в ответ на критику неоднократно отвечал: «Хочу подчеркнуть еще раз, чтобы никто там нас не обвинял в том, что мы бряцаем ядерным оружием. Это – политика ядерного сдерживания!»³.

Таким образом, были выделены три ключевых ядерных «Других», которые фигурируют в дискурсе СМИ США: Иран, Россия и Китай. В отношении Ирана преобладает референциальная стратегия, представляющая его как нерационального актора, чья экзистенциальная цель – уничтожение Израиля и США. Подобный дискурс формирует представление о невозможности диалога с Ираном, оставляя право голоса лишь определённым иранским «активистам», выступающим за ужесточение политики в его адрес. Данная

¹ «Серьёзная угроза для России»: как намерения Киева обладать ядерным оружием стали одной из причин проведения СВО (2022). RT на русском. <https://russian.rt.com/ussr/article/1070903-ukraina-yadernaya-ugroza>.

² Антонов заявил о подготовке Украиной диверсии с применением "грязной бомбы" (2022). ТАСС. <https://tass.ru/politika/16276707>.

³ Путин: Россия не бряцает ядерным оружием, а ведет политику сдерживания (2021). RGRU. <https://rg.ru/2024/12/16/putin-rossiia-ne-briacaet-iadernym-oruzhiem-a-vedet-politiku-sderzhivaniia.html>.

предикационная стратегия способствует созданию дискурсивного единства между США, Израилем и другими «цивилизованными» государствами, противопоставляя их «странам-агрессорам», сотрудничающим с Ираном. В отношении России доминирует референциальная стратегия «слабого» актора, которая закрепляет идею в дискурсе о «ядерном шантаже» со стороны России из-за неудач на Украине. Данная стратегия направлена не столько на закрепление в дискурсе СМИ узловой точки об угрозе ядерной войны между двумя ядерными сверхдержавами, сколько на деконструкцию образа России в качестве «агрессивного» и «безответственного», но и «неопасного» актора. Ключевые опасения по поводу Китая касаются разработки и тестирования им гиперзвуковых вооружений. При этом важным оказывается предикационная стратегия, которая репрезентирует международную арену как разделённую на два противоборствующих блока: демократий и автократий.

В СМИ Российской Федерации в контексте ядерной угрозы ключевым негативным «Другим» выступает коллективный Запад во главе с США. Данная коалиция репрезентируется в качестве ненадёжного, безответственного и нечестного актора. Это аргументируется тем, что все предложения России по формированию коллективной безопасности были проигнорированы, что закономерным образом привело к началу СВО на Украине. Более того, утверждается, что страны Запада вместо того, чтобы ответственно подходить к выстраиванию отношений между ядерными державами, подталкивали Киев к созданию ядерного оружия или «грязной бомбы». Отдельно необходимо отметить, что в противовес США в России доминирует апологетическая стратегия в отношении Ирана, которая позволяет легитимизировать политику Тегерана в рамках использования мирного атома.

В анализируемый период наблюдается разрыв в интерпретации символа «ядерная война» в СМИ России и США. Это очевидным образом затрудняло задачу стабилизации структуры конфликта, так как акторы не могли адекватно интерпретировать действия друг друга. Закономерным образом это приводило к тому, что и решить сложившиеся противоречия с помощью диалога и дипломатии не представлялось возможным.

Литература

- Ball, A. M. (2003). *Imagining America: Influence and images in twentieth-century Russia*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Boyer, P. (1984). From activism to apathy: The American people and nuclear weapons, 1963–1980. *The Journal of American History*, 70(4), 821–844.
- Economy, E. (2024). China's alternative order and what America should learn from it. *Foreign Affairs*, 103(3), 8–25.
- Heed, T., & Kubyshkin, A. I. (2019). Armageddon: Comparative images of the nuclear conflict between the United States and the Soviet Union in American cinema. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 24(5), 250–258. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.20>
- Kagan, R. (2021). A superpower, like it or not: Why Americans must accept their global role. *Foreign Affairs*, 100(2), 28–40.
- Kaiser, D., & Wilson, B. (2015). American scientists as public citizens: 70 years of the *Bulletin of the Atomic Scientists*. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 71(1), 13–25. <https://doi.org/10.1177/0096340214563675>
- Krepinevich, A. F., Jr. (2022). The new nuclear age: How China's growing nuclear arsenal threatens deterrence. *Foreign Affairs*, 101(3), 92–105.
- Laclau, E. (2000). Identity and hegemony: The role of universality in the constitution of political logics. In J. Butler, E. Laclau, & S. Žižek (Eds.), *Contingency, hegemony, universality* (pp. 40–90). Verso.
- Laclau, E., & Mouffe, C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics* (2nd ed.). Verso.
- Mearsheimer, J., & Walt, S. M. (2006, March 23). The Israel lobby and U.S. foreign policy. *London Review of Books*.
- Okuda, H. (2011). Remembering the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki: Collective memory of post-war Japan. *Acta Orientalia Vilnensia*, 12(1), 11–28. <https://doi.org/10.15388/AOV.2011.0.3632>
- Wodak, R. (2015). Critical discourse analysis, discourse-historical approach. In K. Tracy (Ed.), *The international encyclopedia of language and social interaction* (pp. 1–14). John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi090>
- Аргунов, Е. В. (2025). Память о Второй мировой войне в японской манге. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*, 4, 58–70. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2025-4-58-70>
- Барановский, В. Г. (2022). Эскалация конвенциональных конфликтов: о возможном переходе ядерного порога. *Полис. Политические исследования*, 4, 6–9. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.02>
- Барановский, В. Г., Бужинский, Е. П., Загорский, А. В., Никитин, А. И., & Ознобищев, С. К. (2022). Избегать ядерной войны: Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к «ядерному порогу». *Полис. Политические исследования*, 6, 114–134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
- Джертвис, Р. (2024). *Значение ядерной революции: Управление государством и перспектива Армагеддона* (Т. Ованнисян, Пер.). Центр анализа стратегий и технологий.
- Журавлева, В. И. (2024). Американская карикатуристическая индустрия как индикатор разрядки во взаимоотношениях СССР и США в годы Холодной войны. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США*.
- Караганов, С. А. (2024). Век войн? Статья первая. *Россия в глобальной политике*, 22(1), 52–64. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-52-64>

Невзоров, М. В. (2024). Образы «разрушительной силы» ядерного оружия в контексте режима ядерной безопасности между СССР и США. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США*.

Просолева, Е. В. (2024). Ядерная угроза в плакате СССР и США: опыт сравнительного анализа. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США* (с. 120–138).

Рябов, О. В., Белов, С. И., Давыдова, О. С., Кубышкин, А. И., Рябов, Д. О., Рябова, Т. Б., Смирнов, Д. Г., Спутницкая, Н. Ю., & Юдин, К. А. (2023). «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. Аспект Пресс.

Рябова, Т. Б., & Туркин, И. А. (2024). Символы холодной войны в современной политической риторике: опыт изучения СМИ России и США методами анализа больших объемов информации. В *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США* (с. 150–172).

Тренин, Д., Авакян, С., & Караганов, С. (2024). *От сдерживания к устрашению*. Молодая гвардия.

References

Ball, A. M. (2003). *Imagining America: Influence and images in twentieth-century Russia*. Rowman & Littlefield Publishers.

Boyer, P. (1984). From activism to apathy: The American people and nuclear weapons, 1963–1980. *The Journal of American History*, 70(4), 821–844.

Economy, E. (2024). China's alternative order and what America should learn from it. *Foreign Affairs*, 103(3), 8–25.

Heed, T., & Kubyskin, A. I. (2019). Armageddon: Comparative images of the nuclear conflict between the United States and the Soviet Union in American cinema. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 24(5), 250–258. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.20>

Kagan, R. (2021). A superpower, like it or not: Why Americans must accept their global role. *Foreign Affairs*, 100(2), 28–40.

Kaiser, D., & Wilson, B. (2015). American scientists as public citizens: 70 years of the Bulletin of the Atomic Scientists. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 71(1), 13–25. <https://doi.org/10.1177/0096340214563675>

Krepinevich, A. F., Jr. (2022). The new nuclear age: How China's growing nuclear arsenal threatens deterrence. *Foreign Affairs*, 101(3), 92–105.

Laclau, E. (2000). Identity and hegemony: The role of universality in the constitution of political logics. In J. Butler, E. Laclau, & S. Žižek (Eds.), *Contingency, hegemony, universality* (pp. 40–90). Verso.

Laclau, E., & Mouffe, C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics* (2nd ed.). Verso.

Mearsheimer, J., & Walt, S. M. (2006, March 23). The Israel lobby and U.S. foreign policy. *London Review of Books*.

Okuda, H. (2011). Remembering the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki: Collective memory of post-war Japan. *Acta Orientalia Vilnensia*, 12(1), 11–28. <https://doi.org/10.15388/AOV.2011.0.3632>

Wodak, R. (2015). Critical discourse analysis, discourse-historical approach. In K. Tracy (Ed.), *The international encyclopedia of language and social interaction* (pp. 1–14). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi090>

Argunov, E. V. (2025). Pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne v yaponskoy mange [Memory of the Second World War in Japanese manga]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya»*, 4, 58–70. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2025-4-58-70> (In Russ)

Baranovsky, V. G. (2022). Eskalatsiya konventsional'nykh konfliktov: o vozmozhnom perekhode yadernogo poroga [Escalation of conventional conflicts: On the possible crossing of the nuclear threshold]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, 4, 6–9. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.02> (In Russ)

Baranovsky, V. G., Buzhinsky, E. P., Zagorsky, A. V., Nikitin, A. I., & Oznobishchev, S. K. (2022). Izbezhat' yadernoy voyny: Problemy eskalatsii/deeskalatsii vooruzhennykh konfliktov pri priblizhenii k «yadernomu porogu» [Avoiding nuclear war: Problems of escalation/de-escalation of armed conflicts when approaching the "nuclear threshold"]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, 6, 114–134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>

Jervis, R. (2024). *Znachenie yadernoy revolyutsii: Upravlenie gosudarstvom i perspektiva Armageddona* [The meaning of the nuclear revolution: Statecraft and the prospect of Armageddon] (T. Ovanisyan, Trans.). Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy. (In Russ)

Zhuravleva, V. I. (2024). Amerikanskaya karikaturistika kak indikator razryadki vo vzaimootnosheniyakh SSSR i SShA v gody Kholodnoy voyny [American caricature as an indicator of détente in USSR–USA relations during the Cold War]. In *Imagologiya Kholodnoy voyny: «Svoi» i «chuzhie» v massovoy kul'ture SSSR i SShA*. (In Russ)

Karaganov, S. A. (2024). Vek voyn? Stat'ya pervaya [A century of wars? First article]. *Rossiya v Global'noy Politike*, 22(1), 52–64. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-52-64> (In Russ)

Nevzorov, M. V. (2024). Obrazy «razrushitel'noy sily» yadernogo oruzhiya v kontekste rezhima yadernoy bezopasnosti mezhdru SSSR i SShA [Images of the "destructive force" of nuclear weapons in the context of the nuclear security regime between the USSR and the USA]. In *Imagologiya Kholodnoy voyny: «Svoi» i «chuzhie» v massovoy kul'ture SSSR i SShA*. (In Russ)

Prosolova, E. V. (2024). Yadernaya ugroza v plakate SSSR i SShA: opyt sravnitel'nogo analiza [The nuclear threat in posters of the USSR and the USA: A comparative analysis]. (In Russ)

Ryabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshkin, A. I., Ryabov, D. O., Ryabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaya, N. Yu., & Yudin, K. A. (2023). «Vrag nomer odin» v simvolicheskoy politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoy voyny [«Enemy number one» in the symbolic politics of USSR and USA cinematography during the Cold War]. Aspekt Press. (In Russ)

Ryabova, T. B., & Turkin, I. A. (2024). Simvoly kholodnoy voyny v sovremennoy politicheskoy ritorike: opyt izucheniya SMI Rossii i SShA metodami analiza bol'shikh ob"emov informatsii [Cold War symbols in contemporary political rhetoric: A study of Russian and US media using big data analysis methods]. In *Imagologiya Kholodnoy voyny: «Svoi» i «chuzhie» v massovoy kul'ture SSSR i SShA* (pp. 185–193). (In Russ)

Trenin, D., Avakyan, S., & Karaganov, S. (2024). *Ot sderzhivaniya k ustrasheniyu* [From deterrence to intimidation]. Molodaya gvardiya. (In Russ)

Для цитирования: Туркин, И. А. Символ «ядерная война» в современных СМИ России и США: сравнительный анализ / И. А. Туркин // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 87–100. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-87-100.

СТАТЬИ

М.Е. Родионова

M. Rodionova

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ ДЕМОКРАТИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО ПОСТОЯНСТВА: ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЫ (2022–2025)

ELECTORAL PROCESSES AS A MECHANISM FOR THE ADAPTATION OF DEMOCRACIES UNDER CONDITIONS OF PERMANENT CRISIS: THE EXPERIENCE OF EUROPEAN COUNTRIES (2022–2025)

Аннотация

Статья посвящена анализу электоральных процессов как ключевого механизма адаптации демократических политических систем в условиях перманентных кризисов. В фокусе исследования – электоральные циклы в странах Западной и Центральной Европы в 2022–2025 гг., протекавшие на фоне экономических, энергетических и геополитических потрясений. Цель работы – выявить, каким образом выборы выполняют функцию институциональной перенастройки, перераспределения доверия и обновления политического представительства в условиях кризисного давления. Методологическую основу составляют неoinституциональный и сравнительный подходы; используются методы сравнительного кейс-анализа, институционального анализа и интерпретации электоральных данных. Эмпирическая база охватывает семь демократий (Франция, Германия, Италия, Испания, Чехия, Словакия, Финляндия), что позволило сравнить различные модели адаптации. В результате выделена типология моделей электоральной адаптации – от институционально устойчивых до волатильно-фрагментированных. Сделан вывод о том, что выборы в современных демократиях выступают не только процедурой легитимации власти, но и механизмом структурной адаптации политических институтов. Полученные данные свидетельствуют: устойчивость демокра-

Abstract

The article analyzes electoral processes as a key mechanism for adapting democratic political systems under conditions of permanent crises. The study focuses on the electoral cycles in Western and Central European countries during 2022–2025, which unfolded against a backdrop of economic, energy, and geopolitical shocks. The aim is to determine how elections function as an institutional readjustment, redistributing public trust and renewing political representation under crisis pressure. The methodology is based on neo-institutional and comparative approaches; methods include comparative case analysis, institutional analysis, and interpretation of electoral data. The empirical base covers seven democracies (France, Germany, Italy, Spain, Czechia, Slovakia, Finland), providing a comparison of different adaptation models. The study identifies a typology of electoral adaptation models ranging from institutionally stable to volatile-fragmented. It concludes that elections in modern democracies serve not only as a procedure of legitimizing power, but also as a mechanism for structural adaptation of political institutions. The findings indicate that the resilience of democracies is determined not by the absence of crises and conflicts, but by the capacity of political institutions to process crisis impulses through electoral procedures while maintaining a bal-

тий определяется не отсутствием кризисов, а способностью политических институтов перерабатывать кризисные импульсы через электоральные процедуры, поддерживая баланс между изменчивыми общественными настроениями и институциональной стабильностью.

ance between shifting public expectations and institutional stability.

Ключевые слова:

электоральные процессы, демократия, политические кризисы, адаптация институтов, Европа, партийные системы, доверие.

Key words:

electoral processes, democracy, political crises, institutional adaptation, Europe, party systems, trust.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-101-115>

Современные демократические политические системы развиваются в условиях так называемого кризисного постоянства, при котором экономические, социальные, институциональные и геополитические вызовы перестают быть временными или экстраординарными и становятся устойчивым фоном политического процесса. Финансово-экономические потрясения, последствия пандемии COVID-19, энергетический кризис, трансформация международной безопасности и ускоренная цифровизация публичной политики кардинально изменили условия функционирования демократии, прежде всего влияя на логику политического участия и механизмы легитимации власти. В этих условиях электоральные процессы приобретают новое качество, выходя за рамки традиционного понимания выборов как процедуры ротации элит и формального выражения народного волеизъявления.

Классические теории демократии и электорального поведения, разработанные во второй половине XX века (Липсет и Роккан, 1967; Sartori, 1976; Duverger, 1954), исходили из относительной стабильности социальных структур, партийных систем и ценностных ориентаций избирателей. Однако в начале XXI века эти предпосылки были существенно подорваны. Рост электоральной волатильности, фрагментация партийных систем, ослабление массовых партий, усиление персонализации политики и медиатизации избирательных кампаний свидетельствуют о трансформации природы электоральной конкуренции (Chadwick, 2017). В условиях затяжных кризисов выборы всё чаще становятся пространством перераспределения общественного доверия, каналом институциональной адаптации и механизмом переосмысления политического представительства.

Несмотря на значительный массив исследований, посвящённых «кризису демократии» и «демократическому дефициту» (Norris, 2011; Mair, 2013) и росту популизма (Norris & Inglehart, 2019; Mudde, 2019), в современной политологической литературе недостаточно изучена системная роль электоральных процессов в адаптации демократии к длительной нестабильности.

Большинство работ сосредоточено либо на анализе отдельных кризисов, либо на изучении конкретных электоральных кейсов, без целостной сравнительной картины того, каким образом выборы функционируют как механизм институциональной перенастройки политических систем. Кроме того, в ряде исследований кризис рассматривается преимущественно как деструктивный фактор, тогда как его потенциальная роль в обновлении институтов и политических практик остаётся на периферии анализа.

Цель исследования – выявить и концептуализировать электоральные процессы как ключевой механизм адаптации демократических систем в условиях кризисного постоянства. Для достижения этой цели решены следующие задачи: проанализированы особенности электоральных циклов в странах Западной и Центральной Европы в 2022–2025 гг.; выявлены институциональные и политические факторы, определяющие различия в реакциях демократий на кризисные вызовы; сформирована типология моделей электоральной адаптации; оценена роль выборов в поддержании легитимности и устойчивости политических систем в период перманентных кризисов.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии сравнительной политологии и теории демократической устойчивости за счёт переосмысления роли выборов как динамичного адаптационного механизма. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных выводов при анализе современных электоральных процессов, прогнозировании политической динамики и подготовке рекомендаций по укреплению демократических институтов в условиях затяжной неопределённости.

Методологическую основу исследования составляет неоинституциональный подход, в рамках которого электоральные процессы рассматриваются как устойчивые, но подверженные изменениям институты, взаимодействующие с социальными, экономическими и политическими контекстами. Такой подход позволяет анализировать выборы не только как совокупность формальных процедур, но и как механизм перераспределения власти, доверия и политических ресурсов в условиях кризисного давления. В теоретическом плане работа опирается также на достижения сравнительной политологии, теории партийных систем и концепции демократической адаптации.

Кризис в данном исследовании трактуется не как краткосрочное отклонение от нормы, а как структурное состояние, задающее новые условия функционирования демократии. Это позволяет избежать сведения анализа к отдельным шокам и рассматривать электоральные процессы в логике накопленных эффектов кризисного воздействия. Выборы интерпретируются как ключевой канал, через который политические системы реагируют на кризисы, корректируют институциональные настройки и воспроизводят легитимность власти.

Эмпирическая основа исследования – сравнительный кейс-анализ семи европейских стран: Франции, Федеративной Республики Германия, Ита-

лии, Испании, Чехии, Словакии и Финляндии. Такой набор кейсов охватывает различные типы демократических моделей – от институционально устойчивых до более волатильных и фрагментированных. Критериями отбора стран послужили тип политического режима, особенности партийной системы, уровень институционального доверия, а также различия в реакции на экономические и социальные кризисы.

В ходе исследования применены ряд методов: сравнительный анализ, позволивший выявить общие и специфические черты электоральной адаптации в различных странах; институциональный анализ, направленный на изучение избирательных систем, правил политической конкуренции и механизмов формирования коалиций; анализ электоральных циклов, включающий сопоставление результатов выборов, динамики партийной поддержки и изменений политической повестки в период 2022–2025 гг.; качественный анализ политического контекста, учитывающий влияние кризисных факторов на стратегии политических акторов и поведение избирателей.

Комплексное использование указанных подходов и методов обеспечило системный анализ электоральных процессов как инструмента адаптации демократических политических систем и позволило сделать обоснованные сравнительные выводы, релевантные современному этапу развития европейской политики.

Проведённый сравнительный анализ электоральных циклов в странах Западной и Центральной Европы в 2022–2025 гг. выявил значимые различия в характере институциональной адаптации демократии к условиям кризисного постоянства. Полученные данные свидетельствуют, что кризисы не порождают унифицированных политических реакций, а напротив – усиливают институциональную дивергенцию между европейскими демократиями.

Различия в траекториях адаптации объясняются не только «силой» кризисного давления, но и тем, как избирательные правила переводят кризис в политический результат. В одних случаях институциональный дизайн формирует барьеры для радикалов и «вынужденные» коалиции, в других повышает вместимость системы и облегчает сборку большинства, а иногда закрепляет устойчивый блок через коалиционные бонусы. Эти эффекты связки «кризис → институт → результат» сведены в таблице №1.

Таблица №1 – Эффекты избирательных систем: кризис → институт → результат

Страна	Тип кризиса (экономика, миграция, безопасность, энергия)	Институциональный дизайн	Политический эффект
Франция	Экономические и миграционные кризисы; безопасность	Двухтуровая мажоритарная система (парламент/президент)	Барьеры против радикалов → искусственные коалиции, фрагментация, caretaker-режимы
Германия	Энергетический кризис, инфляция, война в Украине	Персонализированная пропорционалка (MMP)	Высокая «вместимость» системы → формирование «большой коалиции» как стабилизатора
Италия	Миграция, инфляция, энергетика, кризис ЕС	Пропорциональная система с бонусами для коалиции (закон Росато)	Институционализация правоконсервативной гегемонии (FdI, Лига, FI) → устойчивый блок
Испания	Экономика, жилье, региональные кризисы (Каталония), миграция	Пропорциональная система (d'Hondt, многомандатные округа)	Отсутствие «жесткого большинства» → постэлекторальные многоузловые коалиции вокруг PSOE и региональных партий
Словакия	Пандемия COVID-19, энергетика, война в Украине	Пропорциональная система в едином национальном округе	Быстрый перенос электоральных сигналов в парламент → резкие курсоповороты и смена курса
Финляндия	Энергетика, безопасность, НАТО, инфляция	Пропорциональная система (PR) + культура коалиционного консенсуса	Демпфирование «пульсаций» → устойчивые коалиции, институционализация консенсуса

В странах Западной Европы – прежде всего во Франции и Федеративной Республике Германия – электоральные процессы продемонстрировали высокую степень институциональной устойчивости. Несмотря на усиление кризисной повестки (экономическая инфляция, энергетическая безопасность, социальная напряжённость), базовые правила политической конкуренции и избирательные процедуры сохраняли предсказуемость и легитимность. Выборы в этих странах выполняли функцию перераспределения политической повестки и обновления лидерства без системных сбоев партийной конкуренции. Электоральная динамика характеризовалась умеренной

волатильностью, а кризисные темы интегрировались в существующие программные и коалиционные рамки. Например, во Франции широкая мобилизация левых сил сдержала успех ультраправых, не позволив им конвертировать протестные настроения в институциональный контроль¹. В Германии, несмотря на уличную поляризацию, радикальная партия AfD остаётся изолированной от власти благодаря усилиям мейнстрима (Heinze, 2022). Такая стратегия «санитарного кордона» подтверждает стабильность немецких институтов даже при росте протестных настроений².

Чтобы показать, что кризисное давление в этих странах имеет измеримые фискальные и экономические параметры (дефицит, долг, доходности облигаций, масштаб субсидий), целесообразно дать сопоставимый фон по ключевым индикаторам. Сводные различия между Францией, Италией и Германией по показателям 2024–2025 гг. представлены в таблице №2.

Таблица №2 – Различия между странами (приведены ключевые показатели за 2024–2025 гг.)

Показатель	Франция (2024–2025)	Италия (2024–2025)	Германия (2024–2025)
Бюджетный дефицит (% ВВП)	≈ 5,8 % → 6,1 %	≈ 4,3 % → 2,8 % (план)	≈ 0 % (долгий "долг тормоз")
Госдолг (% ВВП)	≈ 113 %, растёт до ≈ 118 %	≈ 140 % (в том числе бывший 155%)	≈ 60 %
Доходности 10Y облигаций	> 3 %, почти сравнялись с Италией	Снизилась благодаря фискальной дисциплине	Структурно ниже (AAA)
Энергетические субсидии	Значимые (€4 млрд/мес, декабрь 2022)	Реформа «супербонуса» завершена	Баланс избежания резкого роста

В Италии и Испании кризисы привели к иной траектории адаптации. Здесь наблюдались усиление фрагментации партийных систем и усложнение коалиционных конфигураций, однако без подрыва базовых демократических институтов. Электоральные процессы выступали механизмом институциональной перенастройки, перераспределяя ответственность между политиче-

¹ Toussaint, E. (2024, July 10). France: Thanks to a massive mobilization of the Left the Far Right cannot (prevail). CADTM. <https://www.cadtm.org/France-Thanks-to-a-massive-mobilization-of-the-Left-the-Far-Right-cannot>.

² Bernardi, G., & Audibert, N. (2025, February 17). Germany's political polarization spills into the streets ahead of federal elections. ACLED Insight. <https://acleddata.com/report/germanys-political-polarization-spills-streets-ahead-federal-elections/>.

скими акторами и корректируя баланс представительства. Зафиксирован рост электоральной волатильности и сокращение продолжительности политических циклов, что указывает на более высокую чувствительность этих систем к кризисному контексту. В Испании досрочные выборы в июле 2023 года завершились крайне раздробленным парламентом (ни одна партия не получила и трети мандатов), что потребовало сложных переговоров о коалиции¹. Тем не менее, институциональные правила обеспечили преемственность власти и предотвратили управленческий вакуум. В Италии кризис доверия проявился в рекордно низкой явке на выборах в Европарламент 2024 года, отражая усталость общества, но смена правительства 2022 года прошла в рамках конституционного процесса (Fella, 2022; Emanuele & Garzia, 2025). Коалиционная динамика (например, приход к власти правоконсервативного блока Дж. Мелони) продемонстрировала гибкость системы без эрозии демократических процедур.

В испанском кейсе ключевым механизмом адаптации выступила коалиционная инженерия инвеституры, где устойчивость обеспечивалась не «жёстким большинством», а многоузловым соглашением нескольких акторов. Расклад сил, позволивший собрать минимально необходимое большинство (178 мест), и вклад каждого компонента коалиции показаны в таблице №3.

Таблица №3 – Коалиционная формула инвеституры П. Санчеса (2023)

Блок	Места
PSOE	121
Sumar	31
ERC	7
Junts	7
PNV	5
Bildu	6
CC	1
Итого	178

Для стран Центральной Европы – Чехии и Словакии – характерна повышенная электоральная турбулентность. Результаты выборов 2020-2023 гг. демонстрировали резкие колебания поддержки партий, частую смену коалиций и усиление роли краткосрочных мобилизаций. Кризисные нарративы

¹ Alonso Sáenz de Oger, S., & Field, B. N. (2023, July 27). Peripheral parties hold the key in the aftermath of the Spanish elections. The Loop (ECPR). <https://theloop.ecpr.eu/peripheral-parties-hold-the-key-in-the-aftermath-of-the-spanish-elections/>.

здесь чаще трансформировались в протестное голосование и персонализированную конкуренцию, снижая предсказуемость исходов и осложняя процесс институциональной стабилизации. Например, в Чехии и Словакии риторика вокруг войны в Украине активно использовалась популистами для критики правящих элит¹. В Словакии череда кризисов подорвала доверие к правительству: отставка премьер-министра на фоне всплеска COVID-19 и коалиционного раскола в марте 2021 г. зафиксировала нестабильность управления. На досрочных выборах 2023 года оппозиционная партия SMER-SD во главе с Р. Фицо одержала победу на волне социального недовольства (Haughton et al., 2025). Эти события подтверждают, что в Центральной Европе политические кризисы непосредственно конвертируются в электоральные «повороты» и смену правящих коалиций.

На уровне сравнения это означает, что у разных демократий различаются не только реакции на кризисы, но и «рычаги», через которые система удерживает управляемость, а также типовые институциональные уязвимости (фрагментация, износ центра, хрупкость многоузловых соглашений, резкие курсоповороты). Сопоставление ключевых рычагов власти и соответствующих рисков по странам исследования приведено в таблице №4.

Таблица №4 – Рычаги власти и институциональные риски в Европе

Страна	Ключевой рычаг власти	Риск
Франция	Анти-радикальные коалиции 2-го тура	Затяжные caretaker-режимы и фрагментация
Германия	Переваривание расколов через «большие коалиции»	Износ центра из-за «зеленого раскола»
Италия	Правоконсервативная гегемония (FdI-ядро)	Перегрузка повестки миграцией/ценами
Испания	Постэлекторальная коалиционная инженерия	Хрупкость многоузловых соглашений
Чехия	Баланс SPOLU vs ANO при кордоне к радикалам	Персонализация и медийная асимметрия
Словакия	Быстрая трансляция сигналов в кабинет (PR+единый округ)	Резкие курсоповороты и зависимость от лидеров
Финляндия	Консенсусная коалиционная культура	Медленная реакция на «шоковые» темы

¹ Havlík, V., & Kluknavská, A. (2023, May 15). Our people first (again)! The impact of the Russia-Ukraine War on the populist radical right in the Czech Republic. European Center for Populism Studies. <https://www.populismstudies.org/our-people-first-again-the-impact-of-the-russia-ukraine-war-on-the-populist-radical-right-in-the-czech-republic/>.

Финляндия представляет особый эмпирический случай, выделяющийся среди рассмотренных стран. Результаты исследования показали, что даже под кризисным давлением финская электоральная система сохраняет высокий уровень институционального доверия и консенсусной политической культуры. Изменения в электоральном поведении носили эволюционный характер: кризисы не приводили к резким сдвигам в партийной структуре или подрыву легитимности выборов. Этот кейс подтверждает значимость институционального доверия и социального капитала как факторов адаптивной устойчивости демократии. Так, парламентские выборы 2023 года в Финляндии продемонстрировали высокую явку и гибкое коалиционное формирование, несмотря на общественные дебаты о безопасности и экономике (Wass et al., 2024). Финский опыт консенсуса показывает, что высокий уровень доверия снижает зависимость электорального процесса от краткосрочных кризисных факторов, обеспечивая более плавную адаптацию политической системы (Jakobson & Peltoniemi, 2024).

В целом результаты исследования позволяют выделить несколько моделей электоральной адаптации: институционально устойчивую, перенастраивающуюся, волатильно-турбулентную и консенсусно-адаптивную. Эти модели отражают различные способы, посредством которых демократические системы перерабатывают кризисные импульсы через выборные механизмы, подтверждая ключевую роль выборов в поддержании функциональной устойчивости режимов. В Таблице 5 представлена типология выявленных моделей электоральной адаптации демократий.

Таблица №5 – Типология моделей электоральной адаптации демократий

Модель адаптации	Страны	Ключевые признаки	Электоральный эффект
Институционально устойчивая	ФРГ, Франция	Стабильные правила, высокий уровень доверия, ограниченная волатильность	Интеграция кризисной повестки без ломки институтов
Перенастраивающаяся	Италия, Испания	Динамичные коалиции, фрагментация партийной системы	Обновление баланса представительства, смена политической повестки
Волатильно-турбулентная	Чехия, Словакия	Низкое доверие, частая смена коалиций, протестные настроения	Политическая турбулентность, непредсказуемые исходы выборов
Консенсусно-адаптивная	Финляндия	Высокое доверие, политический консенсус элит	Эволюционные изменения, плавная адаптация без кризисных срывов

Полученные результаты соотносятся с современными теориями демократической устойчивости и институциональной адаптации, дополняя их эмпирическим подтверждением тезиса о выборах как механизме политического обучения и структурной перенастройки демократических систем. В отличие от подходов, рассматривающих кризисы преимущественно как угрозу демократическому порядку, наши данные демонстрируют более сложную картину, в которой кризис выступает не только дестабилизирующим фактором, но и фактором трансформации. Это соответствует выводам о потенциальном «обучающем» эффекте кризисов для политических систем (Norris, 2011; Mair, 2013). Таким образом, устойчивость демократий в условиях кризисного постоянства определяется не отсутствием политических конфликтов, а способностью институтов перерабатывать конфликт через электоральные процедуры (Norris, 2011, с. 15). В этом контексте выборы выполняют функцию институционального фильтра, позволяющего трансформировать социальное недовольство в легитимные формы политического участия.

Сопоставление наших эмпирических выводов с работами П. Норрис, П. Маира и Ф. Шарпфа подтверждает: высокая институциональная устойчивость не означает отсутствие кризисов, но предполагает умение системы адаптироваться к ним (Norris & Inglehart, 2019). Наше исследование уточняет представление о вариативности демократической адаптации. Показано, что высокая электоральная волатильность не обязательно свидетельствует о «крахе демократии» – она может отражать фазу институциональной перенастройки, характерную для систем с менее устойчивыми партийными структурами. Одновременно стабильность западноевропейских демократий подчёркивает значимость исторически сложившихся институтов, партийных систем и доверия как буферов кризисного воздействия (Bartolini & Mair, 1990; Lipset & Rokkan, 1967).

Отдельного внимания заслуживает финский кейс, расширяющий теоретическое понимание консенсусных моделей демократии. Полученные результаты позволяют предположить, что высокий уровень социального доверия и культуры компромисса снижает зависимость электоральных процессов от краткосрочных шоков, обеспечивая более плавную адаптацию системы. Этот вывод созвучен идеям о роли «гражданской культуры» в устойчивости демократии (Almond & Verba, 1963).

Важно отметить, что эволюция электоральной практики в Европе сопровождается технологическими сдвигами. Цифровизация избирательных кампаний изменила правила игры: успех определяется скоростью реакции и охватом в социальных сетях, а не масштабом традиционной агитации. Например, в Словакии наблюдался переход от офлайн-митингов к гибридным и затем преимущественно цифровым стратегиям ведения кампаний. На Рисунке 3 визуализированы три этапа эволюции электоральных технологий в Словакии (2020, 2023 и 2025 гг.), демонстрирующие переход от класси-

ческих митингов к полной дигитализации политической коммуникации. В 2020 году движение OĽaNO победило на антикоррупционной волне, активно используя и YouTube для мобилизации, тогда как к 2025 году социальные сети окончательно превратились в основную арену политической борьбы (таргетированная реклама, микро-месседжи, персонализация повестки и пр.).

Рисунок 3. Эволюция электоральных технологий в Словакии (2020–2025)

Рисунок иллюстрирует переход от офлайн-кампаний к гибридным стратегиям (2023 г.) и полной цифровизации предвыборной борьбы к 2025 году. Соцсети, таргетинг, персонализация и антивоенная риторика стали ключевыми инструментами политической коммуникации.

Одновременно, цифровая среда несёт и риски для демократического процесса: фиксировались вбросы дезинформации по вопросам вакцинации и войны в Украине, нацеленные на подрыв доверия к кандидатам. В ответ европейские институты начали вводить меры для обеспечения прозрачности онлайн-агитации и защиты целостности выборов. В частности, в 2023-2024 гг. были приняты новые правила ЕС по политической рекламе в интернете, направленные на ограничение скрытого таргетинга избирателей (Quaritsch, 2024). Крупные технологические компании также вынуждены адаптироваться: так, компания Google объявила о прекращении политической рекламы в

странах ЕС в преддверии выборов 2024 года¹. Эти шаги свидетельствуют, что адаптация демократий к кризисам носит не только политический, но и технологический характер, требуя обновления регулятивных подходов.

Показательно, что выборы становятся ареной борьбы не только за власть, но и за стратегический курс развития. На рисунке 4 представлена хронологическая связь между избирательными циклами и технологиями кампаний в Словакии (2020-2024 гг.). Из диаграммы видно, что каждая избирательная кампания сопровождалась внедрением новых коммуникационных форматов и отражала содержательный конфликт эпохи. В 2020 г. победа OĽaNO была обусловлена антикоррупционным протестом, усиленным прямыми эфирами в социальных сетях; в 2023 г. возвращение SMER-SD к власти произошло на волне социально-патерналистской риторики и активности в TikTok; в 2024 г. президентские выборы приняли характер «референдума» по внешнеполитическому курсу, где П. Пеллегрини одержал верх с использованием образа лидера, обещающего сдержанность и мир. Таким образом, цифровизация кампаний и череда кризисов (COVID-19, энергетика, война) последовательно перестраивали электоральное поле. Итогом стало то, что голосование всё более отражает не только борьбу за власть, но и выбор стратегий адаптации в условиях внешних и внутренних вызовов.

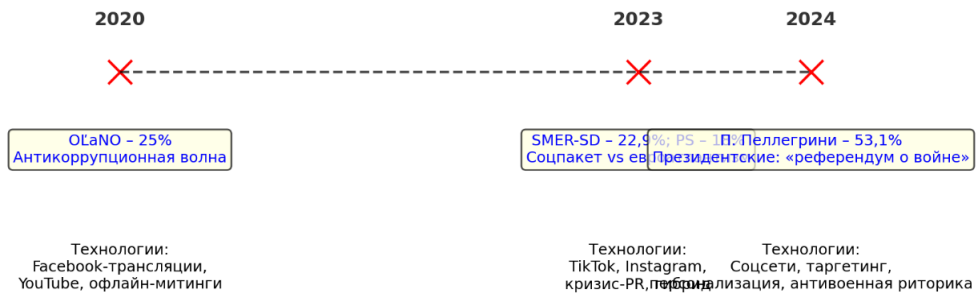

Рисунок 4. Timeline: выборы и электоральные технологии в Словакии (2020–2024)

На шкале времени показаны ключевые избирательные кампании и используемые технологии: 2020 г. – антикоррупционная мобилизация (OĽaNO, 25%) с опорой на YouTube и офлайн-митинги; 2023 г. – победа SMER-SD (22,9%) на фоне социально-экономического кризиса, кампания в гибридном формате с TikTok, кризисным PR; 2024 г. – избрание президента П. Пеллегрини (53,1% во 2-м туре) при рекордной явке, кампания акцентировала

¹ The Verge. (2024, November 14). Google says it will stop serving political ads in the EU. <https://www.theverge.com/2024/11/14/24296510/google-dropping-political-ads-in-the-eu-ttpa>.

внешнеполитическую сдержанность, использованы соцсети, таргетинг, персонализация.

Наши выводы расширяют аналитический потенциал сравнительной политологии применительно к демократическим кризисам. Выборы предстают не статичным институтом, а динамичным механизмом, обеспечивающим баланс между изменчивостью общественных ожиданий и институциональной стабильностью. Этот вывод задаёт направления для дальнейших исследований, ориентированных на выявление долгосрочных эффектов кризисного постоянства на демократическое управление. В частности, представляет интерес углубленный анализ влияния цифровых технологий на качество демократического процесса, а также сравнение с демократическими системами за пределами Европы, переживающими сходные вызовы. Продолжение исследований в этих направлениях позволит уточнить универсальность выявленных моделей и глубже понять механизмы адаптации демократии в XXI веке.

Электоральные процессы в условиях кризисного постоянства становятся ключевым каналом адаптации демократий. Их роль выходит за рамки формальной легитимации власти, включая функции стабилизации и трансформации политических институтов.

Проведённое исследование позволило комплексно проанализировать выборы как механизм адаптации демократических политических систем в европейских странах в 2022-2025 гг. Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о том, что устойчивость современных демократий определяется не отсутствием кризисов и конфликтов, а способностью политических институтов перерабатывать кризисные импульсы через электоральные процедуры, поддерживая баланс между изменчивыми общественными настроениями и институциональной стабильностью.

Электоральные процессы в условиях затяжной нестабильности перестают быть исключительно инструментом периодической легитимации власти и превращаются в многофункциональный механизм институциональной перенастройки. Выборы выполняют одновременно несколько взаимосвязанных функций: канализацию социального недовольства, обновление политических элит, перераспределение повестки и коррекцию форм представительства. Тем самым электоральные циклы становятся центральным элементом адаптивной архитектуры демократии.

Сравнительный анализ показал выраженную дифференциацию моделей электоральной адаптации. Институционально устойчивые демократии Западной Европы интегрируют кризисные вызовы в существующие рамки конкуренции без разрушения базовых правил, тогда как в Центральной Европе кризисы чаще приводят к электоральной турбулентности, росту волатильности и нестабильности коалиций. Финляндия продемонстрировала консенсусно-адаптивную модель с высоким уровнем институционального доверия, что снижает дестабилизирующий потенциал кризисов.

На теоретическом уровне исследование вносит вклад в переосмысление природы выборов как динамичного адаптационного механизма. Кризис выступает не только угрозой демократическому порядку, но и структурным фактором, стимулирующим обновление политических практик и форм представительства. Это расширяет традиционные подходы, где кризис и демократическая нестабильность зачастую отождествлялись. Практическая значимость выводов состоит в их использовании при анализе и прогнозировании электоральной динамики, а также в разработке мер по укреплению демократических институтов в условиях затяжной неопределённости. Результаты указывают на важность поддержания институционального доверия, прозрачности избирательных процедур и способности политических акторов к адаптивной коммуникации с обществом.

Исследование, конечно, имеет ограничения. Во-первых, анализ охватывает ограниченный период, что не позволяет в полной мере оценить долгосрочные эффекты постоянных кризисов. Во-вторых, основной акцент сделан на качественном сравнительном анализе; будущие работы могли бы дополнить его количественными моделями и панельными данными. Перспективными направлениями представляются дальнейшее изучение цифровизации электоральных кампаний, долгосрочной трансформации партийных систем, а также расширение сравнительной базы за счёт включения неевропейских демократий. Это поможет уточнить универсальность выявленных моделей и углубить понимание механизмов адаптации демократии в XXI в.

References

- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton University Press.
- Bartolini, S., & Mair, P. (1990). *Identity, competition, and electoral availability: The stabilisation of European electorates, 1885–1985*. Cambridge University Press.
- Chadwick, A. (2017). *The hybrid media system: Politics and power* (2nd ed.). Oxford University Press.
- Duverger, M. (1954). *Political parties: Their organization and activity in the modern state*. Methuen.
- Emanuele, V., & Garzia, D. (2025). Meloni's party wins in a record-high abstention election: The 2024 European Parliament election in Italy. *Contemporary Italian Politics*, 17(2), 145–163. <https://doi.org/10.1080/23248823.2025.2470534>
- Fella, S. (2022, December 8). *Italy: 2022 general election and new government* (House of Commons Library Briefing Paper No. 9629). UK House of Commons Library. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9629/CBP-9629.pdf>
- Habermas, J. (1991). *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. MIT Press.
- Haughton, T., Cutts, D., & Rybář, M. (2025). A narrow path to victory: Robert Fico, Smer-SD, and the 2023 elections in Slovakia. *East European Politics and Societies*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/08883254251324191>
- Heinze, A. S. (2022). Dealing with the populist radical right in parliament: Mainstream party responses toward the Alternative for Germany. *European Political Science Review*, 14(3), 333–350. <https://doi.org/10.1017/S1755773922000108>
- Inglehart, R. F., & Norris, P. (2016). *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash* (HKS Working Paper No. RWP16-026). Harvard

- Kennedy School. <https://www.hks.harvard.edu/publications/trump-brexit-and-rise-populism-economic-have-nots-and-cultural-backlash>
- Jakobson, M.-L., & Peltoniemi, J. (2024). In the shadow of global polycrisis: Consensus and polarization in the 2023 Estonian and Finnish parliamentary elections. *Journal of Common Market Studies*, 62(S1), 201–216. <https://doi.org/10.1111/jcms.13668>
- Kriesi, H., Grande, E., Lachat, R., Dolezal, M., Bornschier, S., & Frey, T. (2008). *West European politics in the age of globalization*. Cambridge University Press.
- Lipset, S. M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party systems, and voter alignments. In S. M. Lipset & S. Rokkan (Eds.), *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* (pp. 1–64). Free Press.
- Mair, P. (2013). *Ruling the void: The hollowing of Western democracy*. Verso.
- Mudde, C. (2019). *The far right today*. Polity Press.
- Norris, P. (2011). *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge University Press.
- Norris, P., & Inglehart, R. (2019). *Cultural backlash: Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge University Press.
- Pasquino, G. (2007). Parliament and government in the Italian Republic. *Rivista Italiana di Scienza Politica*, 37(1), 3–24. <https://doi.org/10.1426/24294>
- Quaritsch, L. (2024, June 4). *Political advertising in the 2024 European elections: Between Europeanisation and the protection of electoral integrity online* (Jacques Delors Centre Policy Paper). Jacques Delors Centre. <https://www.delorscentre.eu/en/publications/detail/publication/political-advertising-in-the-2024-european-elections>
- Skovikov, A. K., & Shumilov, A. V. (2008). Liberal-conservative trends in the regional electoral process (on the example of the Chuvash Republic). Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. (In Russ).
- Wass, H., Tukiainen, J., Ylisalo, J., Nieminen, J., Hirvonen, S., & Isotalo, V. (2024). Partisan politics in Finland. *CESifo Economic Studies*, 70(2), 99–124. <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifae018>

Для цитирования: Родионова, М. Е. Электоральные процессы как механизм адаптации демократий в условиях кризисного постоянства: опыт стран Европы (2022–2025) / М. Е. Родионова // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 101–115. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-101-115.

**М.А. Бурда,
Е.Р. Фролов**

**M. Burda,
E. Frolov**

**РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ
В ДЕСЯТЫЙ СОЗЫВ
ЕВРОПАРЛАМЕНТА КАК
ТРЕНД УСИЛЕНИЯ
ПОЗИЦИЙ ПРАВЫХ
АНТИГЛОБАЛИСТОВ**

**THE RESULTS OF THE
ELECTIONS TO THE TENTH
CONVOCATION OF THE
EUROPEAN PARLIAMENT
AS A TREND OF
STRENGTHENING THE
POSITIONS OF RIGHT-
WING ANTI-GLOBALISTS**

Аннотация

Проанализированы результаты евроскептических партий на выборах в десятый созыв Европейского Парламента, их идеологические установки и образование новых антиглобалистских коалиций. Было отмечено, что Венгрия и премьер – министр Виктор Орбан стоят в авангарде электорального поворота вправо. Десятый созыв Европарламента стал толчком для популярности евроскептических взглядов в Европе. На этом фоне правые партии представлены в трех коалициях: «Европейские консерваторы и реформисты», которые давно являются одной из самых популярных правых объединений в рамках ЕС, «Патриоты за Европу» во главе с Виктором Орбаном, которые заменили коалицию «Идентичность и демократия» и «Европа суверенных наций», созданная по инициативе немецкой «Альтернативы для Германии». При этом коалиции не сходятся в некоторых ключевых вопросах, особенно в отношении к России и проводимой политики Евросоюза. В данных условиях Виктор Орбан и его новая коалиция стремятся стать основным игроком на политической арене, представляющим антиглобалистские настроения. Антиглобализм продолжает сохранять свою актуальность в политической повестке право-консервативных политических партий Европы как реакция на процессы общеевропейской политической глобализации и общественного запроса существенной части европейского общества в первую очередь в мононациональных государствах, рассматривающих консервативную парадигму ан-

Abstract

The article analyzes the results of Eurosceptic parties in the elections to the tenth convocation of the European Parliament, their ideological attitudes and the formation of new anti-globalist coalitions. It was noted that Hungary and Prime Minister Viktor Orban are at the forefront of the electoral turn to the right. The tenth convocation of the European Parliament was the impetus for the popularity of Eurosceptic views in Europe. Against this background, right-wing parties are represented in three coalitions: "European Conservatives and Reformists", which have long been one of the most popular right-wing associations within the EU, "Patriots for Europe" led by Viktor Orban, which replaced the coalition "Identity and Democracy" and "Europe of Sovereign Nations", created on the initiative of the German "Alternatives for Germany". At the same time, the coalitions do not agree on some key issues, especially in relation to Russia and the ongoing policy of the European Union. In these circumstances, Viktor Orban and his new coalition are striving to become the main player representing anti-globalist sentiments. Anti-globalism continues to remain relevant on the political agenda of right-wing conservative political parties in Europe as a reaction to the processes of pan-European political globalization and the public demand of a significant part of European society, primarily in mono-national states that consider the conservative paradigm of anti-globalism as a mechanism for protecting national identity and the traditional system of Christian values.

тиглобализма как механизм защиты национальной идентичности и традиционной системы христианских ценностей.

Ключевые слова:

Евросоюз, антиглобализм, евроскептицизм, миграционный кризис, европейские правые, выборы в Европарламент.

Key words:

European Union, anti-globalism, euro-scepticism, migration crisis, European right, elections to the European Parliament.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-116-130>

Процессы, происходящие в Евросоюзе и в мире, напрямую связаны с такими понятиями как «антиглобализм» и «глобализм». Идеи антиглобализма стремительно набирают популярность в Европе. Антиглобализм находит выражение в политических программах евроскептических партий. Особенно это ярко прослеживается в политической риторике партии Виктора Орбана «Фидес», которая активно выступает по наиболее актуальным вопросам и проблемам Евросоюза. Несмотря на разногласия между политическими программами евроскептиков, они имеют общие пункты. К таким относятся: миграционный кризис, изменения климата, излишняя бюрократизация и т.д.

Проблема нелегальной миграции на протяжении длительного времени использовалась евроскептическими партиями для приобретения политического капитала. Со временем миграционный кризис стал мейнстримной повесткой не только в среде правых консерваторов, но и среди мейнстримных политиков. К примеру, президент Франции Эммануэль Макрон, после серии терактов в стране, сменил риторику и выдвинул ряд инициатив, направленных на урегулирование проблем в сфере миграции (Семенова, 2024).

Исходя из вышеуказанных проблем, риторика европейских консерваторов сегодня как никогда является актуальной, поэтому консерваторы набирают все большую популярность во многих странах Европейского Союза. Используя антиглобалистскую риторику, правые партии получают голоса от электората, недовольного проводимой политикой европейского истеблишмента. В 2023 году Европейские СМИ фиксировали увеличение популярности партий консервативного толка. К примеру, The Guardian приводит статистику, что правые партии в Италии, Испании, Франции и Финляндии быстрыми темпами набирали популярность и продвигались в мейнстримную политику, особенно это относится к евроскептическим политикам и партиям¹. Немецкая «Альтернатива для Германии» по опросам в 2023 г.

¹ How Europe's far right is marching steadily into the mainstream (2023). The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2023/jun/30/far-right-on-the-march-europe-growing-taste-for-control-and-order>

стала второй по популярности партией в стране, обогнав партию социал-демократов. Испанская «Vox» в том же году удвоила региональные и местные голоса. Такая же тенденция наблюдается во Франции, Финляндии, Швеции, Австрии и Нидерландах. В итоге выборы в десятый созыв Европарламента подтвердили рост популярности евроскептических партий по всей Европе.

Из вышесказанного следует, что основные цели и задачи данной работы заключаются в обзоре евроскептических коалиций 10 созыва Европейского Парламента, а также в анализе антиглобалистской риторики премьер-министра Венгрии Виктора Орбана и партии «Фидес».

В работе был использован компаративный метод исследования. Он включает сравнение антиглобалистских программ некоторых правоконсервативных партий в ЕС. Также был использован метод мониторинга публикаций европейских и американских СМИ (статьи «The Guardian», «Le Monde» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и т.д.); анализ экспертных мнений и аналитических отчетов (центр европейских политических исследований (CEPS) и статьи Брукингского института). Мониторинг СМИ помог выявить основные идеи и аргументы экспертов относительно антиглобалистских тенденций в Европе, а также оценить влияние этих идей на формирование политической повестки консервативных партий.

Теоретической основой исследования послужили работы таких отечественных авторов, как, Б.П. Гуселетов (Гуселетов, 2023), А.А. Громыко (Громыко, 2021). Принимая во внимание наиболее подробно рассмотренный «венгерский кейс», отдельное место в теоретической базе исследования занимают труды, посвященные современным политическим процессам в Венгерской Республике С.П. Артеева, Ф.Е. Лукьянова, К. Шеппеле (Артеев, 2022; Лукьянов, 2017; Scheppele, 2018).

Евроскептики в новом Европейском парламенте

Прогнозы СМИ и аналитиков были подтверждены итогами выборов в Европарламент 2024 года. Правоконсервативные партии увеличили количество мест в парламенте. Коалиции «Идентичность и демократия» (впоследствии реформирована в «Патриоты за Европу»), «Европа суверенных наций» и «Европейские консерваторы и реформисты» заняли 156 мест.

После успеха евроскептиков на выборах была сформирована новая коалиция. 30 июня 2024 года представители трёх партий (Австрийская партия свободы, венгерской Фидес и чешской АНО) новой фракции «Патриоты за Европу» подписали «Патриотический манифест для европейского будущего». Манифест определил идеологию фракции, которая включает в себя

больший суверенитет стран-членов ЕС, более жесткие меры против нелегальной миграции и пересмотр «Зеленого плана» для Европы. Коалиция представляет обновление «Идентичности и демократии». Помимо партий, которые находились в коалиции Марин Ле Пен в обновленную коалицию, вошли евроскептические партии: «Фламандский интерес» (Бельгия), «Присяга» (Чехия), «Датская народная партия» (Дания), «Национальное объединение» (Франция), «Голос Разума» (Греция), «Христианская демократическая народная партия» (Венгрия), «Лига» (Италия), «Латвия важнее» (Литва), «Партия свободы» (Нидерланды), «Чега» (Португалия) и «Голос» (Испания). В настоящее время Орбан активно ведет переговоры по присоединению новых членов к Патриотам. По итогам выборов коалиция Orbana заняла 84 места в новом созыве.

Стоит подробнее остановиться на идеологии «Патриотов за Европу». Их манифест включает 9 основных пунктов. Коалиция выступает за: сохранение мира в Европе; контроль миграции; суверенитет; зеленый план 2.0; сокращение бюрократии и повышения прозрачности принятия решений в ЕС; оптимизация налогообложения, снижение налогового бремени для среднего класса; защита христианских ценностей и традиционной модели семьи; сохранение европейской культуры и самобытности; поддержка и развитие национальных экономик, защита европейского сельского хозяйства.

В манифесте говорится о переломном моменте в истории Европы. По мнению членов коалиции, некогда мечта европейцев Европейский Союз, повернулся против европейцев и преследует интересы, которые противоречат национальным. Институты Евросоюза отделились от граждан, бюрократизировались и продвигают интересы лобби глобалистов, представителей групп разных интересов, которые планируют заменить нации в Европе. Так же, в манифесте говорится о попытке навязывания Евросоюзом идей, противоречащим национальным. При этом, подписавшие манифест, выступают с позиции антиглобалистов, которые выступают за суверенитет и сохранение идентичности народов Европы¹.

Помимо «Патриотов за Европу», немецкая «Альтернатива для Германии» создала коалицию в Европарламенте «Европа суверенных наций», в которую вошли следующие евроскептические партии: «Возрождение» (Болгария), «Свобода и прямая демократия» (Чехия), «Реконкиста» (Франция), «Наша Родина» (Венгрия), «Союз народа и справедливости» (Литва), «Фо-

¹ A Patriotic Manifesto for a European Future: We will take our institutions and will reorient European policy to serve our Nations (2024). <https://miniszterelnok.hu/en/a-patriotic-manifesto-for-a-european-future-we-will-retake-our-institutions-and-will-reorient-european-policy-to-serve-our-nations/>.

рум за демократию» (Нидерланды), «Новая Надежда» (Польша), «Республиканское движение» (Словакия). Суммарно «Европа суверенных наций» имеет 25 мест в Европейском парламенте. «Европа суверенных наций» является самой маленькой коалицией в Европарламенте.

В отличие от «Патриотов за Европу», коалиция выступает против «Зеленого курса» и за переосмысление отношений с Россией. Томио Окамура, лидер чешской партии «Свободы и Прямой демократии», который был одним из основателей группы, изложил ее цели: «Мы будем бороться против «Зеленого курса», миграции, исламизации Европы, и мы хотим вернуть полномочия из Брюсселя национальным европейским государствам»¹. Стоит отметить, что у коалиции Орбана и «Альтернативы для Германии» схожие цели и взгляды, несмотря на критику друг друга, в вопросах миграционной политики ЕС, что означает их поддержку по некоторым вопросам на площадке Европарламента.

Стоит отметить, что «Альтернатива для Германии» стремительными темпами набирает популярность в местных парламентах в ФРГ. Так, Альтернатива выиграла выборы в местный парламент в Тюрингии. Отделение АдГ в Тюрингии (как и в Саксонии) классифицируется Федеральным ведомством по защите Конституции как правоэкстремистское, за ними будет финальное решение при голосовании. Альтернатива сможет повлиять на назначение премьер-министра Тюрингии, президента ландтага и судей местного Конституционного суда. А Бранденбурге согласно официальным результатам, левоцентристская СДПГ Шольца набрала около 31 процента голосов. Результат демонстрирует глубокую политическую поляризацию: АдГ набрала 29 процентов, заняв второе место в выборах, родного для канцлера Германии, региона (Пичугин, 2024).

Ключевым вопросом, отличающим «Европу суверенных наций» от других евроскептиков, является отношение к России и проведению специальной военной операции. Представители АДГ неоднократно заявляли о прекращении санкционной войны и о прекращении поддержки Украины за счет налогов граждан Евросоюза, так как это вредит не только Германии, но и всему миру.

Наиболее старой правой коалицией является «Европейские консерваторы и реформисты». В новом созыве Европарламента она получила 78 мест. В ее состав входят: «Новый Фламандский альянс» (Бельгия), «Есть такой народ» (Болгария), «Национальный народный фронт» (Кипр), «Гражданская демократическая партия» (Чехия), «Датские демократы» (Дания), «Цен-

¹ Germany's AfD and extremist allies set up second EU parliament far-right group (2024). The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/11/germany-afd-extremist-allies-set-up-second-eu-parliament-far-right-group>.

ристская партия Эстонии» (Эстония), «Партия финнов» (Финляндия), «Консервативное движение» (Франция), «Греческое решение» (Греция), «Братья Италии» (Италия), «Национальная Альянс» и «Объединённый список» (Латвия), «Избирательная акция поляков Литвы – Союз Христианских семей» и «Союз литовских фермеров и зеленых» (Литва), «Партия Демократических реформ» (Люксембург), «Закон и Справедливость» (Польша), «Альянс за союз румын» и «Румынская национально – консервативная партия» (Румыния), «Шведские демократы» (Швеция) (Корчагин, 2024).

Декларация коалиции «Европейские консерваторы и реформисты» (ECR), известная как «Пражская декларация», устанавливает принципы, которым должны следовать её члены. Основные положения декларации включают: свободное предпринимательство, частная торговля и конкуренция, минимальное регулирование бизнеса, низкие налоги и небольшой аппарат правительства — ключевые факторы для обеспечения свободы личности и процветания страны; свобода личности и права человека; устойчивое и экологически чистое энергоснабжение с упором на энергетическую безопасность; важность семьи как основополагающего элемента общества; суверенитет национального государства, противодействие федерализму ЕС и уважение к принципу субсидиарности; значение трансатлантических отношений для безопасности в рамках обновленного НАТО и поддержка молодых демократий в Европе; эффективный контроль за иммиграцией и предотвращение злоупотреблений в процедурах предоставления убежища; эффективная государственная служба, учитывающие потребности фермеров, так и жителей мегаполисов; борьба с расточительством и чрезмерной бюрократией, стремление к большей прозрачности и честности в институтах ЕС; уважение и равное отношение ко всем странам ЕС, независимо от их размера или статуса (Моисеев & Шумилов, 2020).

Изначально члены ECR принадлежали к правоцентристскому и правому крылу политического спектра, придерживаясь экономически либеральных и антифедералистских взглядов, а также избегая жесткой антииммиграционной политики. В последние годы группа стала включать больше националистических и антииммиграционных партий, что усилилось после выхода Великобритании из ЕС, когда Консервативная партия утратила своё представительство в Европарламенте.

Члены ECR обычно поддерживают НАТО и атлантизм, при этом критически относятся к влиянию Китая и России в Европе. В отличие от других партий, ECR открыто поддерживают поставку Украине оружия. На фоне «Патриотов за Европу» и «Европы объединённых наций», ECR является классической правой для Евросоюза партией.

Все вышеперечисленные правые партии выступают за трансформацию Евросоюза. На фоне евроскептиков особенно выделяется партия Фидес в Венгрии, которая, будучи правящей партией проводит антиглобалистскую политику на протяжении долгого времени.

Партия Орбана возглавляет самую большую евроскептическую коалицию в Европейском парламенте, а сам премьер – министр страны один из самых влиятельных антиглобалистов в мире.

Антиглобализм в Венгрии

В. Орбана и его партию можно назвать одними из самых ярких антиглобалистов в мире. Идеология партии «Фидес» – венгерский гражданский союз» сильно отличалась от той, что мы можем наблюдать сегодня. Партия была основана в 1988 году и называлась просто Фидес (Fiat Demokraták Szövetsége, что означает Альянс молодых демократов), первоначально как молодежная, антикоммунистическая партия. Фидес был основан молодыми демократами, в основном студентами, которые подвергались преследованиям со стороны коммунистической партии и были вынуждены собираться в небольшие подпольные группы. Движение стало важной силой во многих областях современной венгерской истории. Она прошла определенный этап эволюции, превратившись из либеральной в консервативную. Этот идеологический скачок произошел на фоне недовольства венгров «радикальным капитализмом» в 1990-х и 2000-х гг., коррупцией, большим гос. долгом и экономической нестабильностью, а также разочарованием политикой Евросоюза. В данной промежуток времени правые венгерские партии (Йоббик и Фидес) поднимали вопрос о выходе Венгрии из ЕС. Они считали, что Союз использует венгров как «дешевую рабочую силу и лишили страну суверенитета». Именно недовольства либеральной политикой привело к власти антиглобалистскую партию Фидес (Лукиянов, 2017).

Нынешний международный имидж В. Орбана начал формироваться после его победы на выборах в 2010 году. Важно отметить, что во время выборов 2010 года политические обещания «Фидес» были сосредоточены на том, чтобы привнести изменения в страну, исправить ошибки либеральных правительств и поставить интересы венгерского народа выше деловых и частных интересов. Программа «Фидес» на парламентских выборах 2010 года называлась «Политика национальных проблем», и в ней подчеркивался национальный интерес, как написал Виктор Орбан в своей программе: «В будущем политика должна служить общим целям и интересам, а не частным цели и интересы. Нам нужно правительство и система управления, которые снова будут ориентироваться на людей и проблемы повседневной жизни». С

этого момента был положен путь на «восстановление суверенитета» не только экономического, но и политического. Это проявляется не только во внутренней политике, но и во внешней, а именно отказа от неолиберальной парадигмы Евросоюза и передачи власти наднациональным структурам (Гильманов, 2022).

Придя к власти, первым делом В. Орбан изменил конституцию Венгрии, основной акцент был сделан на христианских ценностях. 14 страниц поправок изменили полномочия конституционного суда; определили понятие брака (союз мужчины и женщины); ограничение аборт; ограничили политическую рекламу и начали регулировать порядок признания религиозных групп. Они также отменяют решения, принятые конституционным судом до 2012 года.

Одним из факторов успеха партии В. Orbana является ставка на популизм. Специфика венгерского популизма выражается в факторах этнической и культурной идентичности. В. Орбан, в своем национал – популизме, использует имперский проект «Великой Венгрии». Это означает, что Венгрия противопоставляет себя Евросоюзу и открыто использует евроскептический и антиглобалистский дискурс. Особенно активно используется «антимиграционная карта». Также политика, направленная на сохранение венгерской культурной и исторической идентичности, основанная на вере в Бога и направленная на поддержку института семьи, импонирует жителям провинции, живущими традициями. Они являются основой электората премьер-министра.

В своей политике партия Фидес и В. Орбан активно используют риторику, направленную против нелегальной миграции и в целом против миграционной политике ЕС. В период 2014-2015 гг., когда Европейский союз предпринял попытку разработать общую централизованную иммиграционную политику, правительство Фидес начало резко критиковать Европейский союз за желание навязать Венгрии централизованную миграционную политику, унифицировать ее. Критика позиционировалась от имени венгерского народа. В течение этого периода в дружественных правительству газетах, в сообщениях правительства и в своих выступлениях Виктор Орбан позиционировал себя как представитель всего венгерского народа, человек, чья роль заключается в том, чтобы донести мнение всех венгров до Европейского союза.

Таким образом, с одной стороны, можно заметить, что «Фидес» представляет Виктора Orbana и всю Венгерское правительство как выразитель воли всех венгров, а Европейский союза можно определить, как истеблишмент, против которой выступает правительство Фидес. С другой сто-

роны, следует отметить, что элита идентифицируется не только на международном уровне в рамках Европейского союза, но и внутри Венгрии, а именно левого крыла, либеральных партий. Иначе говорят, В. Орбан активно использует антиглобалистскую риторику против ЕС. Она заключается в позиционировании политика Союза как абсолютного зла и причиной всех бед. Как было сказано ранее – антимейнстримная политика (антиглобалистская).

Подробнее стоит остановиться на постулатах, которые использует В. Орбан в своей политике. Так, одним из них является опора на христианскую религию. По мнению исследователей консервативной идеологии, в Венгрии, христианство является идеологической основой для формирования ядра политики. Так церковь и государство состоят в симбиозе. Стоит обратить внимание, что данный принцип описывался первыми европейскими консерваторами, что говорит о идеологической преемственности консервативной идеологии Фидес: «Никто из нас не желает мириться с лицемерием современной политики, которая пренебрегает тем фактом, что христианство является самой преследуемой религией во всем мире» – заявлял В. Орбан¹.

Следующим столпом идеологии Фидес является национализм и политика, направленная против массовой миграции в Венгрию и ЕС. На протяжении всего своего Орбан неоднократно подмечает опасность мигрантов для венгерских граждан. Как пример, он использует опыт Западной Европы, где мусульманские общины играют весомую роль в политике тех государств, где это не регулируется законом. Так, «Венгрии не нужен ни один мигрант, чтобы экономика работала, население обеспечивало себя, или у страны было будущее», – сказал Орбан на совместной пресс-конференции в Будапеште с канцлером Австрии Кристианом Керном. «Вот почему нет необходимости в общей европейской миграционной политике: кто нуждается в мигрантах, может их принимать, но не навязывайте их нам, они нам не нужны», – добавил он².

Из неоднократных высказываний руководителя Венгрии следует, что миграционная политика Фидес существенно отличается от той, которую проводит Евросоюз. В государствах Европы наблюдается отрицательный естественный прирост населения, из-за этого большинство стран сталкиваются с демографическими проблемами. Особенно во Франции, Германии и других государствах Европейского Союза. Следовательно, они привлекают мигрантов в качестве дополнительной рабочей силы и решения вопросов демогра-

¹ Orbán deploys Christianity with a twist to tighten grip in Hungary (2019). The guardian. <https://www.theguardian.com/world/2019/jul/14/viktor-orban-budapest-hungary-christianity-with-a-twist>.

² Премьер Венгрии назвал мигрантов ненужным его стране ядом (2016). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/world/520637>.

фии. В Венгрии разработана модель, направленная на долгосрочное решение указанных выше проблем. Такая модель отличается акцентом на традиционные европейские ценности. Такими ценностями является укрепление института семьи в обществе, повышение эффективности государственной семейной политики и увеличение её финансирования за счет государственного бюджета. Более того, современный венгерский подход к решению демографических проблем значительное внимание уделяет роли религии, о чем было сказано ранее. Также подчеркивает высокую роль и ответственность государства за сохранение венгерской нации.

Исследователи миграционной политики Венгрии выделяют следующие пункты, которые ее характеризуют: 1) миграция имеет транзитный характер, так как через Венгрию идет поток беженцев на Север Европы; 2) правительство Венгрии делает акцент на венгерские общины за рубежом, подчеркивая разобщенность нации; 3) поддержка семей; 4) распространение идеалов венгерской культуры и общеевропейских ценностей.

По социологическим опросам от 2018 год, проводимым американским исследовательским центром Pew Research Center, 72% венгров хотят, чтобы мигрантов было меньше или их вообще не было, и только 2% из них желают, чтобы в страну приезжало больше мигрантов. Почти три четверти респондентов в Венгрии (73%) считают иммигрантов обузой, «потому что они лишают себя работы и социальных льгот», что является вторым по величине показателем среди обследованных стран после Греции (74%) и более чем на 20 процентных пунктов выше, чем в Польше. Лишь небольшая часть венгров (5%, самый низкий показатель среди всех стран – участниц опроса) считает, что мигранты делают страну сильнее. Венгрия – единственная страна (наряду с Польшей), где молодые люди (в возрасте от 18 до 29 лет) наименее склонны считать, что мигранты делают страну сильнее¹.

Еще одним элементом политики В. Орбана, являющимся антиглобалистским, выделяется противопоставление «настоящей Европы» и Евросоюза. Речь идет о общеевропейских ценностях и современных ценностях Евросоюза, которые противопоставляются. Так, в своей речи от 23 июля 2022 года в Тушнадфрюдере, В. Орбан указал на основные проблемы Европы. В целом, ее можно назвать программной. Особое внимание в ней уделяется ценностям западной цивилизации, которая теряет свое могущество: «Моя интерпретация этого феномена заключается в том, что наше настроение пропитано

¹ Young more anti-immigration than old in parts of Europe, polling shows (2024). The guardian. <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2024/may/28/young-more-anti-immigration-than-old-in-parts-of-europe-polling-shows>.

фундаментально западным образом жизни... а сила, эффективность, авторитет и возможности западной цивилизации ослабевают» (Шишелина, 2020).

В этой речи он отсылает слушателя к немецкому философу Освальду Шпенглеру, интерпретируя его идеи в том ключе, что сегодня «новые ценности» западной цивилизации не принимают остальные крупные цивилизации (от китайской до исламской). Под «новыми ценностями» понимается распространение идеологии прав человека по всему миру и унификации культуры. В исламской и китайской цивилизациях вопрос об универсализме прав человека подвергается сильной критике. Особенно это заметно в исламских государствах. Исламские авторы видят в правах человек нарушение норм Корана, это отражено во Всеобщей исламской декларации прав человека от 1981 года.

В своих интервью В. Орбан часто критикует материализм, критикует неолиберальную школу международных отношений, говоря о том, что либерализм сегодня стал врагом свободы. Эта идеология выдвигает «гегемонистические требования к обществу»¹.

Венгрия как лидер антиглобалистов в Евросоюзе

На международной арене риторика В. Орбана находит определённую поддержку среди элит, недовольных проводимой политикой Евросоюза. Как было сказано ранее, В. Орбан возглавил евроскептическую коалицию в новом созыве Европарламента. Помимо этого, на венгерском съезде Conservative Political Action Conference (далее CPAC) премьер-министр Венгрии заявил, что его цель организовать коалицию антиглобалистских сил по всему миру.

В 2024 году CPAC в Венгрии собрал большое количество участников. Мероприятие посетили около пятисот иностранных гостей с шести континентов, и на нем выступили в общей сложности 80 спикеров, в том числе два действующих премьер-министра В. Орбан и И. Кобахидзе, и три бывших премьер-министра, в том числе Т. Эбботт (австралийский политик), М. Мораецкий (бывший премьер-министр Польши) и Я. Янша (бывший премьер-министр Словении), семь министров, десять лидеров политических партий, в том числе Сантьяго Абаскаль (председатель «Vox»), Г. Вилдерс (председатель нидерландской «Партии свободы») и Том ван Грикен (председатель бельгийской партии «Фламандский интерес»), три конгрессмена США (Э. Хар-

¹ «Союз, но без Украины». Премьер Венгрии выдвинул 12 требований к ЕС. О чем в них говорится? (2025). Лента. <https://lenta.ru/news/2025/03/15/soyuz-no-bez-ukrainy-premier-vengrii-vydvynul-12-trebovaniy-k-es-o-chem-v-nih-govoritsya/>

рис, П. Госар, К. Селф). Так же по видеосвязи принял участие Д. Трамп и А. Вентура, основатель правоконсервативной португальской партии Chega.

Говоря о выборах в десятый съезд Европарламента, Орбан отметил: «По всему миру пройдут выборы, и мы должны победить на этих выборах. Эти выборы совпадают с поворотом основных глобальных политических и геополитических тенденций. Мировой порядок меняется, и мы должны добиваться своих целей в разгар этих изменений. Либералы - прогрессивисты чувствуют опасность. Окончание этой эры означает их истечение: конец прогрессивного мирового духа. Поэтому помните: они полны решимости сделать все необходимое, они ни перед чем не остановятся, и они по-прежнему у власти. Они опасные противники, у которых нет моральных угрызений совести»¹. В 2017 году в республике приняли закон, усиливающий контроль за НКО. Суть закона в регулировании и ограничении деятельности неправительственных организаций, получающих финансирование из-за рубежа.

Из вышесказанного следует, что на накопившиеся проблемы в ЕС активно реагирует электорат, поддерживая все больше евроскептические партии по всей Европе. Действительно, такая тенденция была отражена в итоге результатов выборов в десятый съезд в Европарламент и созданию новых правых коалиций.

Риторика СПАС напрямую связана с антиглобализмом. В ее основу легла критика глобализационных процессов (политических и экономических), способствование протекционизму и национализму. В этой связи стоит отметить, что антиглобалистская политика и риторика находит отклик не только среди граждан Венгрии, но и среди политических деятелей других государств. Так, во время президентства Д. Трампа в США, администрация Венгрии и Штатов вели переговоры о создании «антиглобалистских фондов», направленных на поддержку консервативных партий в Европе.

Помимо проведения антиглобалистских конференций, В. Орбан выступал в роли миротворца на международной арене. В отличие от «Европейских консерваторов и реформистов», премьер – министр Венгрии неоднократно высказался против поддержки Украины и за мир в Европе. После выборов в Европарламент с 1 июля председательство в Евросоюзе на полгода перешло к Венгрии. В. Орбан возглавил собственную «миротворческую миссию» по урегулированию конфликта на Украине. В этой роли он посетил Украину, Россию и Китай. Стоит отметить, что премьер – министр поддерживает китайский план по урегулированию конфликта, что идет в разрез с политикой Евросоюза.

¹ Орбан: Сделаем Америку снова великой! Сделаем Европу... (2025). <https://dailynewshungary.com>.

Сегодня перед В. Орбаном стоит несколько задач по укреплению антиглобалистских сил в Европе. Во-первых, стоит обратить внимание на препятствия в рамках развития «Патриотов за Европу». Поражение партии Ле Пен «Национальное объединения» на выборах в Национальное собрание Франции показывает, что без поддержки или, по крайней мере, признания большинства невозможно проводить успешную политику, которая окажет большее влияние в Европе, чем есть сейчас. К этому же относится отстранение Г. Вилдерса от правительства Нидерландов. Фидес и ее идеология может послужить примером для антиглобалистских партий в Евросоюзе.

Для расширения влияния коалиции, В. Орбану необходимо заручиться поддержкой партий из Германии, так как ФРГ является одним из ключевых игроков в Евросоюзе. Влияние «Патриотов за Европу» на Германию возможно через договор с «Альтернативой для Германии» или с «Христианско – демократическим союзом».

Исследование темы антиглобализма в политической риторике европейских консерваторов, основанное на примере Виктора Орбана и его партии Фидес, выявило множество аспектов и нюансов, важных для понимания современной политической обстановки в Европе. В ходе анализа были рассмотрены теоретические и практические аспекты антиглобалистской идеологии, ее влияние на политическую повестку дня и популярность среди консервативных движений.

В. Орбан и его партия «Фидес» активно используют антиглобалистскую риторику, критикуя неолиберальные подходы и подчеркивая важность суверенитета (не только экономического, но и политического и культурного) и национальных интересов. Орбан выступает против миграционной политики ЕС, призывая к защите европейской христианской культуры и противостоянию транснациональным корпорациям и наднациональным элитам (Андреев, 2023). В этом контексте его можно назвать последователем теории реализма Моргантау. Такая позиция нашла отклик среди значительной части населения, недовольной текущей политикой ЕС.

Риторика В. Орбана и других консервативных лидеров привела к росту популярности правых партий в Европе. Примеры таких партий, как «Альтернатива для Германии», «Vox» в Испании и другие, демонстрируют, что антиглобалистская идеология стала значимой частью политической повестки дня и игроком, с которым считаются. Особый интерес наблюдается в контексте успешных результатов выборов в десятый созыв Европарламента.

Таким образом, идеология антиглобализма, представленная в политической риторике В. Орбана, отражает глубокие изменения в европейской политике, вызванная реакцией на процессы глобализации. Рост популярно-

сти правых консервативных партий свидетельствует о значительном влиянии консервативных и право – популистских настроений на общественное мнение и политическую повестку дня. Эти процессы подчеркивают необходимость более внимательного анализа глобальных тенденций и их влияния на национальную политику, что позволит лучше понимать и управлять современными вызовами и угрозами.

Литература

Андреев, Н. Д. (2023). Виктор Орбан: политический консерватизм и антиимигрантская риторика. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 4, 57–67.

Артеев, С. П., Буневич, Д. С., & Сигачев, М. И. (2022). Новый популизм в новой Европе: венгерский и польский примеры в научном дискурсе. *Проблемы постсоветского пространства*, 9(1), 95–108. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-95-108>

Гильманов, В. Х. (2022). Венгрия между двух мечей: «венгерская модель» Виктора Орбана в конфликте между Западом и Россией. *The Scientific Heritage*, 84–3(84), 41–45.

Громыко, А. А. (2021). Субъектность Евросоюза — между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*, 4(104), 10–25. <https://doi.org/10.15211/soveurope420211025>

Гуселетов, Б. П. (2023). Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 г. *Актуальные проблемы Европы*, 4(120), 38–60. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.02>

Корчагин, В. Л. (2024). Условия и причины успеха европейских правых популистских движений на примере политической партии «Истинные финны». *Россия в глобальном мире*, 2, 80–98.

Лукьянов, Ф. Е. (2017). Виктор Орбан: от ультралиберализма к евроскептицизму. Эволюция политического лидера. *Актуальные проблемы Европы*, 3, 12–39.

Моисеев, А. Н., & Шумилов, А. В. (2020). *Мировая политика и международные отношения*. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева.

Пичугин, С. А. (2024). Образ России в новых предвыборных программах партий немецкого Бундестага. *Власть*, 4, 242–248.

Семенова, Е. Н. (2024). Правый поворот: национальные внутривнутриполитические тенденции в Европейском союзе. *Власть*, 4, 248–257.

Шишелина, Л. Н. (2020). Виктор Орбан: 10 лет у штурвала Венгрии. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН, 3(15), 48–54. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320204854>

References

- Andreev, N. D. (2023). Viktor Orban: Political conservatism and anti-migrant rhetoric. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*, (4), 57–67. (In Russ)
- Arteev, S. P., Bunevich, D. S., & Sigachev, M. I. (2022). New populism in the new Europe: Hungarian and Polish examples in scientific discourse. *Problemy Postsovetskogo Prostranstva*, 9(1), 95–108. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-95-108> (In Russ)
- Gilmanov, V. Kh. (2022). Hungary between two swords: The "Hungarian model" of Viktor Orban in the conflict between the West and Russia. *The Scientific Heritage*, 84(3), 41–45. (In Russ)
- Gromyko, A. A. (2021). The subjectivity of the European Union: Between Atlantism and Eurocentrism. *Sovremennaya Evropa*, 4(104), 10–25. <https://doi.org/10.15211/soveurope420211025> (In Russ)
- Guseletov, B. P. (2023). Right-wing radical pan-European parties on the eve of the 2024 European elections. *Aktual'nye Problemy Evropy*, 4(120), 38–60. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.02> (In Russ)
- Korchagin, V. L. (2024). Conditions and reasons for the success of European right-wing populist movements: The case of the political party "True Finns". *Rossiia v Global'nom Mire*, (2), 80–98. (In Russ)
- Lukyanov, F. E. (2017). Viktor Orban: From ultraliberalism to Euroscepticism. The evolution of a political leader. *Aktual'nye Problemy Evropy*, (3), 12–39. (In Russ)
- Moiseev, A. N., & Shumilov, A. V. (2020). *Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World politics and international relations]. Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva. (In Russ)
- Pichugin, S. A. (2024). The image of Russia in the new election programs of the German Bundestag parties. *Vlast'*, (4), 242–248. (In Russ)
- Semenova, E. N. (2024). The right turn: National domestic political trends in the European Union. *Vlast'*, (4), 248–257. (In Russ)
- Shishelina, L. N. (2020). Viktor Orban: 10 let u shturvala Vengrii [Viktor Orban: 10 years at the helm of Hungary]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, 3(15), 48–54. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320204854> (In Russ).

Для цитирования: Бурда, М. А. Результаты выборов в десятый созыв европарламента как тренд усиления позиций правых антиглобалистов / М. А. Бурда, Е. Р. Фролов // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 116–130. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-116-130.

Г.О. Панфилов**G. Panfilov****ЭЛЕКТРОННОЕ
ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ
В РОССИИ: ОЦЕНКА
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ
КЛЮЧЕВЫХ ПРОЕКТОВ****E-PARTICIPATION IN
RUSSIA: EVALUATION OF
THE EFFECTIVENESS OF
KEY PROJECTS****Аннотация**

В статье представлены результаты исследования результативности проектов электронного гражданского участия, реализованных в России. Исследование проведено с применением качественного метода экспертных полуструктурированных интервью с ключевыми акторами (руководителями органов государственной власти и местного самоуправления, общественными активистами, разработчиками и исследователями). На основе экспертных оценок исследовалась результативность таких российских проектов электронного участия как «Платформа обратной связи», «Госпаблики», «Российская общественная инициатива» и других значимых проектов.

Целью исследования является выявление наиболее и наименее результативных проектов электронного гражданского участия в России.

Для сбора данных при проведении исследования был использован метод экспертных интервью в полуструктурированной форме. Для анализа расшифровок интервью был использован контент-анализ частоты упоминания проектов электронного участия, причин их результативности и имеющихся проблем.

Результаты исследования позволили сформировать перечень проектов электронного участия, которые, по мнению экспертов, были наиболее и наименее результативны, а также выявить ряд институциональных барьеров и оперативных проблем, препятствовавших реализации проектов.

Исследование позволило установить, что на текущем этапе развития электронного участия в России ключевую

Abstract

This article presents the results of a study examining the effectiveness of e-participation projects implemented in Russia. The study was conducted using a qualitative method of expert semi-structured interviews with key stakeholders (leaders of state and local government agencies, public activists, developers, and researchers). Based on expert assessments, the effectiveness of Russian e-participation projects such as the Feedback Platform, State publics in social networks, the Russian Public Initiative, and other significant projects was examined.

The aim of the study is to identify the most and least effective e-participation projects in Russia.

Semi-structured expert interviews were used to collect data for the study. A content analysis of the frequency of mentions of e-participation projects, the reasons for their effectiveness, and the challenges they presented was used to analyze the interview transcripts.

The study's results allowed us to compile a list of e-participation projects that, according to experts, were the most and least effective, and to identify a number of institutional barriers and operational issues that hindered project implementation. The study revealed that, at the current stage of e-participation development in Russia, centralized electronic resources created by federal government bodies play a key role, although expert assessments are mixed. At the same time, civil society is demanding expanded institutional capabilities for e-participation, embracing more proactive forms of interaction.

роль играют централизованные электронные ресурсы, созданные федеральными органами государственной власти, оцениваемые экспертами неоднозначно. В то же время со стороны гражданского общества наблюдается запрос на расширение институциональных возможностей электронного участия, подразумевающих более проактивные формы взаимодействия.

Ключевые слова:

электронное участие, электронное управление, электронное правительство, проекты электронного участия, Портал Госуслуг, Платформа обратной связи, Российская общественная инициатива, электронные обращения.

Key words:

e-participation, e-governance, e-government, projects of e-participation, Public Services Portal, Feedback platform, Russian public initiative, e-requests.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-131-150>

Институционализация электронного управления и электронного гражданского участия в современный период сопровождается возникновением новых масштабных вызовов, таких как пандемия COVID-19, глобализационные процессы и осложнение внешнеполитической обстановки (Коньков, 2020; Кротенко, 2022). Данные вызовы стали катализатором как ускоренного внедрения цифровых инструментов взаимодействия между государством и гражданами, таких как ЕПГУ (Belyi, 2021), так и активной суверенизации национального Интернет-пространства (Володенков и Федорченко, 2023). Одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти в цифровой среде в сложившихся условиях стало активное формирование национальных цифровых платформ, предназначенных для различных форм коммуникации граждан с органами власти (Политическая онтология, 2022). Необходимость формирования эффективных механизмов онлайн-взаимодействия между властью и гражданами, обеспечивающих учет общественного мнения, последовательно акцентируется на высшем уровне государственного управления, в том числе в выступлениях Президента Российской Федерации и Председателя Правительства Российской Федерации. Данная установка институционализирована в ряде нормативно-правовых актов различного уровня, от Конституции РФ до нормативных актов федеральных органов государственной власти и межгосударственных стандартов, закрепляющих требования и рекомендации по вовлечению граждан в процессы выработки и принятия управленческих решений.

Современный этап развития электронного участия в России, охватывающий период с 2020 года по настоящее время, характеризуется тенденцией к централизации и институциональному упорядочению системы электронного участия, активным созданием федеральных систем и масштабированием успешных региональных практик на общенациональный уровень (Filatova et al., 2023). В этот период были внедрены такие федеральные централизованные каналы электронного участия, как ПОС (Платформа обратной связи ЕПГУ), обеспечивающая возможность направления обращений в формате «одного окна», официальные аккаунты органов власти в социальных сетях («Госпаблики»), система мониторинга обращений граждан «Инцидент-менеджмент» и некоторые другие. Важным нововведением стало формирование в субъектах Российской Федерации Центров управления регионами (ЦУР) и Муниципальных центров управления (МЦУ), выполняющих функции координации межведомственного взаимодействия и обеспечивающих оперативное реагирование на проблемные обращения граждан и запросы населения (Филатова и Чугунов, 2022). Тенденция к централизации сопровождается возникновением ряда дисфункций в функционировании существующих институтов, таких как дублирование некоторых региональных проектов с федеральными. В связи с этим сохраняет значимость исследование результативности внедренных каналов электронного участия, их потенциала в решении социально-значимых задач и вовлечении граждан в процессы публичного принятия решений, выявление преимуществ и недостатков реализованных электронных ресурсов, формирование рекомендаций для государственных структур, ответственных за реализацию проектов.

С методологической точки зрения сохраняет актуальность разработка и апробация подходов к оценке результативности каналов электронного участия. В прикладных исследованиях, посвященных оценке проектов участия граждан в электронной форме можно выделить два наиболее часто применяемых подхода: исследование электронного участия с точки зрения предложения и исследование с точки зрения спроса (Kabanov et al., 2023). В первом случае исследовательский вопрос фокусируется на том, что представляют собой электронные ресурсы, «предлагаемые» государством гражданам, оценивается широта их функциональных возможностей, доступность, удобство и т.д. Во втором случае – напротив, исследуется «спрос» аудитории на предлагаемые каналы участия, активность и вовлеченность граждан в процесс участия. Некоторыми исследователями были предприняты попытки совмещения указанных подходов к изучению каналов электронного участия, и использования комплексных методик оценки электронных ресурсов, учитывающих оба аспекта (Macintosh & Whyte 2008; Parycek, 2014). Иссле-

дования, инициированные как научным сообществом, так и аналитическими компаниями, использовали комбинацию качественных и количественных методов: материалы интервью, фокус-групп, опросов пользователей, дискурс-анализа дополнялись анализом пользовательских данных. На основе собранной информации формировалась комплексная оценка систем электронного участия по ряду аспектов, таких как политический, технический, социальный, методологический и другие. Использовалась система удельных весов для данных, собранных из разных источников с наибольшим значением данных, отображающих удовлетворенность пользователей и широту их институциональных возможностей на исследуемых ресурсах.

В статье представлены результаты исследования результативности проектов электронного гражданского участия, реализованных в России. Исследование проведено с применением качественного метода экспертных полуструктурированных интервью с ключевыми акторами (руководителями органов государственной власти и местного самоуправления, общественными активистами, разработчиками и исследователями). Задумкой исследования является рассмотрение проектов электронного участия с точки зрения всех ключевых участников процесса – прежде всего органов государственной власти и граждан, и формирование на основе собранных данных комплексных оценок, как отдельных проектов электронного участия, отмеченных экспертами как значимые, так и системы электронного участия, сформировавшейся в России, в целом.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составляет неоинституциональный подход, широко применяемый в современной политической науке. Выбор данного подхода обусловлен его аналитическим потенциалом, позволяющим охватывать широкий спектр институтов и рассматривать как формализованные элементы институциональной среды – законодательство, нормативно-правовые акты и регламенты, – так и неформальные структуры, включающие негласные правила, устойчивые практики, поведенческие установки и др. (Матвеев, 2021; Патрушев, Филиппова, 2019). Методологическая база исследования опирается на положения отдельных направлений новой институциональной теории, в частности, неоинституционализма рационального выбора и исторического неоинституционализма. Концептуальные принципы первого подхода были использованы при анализе политических акторов как рациональных субъектов, осуществляющих выбор между альтернативами с целью максимизации выгоды и минимизации издержек (Weingast, 1996), а также при рассмотрении институтов как системы ограничений – «правил игры», в рамках которых осуществляется данный рациональный выбор (North, 1990). Положения исторического нео-

институционализма, в частности концепция критических моментов (Caroscia & Kelemen, 2007) и концепция эффекта колеи (Mahoney, 2000) были применены при рассмотрении внешних стимулов как одной из ключевых причин трансформаций институтов и инертного сохранения институциональных моделей, установившихся после трансформации. При определении исследовательских задач, направленных на анализ особенностей взаимодействия и коммуникации между ключевыми акторами государственной политики в сфере формирования каналов электронного участия, были использованы теоретические положения концепции принципал-агентских отношений (North, 1990; Strom, 2000; Huber & Lupia, 2001). В рамках данного подхода вышестоящие органы государственной власти рассматривались в качестве принципалов по отношению к нижестоящим структурам (агентам). Согласно базовым положениям теории, учитывалось наличие асимметрии информации между принципалами и агентами в пользу последних, а также стремление принципала к минимизации последствий данной асимметрии, в том числе путем создания механизмов контроля и восполнения дефицита информации (Либман, 2014; Григорьев и др., 2021).

Для анализа использовалась серия полуструктурированных интервью, проведенных исследовательским коллективом Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО (ЦТЭП ИДУ ИТМО) при участии автора в 2022-2024 гг. Перечень экспертов, с которыми были проведены интервью, был сформирован по критерию принадлежности к ключевым группам акторов процесса создания, развития и эксплуатации каналов электронного участия в соответствии с моделью коммуникации, разработанной и представленной ранее (Панфилов и Чугунов, 2024). Всего было проведено 76 интервью с экспертами из 33 субъектов РФ. Список групп акторов и количество экспертов, с которыми были проведены интервью, представлены ниже. Для условного обозначения групп экспертов при обработке данных использовались указанные в скобках сокращения.

1. Государственные служащие – руководители цифрового развития, принимающие участие в разработке государственной политики и постановке задач на разработку каналов электронного участия (ГСЦ) – 27 экспертов;

2. Государственные и муниципальные служащие, ответственные за работу с каналами электронного участия в качестве пользователей (ГСУ) – 7 экспертов;

3. Лидеры общественных организаций и гражданские активисты, являющиеся активными пользователями каналов электронного участия (ОА) – 18 экспертов;

4. Руководители IT-компаний, являющихся разработчиками каналов электронного участия (РЗ) – 9 экспертов;

5. Эксперты и исследователи, специализирующиеся на изучении электронного правительства и электронного участия (ЭИ) – 15 экспертов.

Анкеты, использованные при проведении экспертных интервью, включали список от 7 до 11 вопросов, в зависимости от принадлежности эксперта к целевой группе. Всем экспертам были в том числе заданы вопросы, направленные на оценку проектов электронного участия, реализованных в России: «Какие проекты внедрения электронного гражданского участия в РФ Вы можете отметить, как значимые? Насколько, на Ваш взгляд, они были успешны, и насколько поставленные задачи были выполнены? Какие причины способствовали этому?» При проведении анализа данных автором были использованы метод контент-анализа расшифровок интервью. Было осуществлено ручное кодирование всех упоминаний проектов электронного участия экспертами по принципу: «ГСЦ07_ПОС_П» (пример). Обозначения в примере кодировке означают:

- ГСЦ07 – группа акторов, к которой относится эксперт и его порядковый номер в исследовании (например, руководитель цифрового развития с порядковым номером 7),

- ПОС – сокращенное наименование проекта электронного участия (Платформа обратной связи ЕПГУ),

- П – оценка результативности проекта экспертом (позитивная).

Упоминания, при которых эксперты выражали явно-выраженное положительное отношение к проекту («проект N был успешен», «проект M – стал важным каналом участия граждан» и т.п.) кодировались как позитивные упоминания. Упоминания, при которых эксперты выражали явно-выраженное негативное отношение к проекту («Проект N не состоялся в том виде, в котором задумывался», «проект M – является, скорее, имитацией реального участия граждан» и т.п.) кодировались как негативные упоминания. Спорные упоминания экспертами проектов, при которых их оценки невозможно было в явном виде охарактеризовать как позитивные или негативные, (например, «идея проекта N неплохая, но его результаты неоднозначны») были исключены и в последующем анализе не учитывались. При обработке и анализе данных использовалось стандартное программное обеспечение «MS_Excel», позволяющее выполнить задачи по обработке, фильтрации и визуализации данных ввиду относительно небольшого объема данных. Всего в результате обработки расшифровок интервью было выявлено 142 позитивных упоминания проектов электронного участия и 68 негативных упоминаний. В 106 из указанных случаев экспертом были указаны причины

результативности проектов (например, «активная позиция Главы региона», «сопротивление бюрократического аппарата» и т.д.). Упоминания были классифицированы по проектам, окраске упоминаний и принадлежности эксперта к той или иной группе акторов. В ходе последующего анализа оценок по каждому из проектов были определены наиболее часто-упоминаемые экспертами причины его результативности. Полученные результаты представлены в следующем разделе.

По итогам анализа мнений экспертов, была сформирована оценка ключевых проектов электронного гражданского участия, которые были реализованы в России. Сводные итоги частоты упоминания экспертами проектов, отмеченные как положительные, представлены на рисунке 1. Указанные на диаграммах процентные значения обозначают удельный вес (относительную долю) частоты упоминаний проекта от общего числа положительных упоминаний в рамках данной выборки экспертов и не являются мерой объективной результативности проекта.

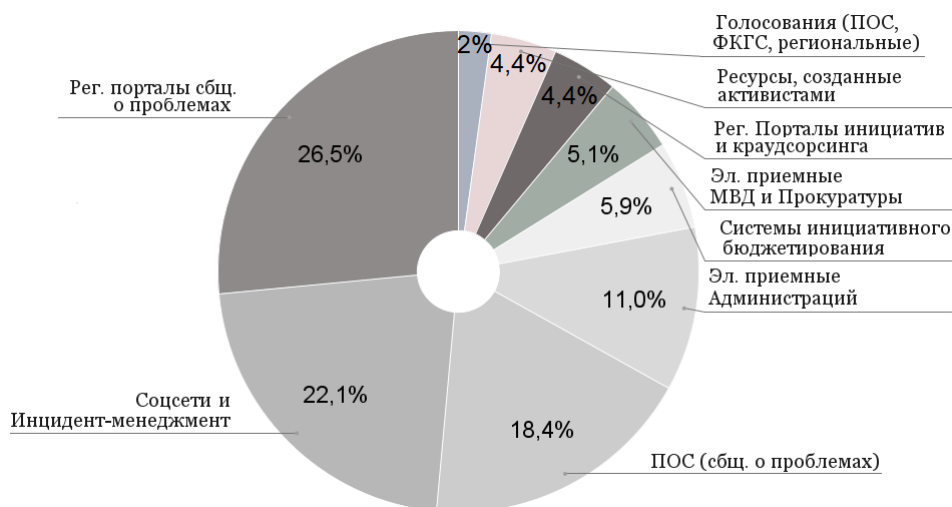

Рисунок 1 – Доля упоминаний проектов электронного участия РФ, отмеченных экспертами как успешно-состоявшиеся¹

Около половины экспертов отметило в качестве успешно-состоявшихся проектов электронного участия порталы подачи сообщений о проблемах, реализованные на региональном или муниципальном уровне («Наш город Москва», «Наш Санкт-Петербург» и другие). Удельный вес от

¹ Серия полуструктурированных интервью, проведенных ЦТЭП ИДУ ИТМО, 2022-2024 гг., N = 76.

общего числа упоминаемых проектов составил 26,5%, что является наибольшим значением из числа упомянутых проектов. Доля упоминаний каналов электронного участия этого типа в негативном ключе составила 12,1%. Некоторые руководители органов власти, курирующие цифровое развитие отметили, что в их регионах собственные порталы подачи сообщений о проблемах были созданы раньше, чем федеральный (ПОС). Многие гражданские активисты отметили, что порталы действительно позволяют решить отдельные отраслевые вопросы, связанные с проблемами городского хозяйства, такие как благоустройство, уборка мусора, проблемы ЖКХ, дорожного хозяйства, незаконной торговли и т.д. Некоторые руководители органов государственной власти ответили, что в их регионах, несмотря на внедрение ПОС, собственные порталы были преднамеренно сохранены для возможности иметь собственный ресурс. «Основной мотив сохранения своего портала состоит в том, что типовое федеральное решение никогда не сможет учесть специфику региона. Во-вторых, используя типовое решение мы не можем сами влиять на функциональность программного продукта. В-третьих, регион не имеет полноценного доступа к данным, которые собираются через ПОС и ЦУР, значит надо иметь собственные источники для аналитики.» (ГСЦ-08) - прокомментировал этот вопрос вице-губернатор одного из регионов. В то же время, эксперты отметили и ряд проблем, связанных с работой региональных порталов сообщений о проблемах, такие как проблемы межведомственного взаимодействия и долгая пересылка обращений, некомпетентность исполнителей и некачественное решение заявленных проблем, отправка формализованных ответов («отписок»), необоснованно долгое решение проблем, а также технические проблемы, такие как, ограничения на количество сообщений за период времени, недостаточная проработанность категорий сообщений и регламентов их обработки.

Вторым каналом по частоте упоминания в позитивном ключе оказались официальные сообщества органов государственной власти в социальных сетях (Госпаблики), созданных в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 270-ФЗ. Доля положительных упоминаний данного канала составила 22,1%, отрицательных – 13,8%. При написании гражданами комментариев по в Госпабликах с упоминанием общественных проблем, производится автоматизированный сбор таких сообщений системой «Инцидент-менеджмент», используемой ЦУР'ами. Сообщения обрабатываются и направляются в ответственный орган власти или местного самоуправления для подготовки ответа гражданину. По информации от некоторых респондентов, ответы на такие сообщения готовятся в ускоренные сроки до 7 дней. Основными преимуществами использования социальных сетей в качестве канала

электронного участия, экспертами были отмечены их простота и интегрированность в обыденные формы коммуникации граждан. «Ранее проблемой являлось недостаточное использование уже укорененных инструментов коммуникации – прежде всего социальных сетей. В этом смысле я поддерживаю закон о Госпублицах – это укорененная и очень популярная социальная сеть.» (ЭИ-05). Однако, респондентами были отмечены такие недостатки взаимодействия в социальных сетях как низкий юридический статус подаваемых сообщений, отсутствие регламентов решения проблем, а также отдельные случаи блокировок аккаунтов пользователей. «Считаю, что в отличие от ПОС, негативный кейс, не работает. Обращения никак и нигде не фиксируются, не имеют никакого статуса. Имели место блокировки Губернатором и Комитетами пользователей ВКонтакте за сообщения о проблемах в комментариях.» (ОА-02) - охарактеризовал канал один из лидеров общественных организаций.

Третьим каналом электронного участия по частоте упоминаний, является канал подачи сообщений о проблемах, организованный через Платформу обратной связи Портала Госуслуг и мобильное приложение «Госуслуги. Решаем вместе». В отличие от двух предыдущих каналов, мнение по данному ресурсу оказалось более неоднозначным. Доля положительных (18,4%) и отрицательных (17,2%) мнений о проекте оказались близки друг к другу. Так же, как и в случае с социальными сетями, подавляющее большинство положительных отзывов было дано экспертами – государственными служащими (целевые группы 1 и 2). Данную закономерность можно объяснить тем, что большинство интервью с представителями органов власти было взято в период 2022 гг., когда ПОС еще находился на этапе внедрения, происходило активное подключение государственных организаций к платформе. В связи с этим, руководителями органов власти, специализирующихся на цифровом развитии, проект рассматривался как приоритетный и инновационный. Положительные и отрицательные мнения экспертов остальных трёх групп разделились примерно поровну. Некоторые представители общественных организаций отметили, что им удаётся эффективно взаимодействовать через него с ответственными структурами и они используют этот канал в повседневной деятельности. В качестве основных преимуществ данного канала, респондентами были отмечены: доступность для всех регионов, унифицированность, простота, а также высокий юридический статус обращений, регулируемый Федеральным законом от 02.05.2006 №59-ФЗ. «ПОС – значительный шаг вперед в части унификации, однообразия по регионам – предоставление равных возможностей. Если раньше петербуржцы и москвичи хвастались перед жителями других регионов, что у нас есть такой инструмент,

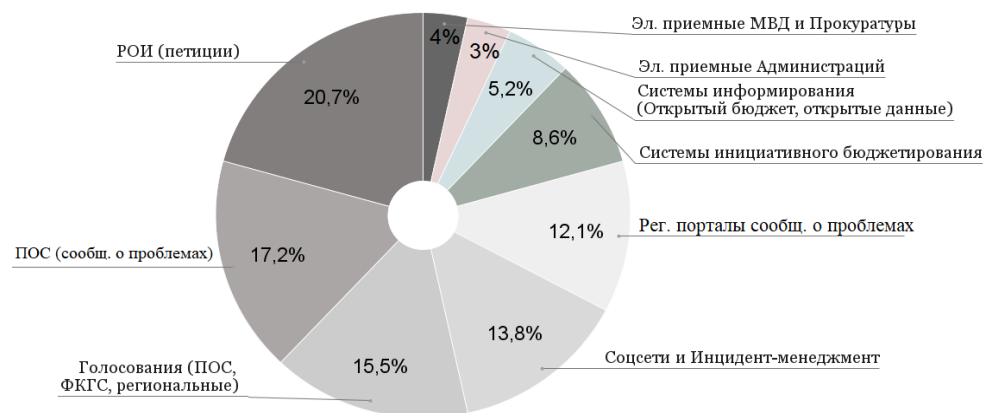
то теперь инструмент есть у всех.» (ОА-08). Однако среди представителей всех пяти групп экспертов нашлись те, кто высказал аргументированную критику в отношении подходов к коммуникации, используемых в данном канале. Среди представителей органов власти, с критикой в отношении ПОС выступили в основном представители тех регионов, в которых на момент внедрения уже были собственные порталы. В частности, были высказаны замечания к тому, что ПОС ориентирован больше на работу федеральных структур, а региональные органы имеют ограниченный доступ к обрабатываемым в нём данным, аналитике и отчетам, вследствие чего сложно использовать их в работе. Эксперты из второй группы отметили и ряд других организационных и технических проблем, характерных для работы в ПОС, например, ограниченный перечень подключенных организаций, выделение на одну организацию только одного личного кабинета, закрепленного за ответственным сотрудником и др. Не менее развёрнутую обратную связь дали и разработчики, отметив преимущества своих технических решений перед ПОС. Стоит отметить, что фактором, влияющим на повышенное количество негативных отзывов о ПОС со стороны разработчиков региональных решений, является нахождение двух данных каналов в конкурентном отношении по отношению друг к другу. Внедрение ПОС привело к потере ИТ-компаниями части своих заказов и доходов в связи с отказом органов власти ряда регионов от собственных порталов и полном переходе на ПОС. «Классификатор ПОС в отличие от регионального портала, разработанного нашей компанией, слишком общий и недостаточно проработанный. Происходит размытие важных сообщений по общим укрупненным категориям, и ЦУР и Губернатор не видят общую картину.» (РЗ-05).

Электронные приёмные по результатам анализа данных, собранных в интервью, можно охарактеризовать как менее упоминаемый, но более положительно характеризуемый канал участия граждан. Доля положительных упоминаний этого канала составила 11%, а отрицательных – 3%. Данный канал является региональным, но предусмотренным федеральными нормативно-правовыми актами, в частности Федеральным законом от 27.07.2010 №227-ФЗ. Канал является достаточно типовым и представляет собой окно подачи обращений, чаще всего размещённое на сайте региональных органов власти. Сообщения, поданные гражданами через электронную приёмную, имеют официальный статус обращений граждан и обрабатываются органами власти в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 №59-ФЗ. Подавляющее большинство экспертов, упомянувших электронные приёмные как значимые, относились к экспертной группе 3 (общественные активисты). В качестве ключевого преимущества канала эксперты отметили высокую

юридическую значимость подаваемых через него обращений и возможность апеллировать к нему при возникновении спорных ситуаций. Некоторые общественные активисты, ведущие активную переписку с органами власти по городским проблемам, и использующие для этого разные каналы, отметили, что в случае подачи идентичных обращений через разные каналы, электронные приемные оказывались наиболее эффективны. «Если ты пишешь официальное письмо – даже если получаешь в ответ отписку, то проблема все равно где-то откладывается, а через порталы нет, она не откладывается нигде, добиваются чтобы человек отвязался и все.» (ОА-02). Некоторые респонденты также отметили в положительном ключе электронные приёмные силовых и контрольно-надзорных органов (МВД, Прокуратура, Административно-техническая инспекция и др.).

На рисунке 2 отображена частота упоминания экспертами проектов, отмеченных как не состоявшиеся и не пользующиеся спросом у населения.

Рисунок 2 – Доля упоминаний проектов электронного участия РФ, отмеченных экспертами как неуспешные и не состоявшиеся¹

Портал «Российская общественная инициатива» (РОИ) по результатам анализа данных, собранных в рамках экспертных интервью, оказался каналом с наибольшей долей негативных упоминаний – 20,7%. Эксперты охарактеризовали проект как значимый, но указали на то, что он не состоялся в том виде, в котором задумывался. Некоторые эксперты-исследователи отметили, что портал РОИ – проект наиболее близкий концептуально к принципам электронной демократии, но он не состоялся в том виде, в котором задумывался изначально. В качестве основных недостатков эксперты отметили

¹ Серия полуструктурированных интервью, проведенных ЦТЭП ИДУ ИТМО, 2022-2024 гг., N = 76.

излишне усложненный порядок сбора подписей (например, действие временного ограничения в один год и невозможность объединения близких по смыслу петиций), а также недостаточно прозрачный механизм рассмотрения петиций. Один из экспертов, участвовавший в разработке портала, отметил, что проект столкнулся с проблемой сопротивления со стороны бюрократического аппарата, представители которого не видели в нем пользы для самих себя. В результате проект имел серьёзные организационные проблемы, такие как недостаток финансирования и пиара, отсутствие цикла получения обратной связи от общественности. «Не работающий в случае России проект. Проблема в том, что не соблюдается логика и концепция изначальной задумки проекта. Даже если инициатива набирала нужно число голосов - она попадала не в Государственную Думу, а на промежуточное рассмотрение в комиссию, где могла быть отклонена. Идея оказалась дескредетирована.» (ЭИ-07). Некоторые общественные активисты, имеющие опыт запуска петиций на РОИ, также высказались о портале негативно, отметив, что порядок сбора подписей излишне усложнен, и преодолеть установленный барьер практически невозможно.

Ещё одним каналом электронного гражданского участия, мнения экспертов о котором оказались преимущественно негативными (доля негативных упоминаний – 15,5%), оказались электронные голосования за проекты, организованные органами власти. В рамках данного раздела были объединены мнения экспертов по трём упомянутым ими ресурсам для электронных голосований: ПОС, портал «Формирование комфортной городской среды» и электронные голосования на региональных порталах. Данное обобщение было произведено по причине того, что организационные и функциональные особенности коммуникации власти и граждан на данных ресурсах принципиально не отличаются, и, в большинстве случаев, эти проекты были названы экспертами в качестве одного канала. В качестве основного минуса канала экспертами были отмечена недостаточная институциональная значимость канала в принятии решений гражданами, отсутствие возможности для граждан предлагать собственные инициативы и низкая активность органов власти при публикации голосований. «Технически инструмент позволяет организовывать инструменты участия. Но к подходу отношусь критически, поскольку все сводится к выбору на самой последней стадии, не когда проект задумывается, а когда уже сформирован. При голосовании используется бинарный подход с выбором между двумя не всегда самыми лучшими вариантами.» (ОА-11). Большинство негативных мнений было высказано общественными активистами, имеющими опыт использования данных каналов в качестве пользователей, а также экспертами-исследователями. Некоторые

государственные и муниципальные служащие также отметили, что канал голосований на данный момент не имеет высокой значимости и не пользуется популярностью ни у них самих, ни у населения.

Также в качестве значимых некоторыми экспертами были отмечены следующие каналы участия: порталы инициативного бюджетирования, региональные порталы электронных инициатив и краудсорсинга, каналы, созданные общественными активистами, системы информирования (открытый бюджет, открытые данные и др.); системы участия в сфере ЖКХ (ГИС ЖКХ, «Электронный дом» г. Москва и др.), обращения в органы власти по электронной почте, телефонные прямые линии, личные обращения в органы власти, портал петиций change.org. Однако значимость этих каналов отметило небольшое число экспертов, что может свидетельствовать об их недостаточном уровне институционализации и освещённости в информационном поле.

Сравнительный анализ экспертных оценок ключевых проектов, которые концептуально можно отнести к электронному участию, показал, что большинство каналов электронного участия, реализованных на сегодняшний день в России, направлены на обращения по уже существующим проблемам (ПОС, региональные порталы сообщений о проблемах, комментарии в Госпабликах и др.), голосования по отдельным отраслевым вопросам, таким как благоустройство и развитие общественных пространств (Электронные опросы, проект «ФКГС» и др.), а также практики информирования граждан о деятельности органов власти и местного самоуправления (информационные сайты органов власти, социальные сети, порталы открытых данных и др.). При этом институциональные возможности граждан в части влияния на управленческие решения через электронные каналы ограничены возможностью генерировать информацию о проблемах, имеющихся на определенной территории, тем самым стимулируя ее доведение до ответственных органов власти и последующее решение. Ключевые проекты, относящиеся к ранним этапам развития электронного участия, предполагающие преимущественно проактивные формы коммуникации и ведущую роль граждан в выдвижении идей, такие как портал «Российская общественная инициатива» и некоторые ресурсы, созданные активистами, были охарактеризованы большинством экспертов как не успешные. В то же время результаты интервью подтвердили, что такие проекты, как региональные порталы сообщений о проблемах, имеющие управленческий и информационно-аналитический потенциал и позволяющие вышестоящим органам власти собирать данные о проблемах и качестве их решения исполнителями, получили новый виток развития и, фактически, были воспроизведены федеральными органами государственной власти. Создание единой централизованной системы электронного уча-

ствия, включающей в себя такие каналы как ПОС, Госпаблики, «Инцидент-менеджмент» и новых субъектов государственной политики в сфере электронного участия (ЦУР, МЦУ, институт региональных кураторов из АНО «Диалог. Регионы» и др.) стало своего рода «критическим моментом» (Sarocchia, & Kelemen, 2007), вызвавшим институциональную трансформацию системы электронного участия на уровне регионов и муниципалитетов и ее дальнейшее развитие в изначально-заданной управленческой «колее» (Mahoney, 2000). Внедрение единых федеральных каналов электронного участия, привело к выбору органами власти субъектов РФ разных стратегий адаптации региональных институтов под новые «правила игры» и формированию в регионах разных моделей электронного участия, как с использованием собственных каналов, так и без них (Kabanov et al., 2023).

С точки зрения концепции принципал-агентских отношений, каналы подачи обращений позволили вышестоящим органам власти, выступающим в роли принципалов, осуществлять мониторинг информации об общественных проблемах, имеющихся на той или иной территории и качестве реагирования на эти проблемы ответственных исполнителей, что стало активно использоваться федеральными органами власти при составлении рейтингов и ранжировании региональных органов власти по степени эффективности¹. Данный цифровой инструмент позволил агентам и принципалам достигнуть частичного решения проблемы «асимметрии информации» (Либман, 2014). В свою очередь, нижестоящие органы власти и местного самоуправления, выступая в роли агентов и действуя рационально, стремятся к большей самостоятельности при обработке информации об электронном участии, что выражается, в том числе, в стремлении к сохранению собственных региональных каналов электронного участия.

Примечательным, по мнению автора, оказалось то, что два ключевых проекта, реализованных федеральными органами власти, и предполагающих обязательное внедрение во всех регионах (ПОС и Госпаблики), по мнениям экспертов, оказались наиболее неоднозначными, и получили сопоставимое количество как положительных, так и негативных оценок. Полученные результаты демонстрируют рациональный характер поведения каждой из ключевых групп акторов и их стремление к максимизации собственной полезности и минимизации ресурсных издержек (управленческих, репутационных, информационных и иных) в ходе осуществления деятельности по созданию, развитию и эксплуатации каналов электронного участия. Наиболее положи-

¹ Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи на апрель 2025 года (2025). Минцифры России. https://adm.digital.gov.ru/app/uploads/2025/04/b94b65_rejting_pos-1-kv.-2025-god.pdf.

тельно как происходящие изменения, так и созданные федеральные каналы, охарактеризовали руководители органов власти, ответственные за цифровое развитие регионов (группа 1 - ГСЦ). Это потенциально может быть объяснено тем, что данные эксперты являются фактическими исполнителями по внедрению указанных проектов, и, действуя рационально, не заинтересованы в их критике. Государственные и муниципальные служащие, осуществляющие работу с каналами электронного участия в качестве пользователей (группа 2 - ГСУ), высказались об изменениях более нейтрально и, в ряде случаев высказали критические замечания к их работе. Это может быть объяснено тем, что в отличие от руководителей цифрового развития, деятельность экспертов данной группы сопряжена с непосредственной эксплуатацией каналов электронного участия. Внедрение новых каналов электронного участия фактически является для большинства государственных и муниципальных служащих дополнительной нагрузкой, в ходе которой они сталкиваются с их недостатками и проблемными ситуациями. Общественные активисты (группа 3 - ОА, разработчики (группа 4 - РЗ), а также часть экспертов-исследователей (группа 5 - ЭИ) и государственных служащих высказались об изменениях с долей критики, отметив, что помимо вовлечения граждан в процесс принятия решений, централизованные каналы направлены в том числе на решение других задач управленческого характера, такие как сбор данных об имеющихся на той или иной территории проблемах и качестве их решения ответственными исполнителями. В то же время, со стороны экспертов, являющихся представителями общественных организаций, был отмечен запрос на расширение институциональных возможностей электронного участия, направленных на более проактивные формы взаимодействия, создание новых возможностей граждан выдвигать свои идеи и предложения, которые были бы юридически значимы, а также прозрачных механизмов учета рассмотрения органами власти таких инициатив. Примерами таких институтов могут служить проекты инициативного (партиципаторного) бюджетирования, порталы электронных инициатив и краудсорсинга, позволяющие выдвигать предложения и совместно с органами власти и местного самоуправления реализовывать собственные общественно-значимые идеи.

Произведенный анализ экспертных оценок результативности проектов электронного участия в России позволил сформулировать ряд как теоретико-методологических, так и практических выводов. Теоретическая ценность исследования заключается в уточнении преимуществ, недостатков и особенностей функционирования проектов электронного участия в условиях централизации. Результаты анализа подтвердили выводы некоторых более ранних авторитетных исследований (Аутсорсинг политических, 2021; Политиче-

ская онтология, 2022), о перспективах рассмотрения института электронного участия не только как канала взаимодействия власти и граждан, но и в более широком контексте, как многофакторного процесса, способствующего трансформациям существующих политических институтов, видоизменяющего принципы взаимодействия акторов государственной политики, создающего новые институциональные дисфункции и зоны неопределенности. Формирование институтов электронного участия представляет собой динамический процесс постоянного взаимодействия множества акторов государственной политики, преследующих собственные цели и интересы. Институционализация новых каналов коммуникации граждан с органами власти нарушает сложившийся баланс институтов и принципов взаимодействия между акторами, что приводит к поиску ими новых форм согласия. В результате этого при реализации некоторых проектов возникают институциональные барьеры, что было показано на примере портала «Российская общественная инициатива», который изначально позиционировался федеральными органами власти как ключевой проект системы электронного участия, но в итоге не получил должного развития и уровня институционализации и не стал результативной устоявшейся практикой учета общественного мнения.

К методологическим результатам исследования следует отнести апробацию подхода к изучению проектов электронного участия при использовании качественного метода экспертных полуструктурированных интервью. Результаты анализа экспертных оценок, отражающих мнения основных участников исследуемого процесса, позволили комплексно взглянуть на сформировавшуюся в России систему электронного участия, рассмотреть преимущества и недостатки тех проектов, которые эксперты отметили, как значимые. Данный подход позволил также произвести сравнения мнений представителей разных групп акторов по рассматриваемым проектам, сопоставляя мнения пользователей каналов электронного участия в лице граждан и представителей общественных организаций с мнениями представителей органов власти и разработчиков, являющихся их создателями и администраторами. Сформированный по результатам исследования набор данных может быть использован для сопоставления с данными из других источников (например, опросами пользователей и пользовательскими данными об активности на электронных ресурсах) при формировании комплексных оценок результативности проектов.

Практическим результатом проведенного исследования являются выявленные закономерности функционирования системы электронного участия в России, а также преимущества и недостатки тех проектов, которые эксперты отметили, как значимые. В частности, был сформулирован перечень

наиболее успешных проектов электронного участия по частоте упоминания экспертами (региональные порталы сообщений о проблемах, электронные приемные и др.). Был сформулирован аналогичный перечень проектов, которые, по мнению экспертов, были наименее успешными (РОИ, электронные голосования за проекты и др.). Материалы, полученные по результатам экспертных интервью, позволили выявить ряд институциональных барьеров и оперативных проблем, препятствовавших результативной реализации проектов. К такого рода проблемам, продемонстрированным на примерах порталов «Российская общественная инициатива» и порталам электронных голосований, следует отнести несоответствие нормативно-правовой базы целям и задачам проектов, сопротивление нововведениям со стороны бюрократического аппарата, недостаточное освещение проекта в средствах массовой информации, неготовность населения некоторых территорий к вовлечению в процесс участия и некоторые другие проблемы.

По мнению автора, сохраняет свою актуальность исследования следующих концептуальных и прикладных аспектов электронного участия.

К перспективным направлениям прикладных исследований следует отнести, во-первых, оценку фактической результативности как отдельных проектов электронного участия, так и сформировавшихся систем электронного гражданского участия в разных странах и на разных территориях. Данный анализ позволит выявить институциональные, технологические и иные проблемы систем электронного участия в части возможностей решения проблем граждан и вовлечения граждан в принятие общественно-значимых политических и управленческих решений. Во-вторых, представляется актуальным исследование соотношения технологических и информационных условий для участия фактическому запросу граждан, степени их активности и вовлеченности, выявление новых каналов и моделей взаимодействия, которые можно будет считать конструктивными, взаимно-обогащающими и способствующими продуктивному учету мнения граждан при реализации государственной политики. Предложенный в рамках настоящего исследования подход позволяет производить подобный анализ и выявлять несоответствия между запросом граждан и текущей реализацией проектов, предлагаемой органами государственной власти и местного самоуправления. В-третьих, интерес представляет помещение в фокус исследования неформальных институтов и факторов, влияющих на динамику развития систем электронного участия и опосредованно способствующих институциональной трансформации других политических институтов и форм взаимодействия акторов. Исследование не только формальных и структурированных, но и неформальных и неструктурированных институтов реализации проектов электронного

участия, таких как попытка органов власти решить проблему асимметрии информации в условиях принципал-агентских отношений, позволит расширить концептуальное понимание роли института электронного гражданского участия в государственной политике, учесть возможные институциональные барьеры и дисфункции при реализации подобных проектов.

Литература

Belyi, V. & Chugunov, A. (2021). E-Government Services Introduction Effects in the Covid-19 Pandemic: 2020-2021 Surveys Results. Scientific Services & Internet 2021. CEUR Workshop Proceedings, 3066, 147-155.

Capoccia, G. & Kelemen, R. (2007). The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism. World Politics, 59(3), 341-369. <https://doi.org/10.1017/S0043887100020852>.

Filatova, O. & Chugunov, A. & Bolgov, R. (2021). Transformation of the Electronic Participation System in Russia in the Early 2020s: Centralization Trends. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography, 309-319. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_27.

Huber, J. & Lupia, A. (2001). Cabinet Instability and Delegation in Parliamentary Democracies. American Journal of Political Science, 45(1), 18-32. <https://doi.org/10.2307/2669357>.

Kabanov, Yu. & Chugunov, A., Panfilov, G. (2023) Drivers of e-Participation performance from a supply-side perspective: the case of the Russian regions. ICEGOV 2023: 16th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance Belo Horizonte Brazil September 26-29, 2023. NY.: ACM, 191-196. <http://doi.org/10.1145/3614321.3614347>.

Macintosh, A. & Whyte, A. (2008) Towards an evaluation framework for e-participation. Transforming Government People Process and Policy, 2(1), 16-30. <http://doi.org/10.1108/17506160810862928>.

Mahoney, J., (2000). Path dependence in historical sociology. Theory and Society, 29(4), 507-548.

North, D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Parycek, P. & Sachs, M., Sedy, F., Schossbock, J. (2014) Evaluation of an E-participation project: lessons learned and success factors from a cross-cultural perspective electronic participation. 6th IFIP International Conference on Electronic Participation (e-Part), 128-140. http://doi.org/10.1007/978-3-662-44914-1_11.

Strom, K. (2000). Delegation and Accountability in Parliamentary Democracy. European Journal of Political Research, 37 (3), 261-290. <https://doi.org/10.1023/A:1007064803327>.

Weingast, B. (1996). Political Institutions: Rational Choice Perspectives. A New Handbook of Political Science. Chapter: Rational Choice Perspectives on Institutions. <https://doi.org/10.1093/0198294719.003.0005>.

Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах (2021). Под редакцией Л. В. Сморгунова. Политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Воленков, С. В. & Федорченко, С. Н. (2023) Новые социально-политические вызовы государственному суверенитету в цифровую эпоху (по материалам международ-

ного экспертного исследования). Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 1(6), 31–57. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-31-57>.

Григорьев, И. С. & Декальчук, А. А., Губайдуллина, С. Ш. (2021). Организация власти в многоуровневых политических системах и обмен ресурсами: голоса, бюджеты, информация. Полис. Политические исследования, 1, 169–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.12>

Коньков, А. Е. (2020) Цифровизация политики vs политика цифровизации. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 13(1), 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>.

Кротенко, Т. Ю. (2022). Пандемия COVID-19 как триггер цифровизации общества, государства и бизнеса. Управление, 10(2), 80–87. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-2-80-87>.

Либман, А. М. (2014). Информационная асимметрия в федерациях. Пространственная экономика, 4, 9–25. <https://doi.org/10.14530/se.2014.4.009-025>

Матвеев, А. А. (2021). Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке. Управленческое консультирование, 5, 45–62. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-45-62>.

Панфилов, Г. О. & Чугунов, А. В. (2024). Централизация системы электронного гражданского участия в Российской Федерации: данные экспертных интервью. Управленческое консультирование, 5, 253–264. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-253-264>.

Патрушев, С. В. & Филиппова, Л. Е. (2019). Институционализм и неинституционализм. Современная политическая наука: Методология: Научное издание. Аспект Пресс, 101–137.

Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость (2022). Под редакцией Л. В. Сморгунова. Аспект Пресс.

Филатова, О. Г. & Чугунов, А. В. (2022). Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 18 (2), 120–137.

References

Belyi, V., & Chugunov, A. (2021). E-government services introduction effects in the Covid-19 pandemic: 2020–2021 surveys results. *Scientific Services & Internet 2021. CEUR Workshop Proceedings*, 3066, 147–155.

Capocchia, G., & Kelemen, R. D. (2007). The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism. *World Politics*, 59(3), 341–369. <https://doi.org/10.1017/S0043887100020852>

Filatova, O., Chugunov, A., & Bolgov, R. (2021). Transformation of the electronic participation system in Russia in the early 2020s: Centralization trends. In *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography* (pp. 309–319). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_27

Grigoriev, I. S., Dekalchuk, A. A., & Gubaydullina, S. Sh. (2021). Organization of power in multi-level political systems and exchange of resources: votes, budgets, information. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (1), 169–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.12>

Huber, J. D., & Lupia, A. (2001). Cabinet instability and delegation in parliamentary democracies. *American Journal of Political Science*, 45(1), 18–32. <https://doi.org/10.2307/2669357>

Kabanov, Yu., Chugunov, A., & Panfilov, G. (2023). Drivers of e-participation performance from a supply-side perspective: The case of the Russian regions. In *ICEGOV 2023: 16th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*,

Belo Horizonte, Brazil, September 26–29, 2023 (pp. 191–196). Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3614321.3614347>

Konkov, A. E. (2020). Tsifrovizatsiya politiki vs politika tsifrovizatsii [Digitalization of politics vs politics of digitalization. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 13(1), 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>

Krotenko, T. Yu. (2022). The COVID-19 pandemic as a trigger for the digitalization of society, state and business. *Upravlenie*, 10(2), 80–87. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-2-80-87> (In Russ)

Libman, A. M. (2014). Information asymmetry in federations. *Prostranstvennaya Ekonomika*, (4), 9–25. <https://doi.org/10.14530/se.2014.4.009-025>

Macintosh, A., & Whyte, A. (2008). Towards an evaluation framework for e-participation. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 2(1), 16–30. <https://doi.org/10.1108/17506160810862928>

Mahoney, J. (2000). Path dependence in historical sociology. *Theory and Society*, 29(4), 507–548.

Matveev, A. A. (2021). Past, present and future of the neo-institutional approach in political science. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*, (5), 45–62. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-45-62> (In Russ)

North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.

Panfilov, G. O., & Chugunov, A. V. (2024). Centralization of the e-participation system in the Russian Federation: Data from expert interviews. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*, (5), 253–264. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-253-264> (In Russ)

Parycek, P., Sachs, M., Sedy, F., & Schossbock, J. (2014). Evaluation of an e-participation project: Lessons learned and success factors from a cross-cultural perspective. In 6th IFIP International Conference on Electronic Participation (e-Part) (pp. 128–140). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-662-44914-1_11

Patrushev, S. V., & Filippova, L. E. (2019). Institutsionalizm i neoinstitutsionalizm [Institutionalism and neo-institutionalism]. In *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya* (pp. 101–137). Aspekt Press. (In Russ)

Smorgunov, L. V. (Ed.). (2021). *Autorsing politicheskikh suzheniy: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh* [Outsourcing political judgments: Problems of communication on digital platforms]. Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Russ)

Smorgunov, L. V. (Ed.). (2022). *Politicheskaya ontologiya tsifrovizatsii i gosudarstvennaya upravlyaemost'* [Political ontology of digitalization and state governability]. Aspekt Press. (In Russ)

Strom, K. (2000). Delegation and accountability in parliamentary democracy. *European Journal of Political Research*, 37(3), 261–290. <https://doi.org/10.1023/A:1007064803327>

Volodenkov, S. V., & Fedorchenko, S. N. (2023). New socio-political challenges to state sovereignty in the digital age (based on materials from an international expert study). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12. Politicheskie Nauki*, 1(6), 31–57. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-31-57> (In Russ)

Weingast, B. R. (1996). Political institutions: Rational choice perspectives. In R. E. Goodin & H.-D. Klingemann (Eds.), *A new handbook of political science* (pp. 167–190). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0198294719.003.0005>

Для цитирования: Панфилов, Г. О. Электронное гражданское участие в России: оценка результативности ключевых проектов / Г. О. Панфилов // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 131–150. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-131-150.

Е.С. Шевченко**E. Shevchenko****ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖИ В
КОНТЕКСТЕ
ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССА****TRANSFORMATION OF
POLITICAL EDUCATION
OF MODERN YOUTH IN
THE CONTEXT OF
DIGITALIZATION OF THE
EDUCATIONAL PROCESS****Аннотация**

Использование современных цифровых технологий прочно интерполируется в большинство повседневных социальных практик, аккумулирующих не только очевидные возможности, но и соответствующие вызовы и угрозы. В данной связи одной из наиболее открытой и подверженной негативному технологическому влиянию является молодежь, системно использующая искусственный интеллект при решении образовательных задач.

Основной целью данной работы является определение особенностей трансформации политического воспитания современной молодежи в контексте цифровизации образовательного процесса.

Автором использована следующая группа методов: системный анализ, политико-психологический анализ, корреляционный анализ, вторичный анализ научно-исследовательских данных.

В результате обозначены ключевые образовательные тренды в связи с ростом популярности технических возможностей на основе искусственного интеллекта среди молодежи исходя из понимания причин и факторов подобных наблюдаемых изменений. Представлена система политических вызовов и угроз в результате беспрецедентного и широкоформатного внедрения ИИ-технологий в образовательную сферу и сферу молодежных отношений. Сформулированы два основных подхода применительно к использованию молодежью современных цифровых инструментов в образовательной деятельности. Предложены соот-

Abstract

Using the modern digital technologies is strongly interpolated into the majority of everyday social practices, accumulating not only obvious opportunities, but also corresponding challenges and threats. In this regard, one of the most open and susceptible to negative technological influence is youth, who systematically uses the artificial intelligence to solve educational tasks.

The main purpose of this work is to identify the features of the transformation of political education of modern youth in the context of digitalization of the educational process.

The author used the next group of methods: system analysis, political and psychological analysis, correlation analysis, secondary analysis of scientific and research data.

As a result, the key educational trends are denoted in connection with the growing popularity of technical opportunities based on the artificial intelligence among young people from the understanding of causes and factors of such observed changes. A system of political challenges and threats as a result of unprecedented and widespread introduction of the AI-technologies into the educational sphere and the sphere of youth relations is presented. Two main approaches in relation to using the modern digital tools by youth in educational activity are formulated. Corresponding prospects of rationing and regulating of using the AI-tool by youth in the framework of government participation are presented.

ветствующие перспективы нормирования и регламентирования использования AI-инструментария молодежи в рамках государственного участия.

Автор приходит к выводу о том, что в части контролируемого использования искусственного интеллекта в молодежной среде целесообразно оперировать определенными государственными подходами, в числе которых такие как риск-ориентированный и этико-ориентированный подходы, а также предусмотрение специальных пилотных зон верификации и демонстрации научно-исследовательских прикладных разработок в области ИИ и создание различных образовательных модулей в привязке к действующим образовательным программам. В итоге речь идет о формулировании политической идеологии, что является стержневым для развития молодежного самосознания и укрепления политико-идентификационных конструктов в молодежной среде.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровизация образования, образовательная система, молодежь, политическое воспитание.

The author comes to the conclusion that in the part of controlled using the artificial intelligence among young people it is reasonable to operate with certain government approaches, including the risk-oriented and the ethics-oriented approaches, as well as the provision of special pilot zones of verifying and demonstrating of scientific and research applied developments in the field of AI and the creating of different educational modules in relation to existing educational programs. In the end, we are talking about formulation of political ideology, which is crucial for development of youth self-consciousness and strengthening of political and identification constructs among young people.

Key words:

artificial intelligence, digital technologies, digitalization of education, educational system, youth, political education.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-151-164>

В современных условиях сфера и инструментарий использования искусственного интеллекта продолжают расширяться и трансформироваться, представляя, соответственно, возможности и риски практически для всех отраслей публичных отношений – предоставление государственных услуг, судебное производство, статистический анализ данных и т.д. В данном контексте образовательная среда, безусловно, не является исключением, а молодежь становится основным организатором применения подобных инновационных продуктов, что при более детальном анализе обнаруживает скорее негативные последствия для достижения задач политического воспитания.

Данная проблематика не является новой для научного сообщества – в действительности по этой теме существует огромное количество научных публикаций как на уровне российского, так и на уровне зарубежного научно-исследовательского сообщества, представляющих собой некоторые попытки найти предварительные ответы на вопрос о том, как следует воспринимать новую цифровую реальность, а также о том, как на нее реагировать и как к ней адаптироваться. Вместе с тем наблюдаемая динамика развития и

постоянного изменения современных цифровых технологий проблематизирует оперативность и качественность проводимой социальной рефлексии.

Методологической основой данной работы является следующая группа методов: системный анализ в контексте определения проблемных плоскостей поддержания стабильности общественно-политической системы в результате деструктивного цифрового воздействия на молодое поколение, политико-психологический анализ в контексте выявления специфики влияния современных информационно-коммуникационных технологий и AI-платформ на систему идейно-ценностных убеждений и мотивационных установок молодежи, корреляционный анализ в контексте обнаружения связи между формируемыми в результате активного задействования ИИ качественными параметрами молодежи как особой социальной группы и ее доминирующими политическими позициями, вторичный анализ научно-исследовательских данных в контексте более комплексного и углубленного раскрытия особенностей политической социализации и идентификации молодого поколения в современных технологических условиях.

Причины столь стремительного роста популярности искусственного интеллекта среди обучающейся молодежи в особенности в течение последних нескольких лет, когда активно разрабатывались и модернизировались технические ИИ-возможности, могут быть различными. При этом конечным результатом развития подобных цифровых процессов является то, что сегодня не существует каких-либо точных данных относительно количественных параметров существующих AI-платформ, которых на сегодняшний день неисчислимо множество в зависимости от финансовых условий и требований пользователей, – в соответствии с отчетом об индексе искусственного интеллекта за 2025 год (The 2025 AI Index Report), подготовленным сотрудниками Стэнфордского университета, представлены двенадцать ключевых выводов в рамках анализа наблюдаемых изменений в современной ИИ-архитектуре, в числе которых, в частности, выводы относительно существенного увеличения частных инвестиций в разработку и принятие соответствующих цифровых решений в сфере искусственного интеллекта (109,1 млрд долларов в США в 2024 году), а также беспрецедентного ускорения внедрения ИИ-инструментов в бизнес-процессы (в 2024 году данная интенция наблюдалась со стороны 78% американских компаний, что на 55% больше, чем годом ранее)¹.

Что касается рейтинга наиболее востребованных в молодежной среде чат-ботов на основе искусственного интеллекта, то, в частности, весной 2025 года сотрудники облачной платформы Timeweb, предоставляющей кон-

¹ The 2025 AI Index Report (2025). Stanford Institute For Human-Centered AI. <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report/>.

сультационные и прочие услуги бизнес-структурам и Web-разработчикам, опубликовали довольно подробную статью, в которой представлялись топ-10 лучших нейросетей для активного использования в 2025 году. Например, упоминались такие как Claude 3, DeepSeek R1, Grok 3, Kandinsky 3.1, MidJourney V6.1, и др¹.

Также в начале июня 2025 года на Интернет-портале DGL.RU появилась информация относительно эффективных ИИ-сервисов, полученная в результате проведенного IT-специалистами тестирования предусмотренных функциональных возможностей и запуска реальных рабочих процессов, в числе которых такие как Chat GPT, Google Gemini, Grok AI и др. При этом основной акцент делается на мультимодальности и полнофункциональности данных ИИ-сервисов, которые постоянно совершенствуются, а также при необходимости корректируются и дорабатываются, что, с одной стороны, способствует росту их привлекательности в особенности среди молодежи, с другой стороны, обуславливает неработоспособность применяемых регламентирующих и обеспечительных механизмов ввиду их устаревания либо проявления дисфункциональности, в соответствии с чем целесообразно на регулярной основе разрабатывать и апробировать соответствующие методические рекомендации и предметные руководства к осуществлению адаптационных и балансирующих действий².

Среди ключевых целей обращения молодежи за помощью к ИИ можно обозначить, например, такие как стремление упростить поставленные задачи и экономия собственного времени, которые в принципе в первом приближении не имеют каких-либо деструктивных характеристик. Однако более внимательное исследование подобной проблематики свидетельствует о том, что в числе основополагающих причин популяризации различных программных инструментов на основе искусственного интеллекта в молодежной среде обнаруживаются, прежде всего, такие как инфантильное либо посредственное отношение к получению новых знаний, отсутствие тяги к познанию как к таковому, восприятие образовательного процесса сугубо с точки зрения получения баллов, а также нежелание реально погружаться в предметную проблематику будущей профессии и всесторонне и углубленно изучать ее.

Ситуация вокруг активного использования искусственного интеллекта молодежью при написании письменных работ и подготовке устных ответов, действующего в общем расслабляющим и в каком-то смысле даже деморали-

¹ ТОП нейросетей в 2025 году: обзор и рейтинг (2025). Timeweb. <https://timeweb.cloud/blog/luchshie-nejroseti-2025-obzor/>.

² Искусственный интеллект: полезные сервисы и платформы (2025). DGL.RU. <https://www.dgl.ru/reviews/instrumenti-ii-poleznye-servisy.html?ysclid=mbgvjj6bzs280627239/>.

зующим образом, складывается так, что обучающиеся перестают проявлять должную активность на занятиях посредством участия в обсуждениях и дискуссиях и задавать какие-либо вопросы преподавателю. В подобных условиях во главу угла ставится вопрос относительно полезности образовательного процесса в целом, поскольку в классическом смысле искусственный интеллект не составляет источниковую базу в контексте реализации в принципе стандартных целей обучения по одной простой причине – ИИ полностью исключает либо нивелирует такие задачи, как формулирование поисковых возможностей, расстановка критериев запроса, сортировка получаемой информации и верификация конечных результатов (Endsley, 2023).

В узкоспециализированном отношении также наблюдаются некие довольно противоречивые тренды, ставящие под сомнение благоприятность и позитивность конструируемой двусторонней коммуникации между преподавателем и обучающимся в рамках современной образовательной системы. С одной стороны, происходит системная девальвация работы преподавателя – довольно много ресурсов тратится на проверку различных письменных работ, содержащих компоненты ИИ, которые вместе с тем не всегда определяются соответствующими системами проверки вузов. С другой стороны, профессорско-преподавательский состав формирует и развивает новые компетенции по определению «следов» искусственного интеллекта в присылаемых трудах обучающихся. В этой связи можно, в частности, представить как минимум четыре конкретных признака, по которым можно вычислить присутствие сгенерированных блоков текста без дополнительных программных инструментов: наличие подозрительно высокого процента оригинальности, маркирование текстовой структуры, преобладание абстрактных формулировок с «машинной» и «роботизированной» спецификой, включение недостоверных сведений.

Дополнительно следует упомянуть относительно технических несовершенств используемого программного обеспечения на основе ИИ, проявляющихся в генерировании фальсифицированных данных и подаче «искусственного контента» (Blackwell, 2021). Наличие подобных технических несовершенств искусственного интеллекта также выявляет множество проблем мировосприятия и мироощущения молодежи, связанных в основном с отсутствием необходимых аналитических навыков, мыслительных способностей в рамках критической оценки, специальных приемов распознавания дезинформации и др.

При такой постановке вопроса можно провести некоторые параллели между наблюдаемыми образовательными тенденциями и траекториями будущего общественно-политического развития. В данном отношении актуали-

зируются некоторые проблемные плоскости политического воспитания молодого поколения, составляющие, в свою очередь, определенную систему политических вызовов и угроз, в числе которых следующие:

- ограничение предметной области жизненных целей и задач молодежи сугубо спецификой личностно-индивидуального уровня с игнорированием либо случайным выведением из фокуса общественно важных принципов и ориентиров;

- преобладание эгоистических тенденций в молодежной среде, что в том числе символизирует предельно безучастное отношение к противоречивым особенностям общественной жизни;

- утверждение среди молодых людей в целом установки на отказ от необходимости постановки значимых социальных и политических проблем и их осмысления сквозь призму собственных переживаний с параллельной отсылкой к персональному опыту;

- отсутствие в молодежной среде обеспокоенности относительно будущего общественно-политического развития страны в контексте оперирования главным образом личными мотивами и ценностями;

- распространение соответствующих практик выражения незаинтересованности актуальной общественной и политической повесткой со стороны молодых людей, что проявляется в незнании основных происходящих в государстве событийных изменений и непонимании сути необходимости участия в очередных выборах и референдумах;

- формирование образа молодежи как идеологически неподготовленной и психологически неустойчивой социальной группы, что используется с целью применения манипулятивных технологий и усиления комплексного негативного внешнего воздействия.

Не лишним в данном контексте является обращение к некоторым статистическим показателям относительно использования искусственного интеллекта обучающейся молодежью в количественном выражении – например, в соответствии с данными NtechLab и Центра развития гуманитарных технологий «Новая эра» конца мая 2025 года порядка 90% опрошенных молодых людей активно использует современные технологические возможности на основе искусственного интеллекта в учебной деятельности и в этом смысле воспринимают ИИ как особую «библиотеку знаний»¹.

Необходимо также отметить, что аналогичные данные приводились ВЦИОМ еще в декабре 2024 года, в соответствии с которыми опрошенная молодежь также в целом позитивно относилась к активному использованию

¹ Исследование: почти 90% молодежи в РФ использует технологии ИИ в повседневной жизни (2025). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/24080441/>.

ИИ в процессе обучения (около 83-87% респондентов), при этом примерно 14-15% опрошенных считало, что какие-либо ограничения в широкоформатном внедрении современных цифровых инструментов в рамках образовательного процесса вообще не нужны (причем примечательным обстоятельством является то, что чем моложе обучающиеся, тем устойчивее у них убежденность в стопроцентной эффективности ИИ при решении конкретных задач обучения)¹.

В данных условиях на первый план выводится обсуждение направлений четкого нормирования и регламентирования использования молодежью современных цифровых инструментов в образовательной деятельности в привязке к конкретным требованиям. По этому поводу можно отметить как минимум два базовых подхода.

В соответствии с первым подходом, который можно определить как лояльно-ориентированный, транслируется благоприятный сценарий, допускающий обращение молодежи к ИИ-технологиям с целью решения неоднозначных и вызывающих трудности учебных задач. При этом необходимо учитывать некоторые правила использования этих технологий, а именно: наличие базовых знаний в конкретной области, учет имеющегося опыта использования современных цифровых технологий, осуществление многоступенчатой проверки полученных данных, обмен получаемой информацией с другими участниками.

Вместе с тем не лишенным рациональных оснований является формулирование более жесткой позиции на тему плодотворных результатов использования молодежью специальных ИИ-алгоритмов в образовательном процессе². Поэтому в соответствии со вторым подходом, который также можно определить как скептико-центристский, утверждается более негативный сценарий, по которому необходимо введение полного запрета на использование искусственного интеллекта обучающейся молодежью (пожалуй, исключение могут составить только творческие процессы, связанные с обучением, например, по архитектурному или дизайнерскому профилю).

Несмотря на довольно заметные деструктивные особенности экспорта высокотехнологичных ИИ-решений в пределах существующей образовательной системы, создаваемое воздействие на когнитивные процессы и коммуникативные практики обучения молодежи можно расценивать с позиции проявления имеющихся проблемных вопросов как своего рода системы приоритетных направлений активизации соответствующей воспитательной и

¹ ИИ: ваш новый лучший друг? (2025). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug/>.

² Искусственный интеллект не идет в классы (2025). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/7674948?ysclid=mbh0p2rlty45784279/>.

методической работы, требующих, помимо прочего, более внимательного отношения со стороны государства. В данном отношении анализу подлежат такие характерные особенности молодежи, как подверженность различным психологическим отклонениям, политико-ценностная неподготовленность, изолированность из общественно-политического пространства и др.

При этом также необходимо учитывать тот факт, что подобные тренды задаются существующей социальной средой – например, в начале апреля 2025 года по результатам социологических опросов около 30% взрослого населения высказывалось в пользу задействования молодежью ИИ-инструментария при подготовке домашних заданий (справедливости ради необходимо отметить, что не менее распространенным является убеждение относительно снижения умственной нагрузки и потери мотивации к учебе и труду в результате использования ИИ в рамках образовательной деятельности, что демонстрируется почти 46% респондентов). Конечно, это является худшим сигналом в направлении политического и культурного воспитания подрастающего поколения, что требует более активного участия и принятия волевых политико-управленческих решений со стороны государства.

Данная проблематика, связанная с пониманием динамичного и столь трансформационного проникновения современных цифровых технологий в молодежную среду, актуализирует проведение углубленных научных исследований на тему определения ключевых факторов и условий подобных показательных и конвергенционных изменений образа жизни молодежи и осуществление качественного анализа выявленных проблемных особенностей цифровизации социальных отношений в целом на государственном уровне. В данной связи можно также обозначить несколько принципиальных позиций.

Во-первых, необходимо разработать специальную программу оценки эффективности конкретных достигаемых результатов реализации государственной молодежной политики, в которую в обязательном порядке включается система индикаторов использования молодежью современных цифровых технологий на основе ИИ, по которым можно определить конкретные показатели воздействия на качество формируемых знаний и конкретные деятельности компетентности и проанализировать формируемые в данной связи позитивные и негативные тенденции. Например, в качестве подобных индикаторов могут быть представлены, прежде всего, такие как частота обращения за помощью к ИИ-платформам при достижении образовательных и иных задач и объем операционализации полученной в результате задействования искусственного интеллекта информации, которая понимается как практическое руководство к тем или иным действиям.

Во-вторых, необходимо обеспечить пересмотр реализуемых государственных молодежных проектов на предмет соответствия системе доминирующих в молодежной среде идеалистических убеждений, мотивационных установок, стереотипизированных схем и т.д., что напрямую обуславливает поведенческие модели и социально-психологические особенности молодежи, определяющие направленность и стилистику принимаемых тех или иных решений и конкретных действий в рамках поставленных целей (Коряковцева, 2024). В данной связи, например, предлагаемые молодежные политические кейсы могут быть направлены, прежде всего, на акцентуацию определенных видов активности, непосредственно закрепляющих значимость и перспективность молодежного участия и формирующих стратегически важные качества молодежи – такие как отзывчивость, любознательность, трудолюбие, справедливость, конструктивность и др. (это также предполагает более осознанное и ответственное использование искусственного интеллекта в направлении решения конкретных практических задач), и создание особых возможностей в том или ином сегменте последующей профессиональной либо творческой деятельности, при этом необходимым является более адресное информирование о вводимых нововведениях в образовательной, культурной и иной сферах общественной жизни (Коряковцева, 2024).

В-третьих, необходимо определить фактические идейно-ценностные и мотивационные параметры молодежи как особой социальной группы, напрямую влияющие на формирование ее общественно-политических потребностей и личных (коллективных) интересов с целью последующего поиска основных причин подобных наблюдаемых молодежных трендов и формулирования возможных стимулирующих либо обеспечительных мероприятий в рамках реализуемой государственной молодежной политики. В данном контексте речь идет, прежде всего, о несоответствии имеющихся социологических данных реальной ситуации в молодежной среде.

В-четвертых, необходимо более пристальное внимание со стороны органов государственной власти обратить на характер формирования и распространения патриотических настроений в молодежной среде. Соответственно, актуализируются проблемы проявления молодежной аполитичности и при более неблагоприятном сценарии усиления демонстративного индифферентного отношения к социальным и политическим событиям со стороны молодежи, которые требуют более настойчивого вмешательства государства и формулирования оперативных и при этом грамотных политических решений с учетом имеющихся практических кейсов распространения деструктивной информации и интенсификации пропагандистской работы либеральных оппозиционных субъектов в молодежной среде.

Однако также необходимо особо акцентировать внимание на некоторых особенностях понимания и измерения уровня патриотизма среди молодежи (Бурда, Горчакова, Стригина, 2020). Как демонстрируют результаты аналитического мониторинга динамики распространения патриотических ценностей в молодежной среде, в среднестатистическом выражении патриотизм как политическая ценность традиционно свойственен около 70-90% молодых людей в зависимости от темпоральных и иных факторов, а также в зависимости от специфики социологической выборки и используемого научно-исследовательского инструментария. Ключевая проблема интерпретации этих данных состоит в понимании патриотизма как такового со стороны представителей молодого поколения и выстраивании ими ассоциативных рядов относительно связи с маркерами «любить и защищать государство», «гордиться достижениями государства и приумножать их», «испытывать личную ответственность за будущее государства» и т.д., закрепленными в отдельных дисциплинах высшей школы. Предметно это связывается с некоторыми трудностями при присвоении конкретного значения и формулировании соответствующих ответов на вопросы «Что для Вас является патриотизмом?» и «Считаете ли Вы себя патриотом?» – более того, серьезную обеспокоенность также вызывает крайне низкая оценка молодежью ценностного наполнения национализма (-25,5), традиционализма (-10,1), коллективизма (-7,5), что можно обозначить как заметное проявление духовно-нравственной и политической регрессии со стороны подрастающего поколения (Селезнева, 2024).

В конечном итоге происходит резкий рост лабильных социально-политических явлений и процессов в молодежном сегменте, в числе которых такие как потеря социально-политической ответственности у молодежи, девальвация национальных приоритетов в представлениях молодежи, что существенным образом расширяет пределы государственной политики, начиная с целенаправленной идейно-просветительской работы и заканчивая разработкой точечных мероприятий государственного регулирования и контроля в ответ на обнаруживаемые рискогенные концепты (Соколов, Фролов, Бабаджанян, 2024). Иными словами, создание и распространение новых практик использования искусственного интеллекта молодежью является своего рода системной проблемной областью для общества и государства, что обуславливает формирование своего рода «иммунитета» в отношении какого-либо внешнего дестабилизирующего воздействия и поддержание необходимых мировоззренческих принципов у молодежи.

Вместе с тем можно представить главным образом две основные причины появления и распространения подобных явлений и процессов среди

молодежи в контексте использования искусственного интеллекта. Прежде всего, это объективно обусловленная предельно динамичная интерполяция современных цифровых технологий в большинство повседневных практик представителей молодого поколения, что связано преимущественно с автоматизацией и оптимизацией управленческих процессов и бизнес-операций, требующих разработки и апробации эффективных платформенных ИИ-решений.

Также необходимо отметить отсутствие какого-либо выверенного и верифицированного системного подхода со стороны государства как политического института применительно к пониманию вводимых цифровых нововведений и оценке их основных позитивных и негативных последствий, что также продиктовано, во-первых, ускорением и масштабированием цифровизации общественно-политической реальности и, во-вторых, нехваткой и неотрегулированностью имеющихся ресурсных возможностей и мощностей в направлении рефлексии наблюдаемых трансформационных изменений, связанных с запуском и совершенствованием ИИ-инструментов. Другими словами, современная система государственного управления просто не готова адаптироваться под аккумулируемые цифровые реалии и соответствующим образом своевременно формулировать адекватные ответы на предъявляемые новые технологические вызовы и угрозы (Шестопал, 2024).

При подобных обстоятельствах молодежь становится объектом в целом аннигилирующего психологического и идейно-ценностного воздействия в направлении наделения молодых людей характеристиками пассивной и управляемой общественной массы, что является катастрофическим в контексте обеспечения жизнеспособности политической системы государства и транслирования национально-государственной идентичности (Бурда, Челнокова, 2025). В данной связи актуализируется поиск некоторых государственных подходов, используемых в направлении контролируемого использования искусственного интеллекта в молодежной среде, в качестве которых можно сформулировать как минимум следующие:

1. Риск-ориентированный подход. Приобщение к ИИ-культуре в рамках образовательной деятельности и обширной социальной активности в целом со стороны молодежи понимается сквозь призму транслирования конкретных рискогенных условий, создающих множество проблемных плоскостей в направлении социализации, включения в предлагаемые социально ориентированные практики в направлении формирования в данной связи политических позиций, в соответствии с чем разрабатываемые аппроксимирующие и регуляторные мероприятия должны характеризоваться зеркальным воздействием и являться предельно релевантными по отношению к кон-

клетным проявляемым монструозным последствиям абсолютизации использования молодым поколением современных цифровых технологий;

2. Этико-ориентированный подход. Популяризация инструментария на основе искусственного интеллекта в молодежной среде коррелирует с формулированием и апробацией соответствующих ограничительных действий, также направленных на создание системы главным образом идейных и ценностных установок, регламентирующих и корректирующих действия молодежи по использованию ИИ в контексте образовательных и иных целей, что связывается с разработкой специальных этических кодексов, содержащих определенные требования и критерии в части понимания предметной области и функциональных возможностей задействования ИИ-платформ;

3. Предусмотрение специальных пилотных зон верификации и демонстрации имеющихся научно-исследовательских прикладных разработок в области ИИ, применяемых в различных отраслях социальной сферы, включая образовательную систему, что позволяет на начальном этапе спрогнозировать и купировать потенциальное вредоносное воздействие на неподготовленную часть молодежи в результате несознательного либо несанкционированного использования искусственного интеллекта;

4. Создание различных образовательных модулей в привязке к действующим образовательным программам (в частности, программы среднего, среднего профессионального, дополнительного профессионального, высшего образования, а также программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки), с одной стороны, с целью формирования новых полезных знаний и практических навыков у молодежи в области математики, программирования, машинного обучения и т.д., что способствует адекватному и рамочному использованию искусственного интеллекта в том или ином срезе социальных отношений, с другой стороны, с целью сохранения и последующего транслирования имеющихся исторически обусловленных классических традиций в образовательной сфере.

В конечном итоге если объективировать данные тезисы на тему определения наиболее жизнеспособных вариантов противодействия негативному влиянию современных цифровых технологий на качество решения образовательных задач со стороны молодежи и, соответственно, на уровень ее политического воспитания, необходимо актуализировать обсуждение поиска политической идеологии, что является стержневым для развития молодежного самосознания, и укрепления в этой связи политико-идентификационных конструктов в молодежной среде (Селезнева, 2024). Доминантность и устойчивость политико-идеологических принципов непосредственно конституирует прочную связь молодежи с государственными идеалами и институтами.

В данном отношении особое значение приобретает работа с молодежным мобилизационным потенциалом на социально ориентированном уровне. При этом от успешности данной работы напрямую зависит сохранение государством своей целостности и стабильности.

Литература

Blackwell, A. F. (2021). Ethnographic Artificial Intelligence. *Interdisciplinary Science Reviews*, 46(1-2), 198-211. <https://doi.org/10.1080/03080188.2020.1840226>

Endsley, M. R. (2023). Ironies Of Artificial Intelligence. *Ergonomics*, 66(11), 1656-1668. <https://doi.org/10.1080/00140139.2023.2243404>.

Бурда, М. А., Горчакова, А. Р., Стригина, Н. С. (2020). Современные особенности становления новых агентов политической социализации молодежи. *Среднерусский вестник общественных наук*, 15(2), 99-109. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-2-99-109>

Бурда, М. А., Челнокова, А. П. (2025). Национально-государственная идентичность в современной России: особенности и этапы формирования. *Политика и общество*, 1, 136-148. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.1.71912>

Коряковцева, О. А. (2024). Общероссийская ценностная система и воспитание гражданина. *Мир русскоговорящих стран*, 2(20), 5-18. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5>

Селезнева, А. В. (2024). Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 77, 275-289. <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/23>

Селезнева, А. В. (2024). Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения. *Представляю номер. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), 223-233. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233>

Соколов, А. В., Фролов, А. А., Бабаджанян, П. А. (2024). Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), 389-405. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-389-405>

Шестопад, Е. Б. (2024). Представления российских граждан о будущем своей страны: смысловые акценты и психологическая оптика. *Политическая наука*, 4, 190-216. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.08>

References

Blackwell, A. F. (2021). Ethnographic Artificial Intelligence. *Interdisciplinary Science Reviews*, 46(1-2), 198-211. <https://doi.org/10.1080/03080188.2020.1840226>

Burda, M. A., CHelnokova, A. P. (2025). Nacional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennoj Rossii: osobennosti i etapy formirovaniya. *Politika i obshchestvo*, 1, 136-148. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.1.71912> (In Russ)

Burda, M. A., Gorchakova, A.R., Strigina, N.S. (2020). Sovremennye osobennosti stanovleniya novyh agentov politicheskoy socializacii molodezhi. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 15(2), 99-109. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-2-99-109>

Endsley, M. R. (2023). Ironies Of Artificial Intelligence. *Ergonomics*, 66(11), 1656-1668. <https://doi.org/10.1080/00140139.2023.2243404>

Koryakovceva, O. A. (2024). Obshcherossiyskaya cennostnaya sistema i vospitanie grazhdanina. *Mir russkogovoryashchih stran*, 2(20), 5-18. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5> (In Russ)

Selezneva, A. V. (2024). Cennostno-mirovozzrencheskie osnovaniya politiki: konceptual'noe osmyslenie i linii empiricheskogo izucheniya. *Predstavlyayu nomer. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 26(2), 223-233. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233> (In Russ)

Selezneva, A. V. (2024). Politicheskie cennosti rossijskoj molodezhi: tradicionnye smysly v sovremennyh usloviyah. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 77, 275-289. <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/23> (In Russ)

SHestopal, E. B. (2024). Predstavleniya rossijskih grazhdan o budushchem svoej strany: smyslovye akcenty i psihologicheskaya optika. *Politicheskaya nauka*, 4, 190-216. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.08> (In Russ)

Sokolov, A. V., Frolov, A. A., Babadzhanyan, P. A. (2024). Uklonenie studencheskoj molodezhi ot obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti: prichiny, formy i sposoby vovlecheniya. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 26(2), 389-405. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-389-405>. (In Russ)

Для цитирования: Шевченко, Е. С. Цифровые проблемы политического воспитания молодежи в рамках современной образовательной системы / Е. С. Шевченко // *PolitBook*. – 2026. – № 1. – С. 151-164. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-151-164.

И.В. Клипакова**I. Klipakova****ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СТРУКТУРА, СУБЪЕКТЫ
И МЕХАНИЗМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ****INSTITUTIONAL
ARCHITECTURE OF YOUTH
POLICY IN MODERN
RUSSIA: STRUCTURE,
SUBJECTS AND
MECHANISMS OF
IMPLEMENTATION****Аннотация**

В статье анализируются институциональные факторы, определяющие формирование и развитие молодежной политики в современной России. Исследование исходит из того, что молодежная политика представляет собой многоуровневую систему, включающую нормативно-стратегические, организационно-управленческие и практические механизмы, обеспечивающие условия для развития, социализации и самореализации молодого поколения. Рассматриваются особенности участия ключевых политических институтов – Президента Российской Федерации, Федерального Собрания, Правительства, федеральных министерств и ведомств, политических партий – в определении стратегических приоритетов и нормативно-правовой базы молодежной политики. Значительное внимание уделено анализу деятельности исполнительных органов, в частности Росмолодежи, Министерства просвещения и Министерства науки и высшего образования, обеспечивающих практическую реализацию политических решений.

Методологическую основу исследования составляют системный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать молодежную политику как комплексный социально-политический институт, формируемый во взаимодействии государства, негосударственных акторов и самой молодежи. Использование сравнительного анализа позволило выявить различия в региональных моделях реализации молодежной политики, обусловленные социально-экономическими и культурными особенно-

Abstract

The article analyzes the institutional factors that determine the formation and development of youth policy in contemporary Russia. The study proceeds from the understanding that youth policy represents a multilevel system that includes normative-strategic, organizational-managerial, and practical mechanisms that create conditions for the development, socialization, and self-realization of the younger generation. The article examines the characteristics of the participation of key political institutions—the President of the Russian Federation, the Federal Assembly, the Government, federal ministries and agencies—in defining strategic priorities and the regulatory framework of youth policy. Significant attention is given to analyzing the activities of executive bodies, particularly Rosmolodezh, the Ministry of Education, and the Ministry of Science and Higher Education, which ensure the practical implementation of political decisions.

The methodological basis of the study includes systemic and institutional approaches, which make it possible to view youth policy as a complex socio-political institution formed through the interaction of the state, non-state actors, and youth itself. The use of comparative analysis made it possible to identify differences in regional models of youth policy implementation, conditioned by the socio-economic and cultural characteristics of various constituent entities of the Russian Federation. The analysis of empirical data and regulatory acts demonstrated the growing importance

стями различных субъектов Российской Федерации. Анализ эмпирических данных и нормативно-правовых актов продемонстрировал растущее значение негосударственных институтов – молодежных организаций, волонтерских движений, студенческих сообществ – в расширении возможностей политического участия и самореализации молодежи.

Результаты исследования показывают, что современная молодежная политика в России приобретает стратегический характер и интегрируется в систему национальных целей развития. Предложенная авторская трёхконтурная архитектура молодежной политики (нормативно-стратегический, институционально-практический и контур молодежной субъектности) позволяет более полно раскрыть механизмы её функционирования и определить ключевые направления дальнейшей модернизации. Делается вывод о том, что повышение эффективности молодежной политики требует укрепления взаимодействия государства с гражданским обществом, развития молодежного лидерства и усиления адресности мер поддержки в условиях политических, социальных и технологических трансформаций.

Ключевые слова:

молодежная политика, институциональная архитектура, Россия, трёхконтурная модель, политические институты, политическая субъектность молодежи.

of non-state institutions – youth organizations, volunteer movements, and student communities – in expanding opportunities for political participation and self-realization among young people.

The results of the study show that modern youth policy in Russia is acquiring a strategic character and is becoming integrated into the system of national development goals. The author's proposed three-contour architecture of youth policy (normative-strategic contour, institutional-practical contour, and the contour of youth agency) makes it possible to more fully reveal the mechanisms of its functioning and to determine key directions for further modernization. The conclusion is drawn that improving the effectiveness of youth policy requires strengthening cooperation between the state and civil society, developing youth leadership, and enhancing the targeting of support measures amid political, social, and technological transformations.

Key words:

youth policy, institutional architecture, Russia, three-contour model, political institutions, youth political subjectivity.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-165-175>

Молодежная политика в современной России рассматривается как стратегическое направление политической жизни, направленное на создание условий для успешной социализации молодежи, её включения в социально-политическую, экономическую и культурную жизнь общества. Мы исходим из того, что молодежная политика имеет институциональное, правовое, организационное и иные измерения, а также комплексы механизмов, обеспечивающих поддержку молодого поколения в ключевых сферах жизнедеятельности, в том числе в вопросах политического участия. Исследователи отмечают, что её сущность заключается не только в реализации поддержки молодежи, но и в создании условий для самореализации и политической субъектности молодых граждан (Knyaz'kova & Vlasova, 2023, p. 61–64).

Современные авторы обращают внимание на то, что нынешняя молодёжная политика должна отвечать вызовам политической модернизации и изменению структуры молодёжного участия, обеспечивая развитие молодёжного лидерства и политической активности (Порова, 2018, р. 493–495). Иными словами, сущность молодёжной политики заключается в её институциональной природе, комплексности и направленности на развитие потенциала молодого поколения. Она выступает важнейшим механизмом формирования человеческого капитала и политической интеграции молодёжи в условиях трансформации российского общества (Moiseev & Shumilov, 2015).

Представители различных научных школ не только по-разному определяют молодёжную политику, но и предлагают разные подходы к определению её сущности. Это касается не только молодёжной политики, но и феномена молодёжи с точки зрения социологии, психологии, демографии и других наук. К примеру, представляется возможным «выделить возрастные особенности, в частности используемый социологами «возрастной критерий» или «возрастной подход», используемый учеными-демографами, как существенный критерий при определении понятия молодежь, а также иные подходы, используемые учеными из других отраслей науки» (Alekhina & Putrya, 2020, р. 45). Поэтому мы можем предложить авторское определение молодёжной политики как системы государственных, муниципальных и общественно-политических мер, направленных на создание условий для развития, социализации и самореализации молодёжи, а также её интеграции в социально-экономическую и политическую жизнь общества. В процессе наших дальнейших исследований мы планируем уточнить это определение применительно к реалиям политической жизни современной России.

Методология исследования включает совокупность аналитических подходов, позволяющих комплексно изучить институциональные факторы формирования молодёжной политики в современной России. Системный анализ даёт возможность рассматривать молодёжную политику как многоуровневый социально-политический институт, функционирующий во взаимодействии государства, негосударственных акторов и самой молодёжи как специфической социальной группы. Такой подход позволяет выявить особенности распределения компетенций между федеральными, региональными и муниципальными структурами, а также определить степень включенности институтов гражданского общества в процессы принятия решений.

Особое значение имеет использование институционального подхода, который позволяет исследовать молодёжную политику через призму нормативно-правовых механизмов, организационных форм и устойчивых правил, определяющих политическое участие молодёжи. Сравнительный метод при-

менялся для анализа региональных моделей реализации молодёжной политики, которые демонстрируют значительные различия в зависимости от социально-экономического развития территории, политической культуры и активности местных молодёжных организаций. Мы исходим из того, что сравнительные наблюдения позволяют выявить факторы, повышающие или ограничивающие эффективность молодёжной политики на местах.

Таким образом, выбранная методология позволяет всесторонне исследовать институциональные механизмы, определяющие содержание и результаты современной молодёжной политики, выявить её противоречия и определить направления дальнейшего развития.

Формирование и реализация молодёжной политики в современной России опирается на сложную систему политических институтов, каждый из которых выполняет специфические функции и вносит собственный вклад в определение приоритетов, разработку стратегических документов и практическое воплощение программ, ориентированных на молодое поколение. На федеральном уровне ключевую роль играют институты президентской власти, федеральные органы исполнительной власти и законодательные структуры. Их деятельность задаёт общенациональные ориентиры развития, определяет правовые рамки и обеспечивает стратегическую согласованность мер в сфере молодёжной политики. Значимым элементом является и региональный уровень, где реализуются федеральные установки с учётом локальных социально-экономических условий и потребностей молодых людей. Государственная молодежная политика Российской Федерации призвана не только отвечать базовым запросам современной молодежи, но и одновременно с этим управлять процессом социализации молодых людей (Shchedrova, 2025, с. 83).

Президент Российской Федерации выступает центральным политическим актором, определяющим стратегические ориентиры государственной молодёжной политики. Его влияние проявляется как в формировании долгосрочных приоритетов, так и в институциональном закреплении ключевых направлений поддержки молодёжи. Через систему указов, ежегодные послания Федеральному Собранию и утверждение стратегических документов президент задаёт общенациональный вектор развития, определяет цели, задачи и механизмы государственной политики в отношении молодого поколения.

7 мая 2025 года Президент России В.В. Путин подписал указ №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Среди прочего стоит обратить внимание на следующие показатели, которых необходимо достичь:

- увеличение к 2030 году доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, не менее чем до 75%;

- увеличение к 2030 году доли молодых людей, верящих в возможности самореализации в России, не менее чем до 85%¹.

Этот и многие другие указы свидетельствуют о значительном уровне вовлечённости Президента в разрешение проблем российской молодёжи. Не игнорируя роль иных институтов, мы полагаем, что в дальнейшем роль главы государства в формировании молодёжной политики в России будет оставаться ключевой.

Ключевую роль в обеспечении реализации молодёжной политики играет Федеральное Собрание как законодательный орган власти. Отметим, что в 2024 году был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации». В тексте данного нормативно-правового акта молодёжная политика определена как «комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральной территории «Сириус», органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации, в том числе индивидуальных предпринимателей, и направленных на создание условий для развития молодёжи, защиты ее прав и законных интересов, а также ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на патриотическое воспитание молодёжи и духовно-нравственное воспитание молодёжи в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации, укрепления суверенитета Российской Федерации и традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

¹ Президент Российской Федерации. (2024). Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>.

² Российская Федерация. (2024). Федеральный закон от 28.12.2024 г. №550-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О молодёжной политике в Российской Федерации"». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51552>.

Парламент Российской Федерации играет ключевую роль в институционализации и нормативно-правовом обеспечении молодежной политики. Как федеральный законодательный орган, Федеральное Собрание формирует нормативно-правовую базу, определяющую цели, механизмы и приоритеты государственной молодежной политики, включая вопросы образования, занятости, гражданского участия и поддержки молодежных инициатив. Государственная Дума, рассматривая и принимая профильные федеральные законы, влияет на содержание стратегических документов и программ, направленных на развитие человеческого капитала и обеспечение социальной стабильности. Совет Федерации, в свою очередь, обеспечивает согласование молодежной политики с региональными интересами, что особенно важно в условиях значительной территориальной и социально-экономической дифференциации субъектов Российской Федерации.

Особое значение имеет парламентский контроль за исполнением молодежных программ, включая мониторинг реализации национальных проектов и государственных программ, затрагивающих молодое поколение. Через парламентские слушания, запросы и экспертные обсуждения законодательная власть способствует корректировке существующих механизмов поддержки молодежи и формированию условий для их адаптации к новым социально-экономическим вызовам. Таким образом, парламент выступает не только источником законодательных инициатив, но и площадкой для общественного диалога, обеспечивая участие молодежных организаций и экспертного сообщества в процессе принятия решений.

Основным федеральным органом исполнительной власти, отвечающим за реализацию государственной молодежной политики в России, является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Агентство активно развивает кадровую и профессионально-социализирующую работу, а также способствует карьерному росту молодых людей. Это осуществляется через широкий спектр инструментов: программы социальной адаптации, профориентационные мероприятия, открытые лекции и семинары, всероссийские и региональные молодежные форумы, форсайт-проекты и обучающие курсы. Их главная цель — помочь молодому человеку определить собственный путь профессионального развития и построения карьеры.

Параллельно проводятся конкурсы, направленные на выявление талантливых и перспективных молодых специалистов, последующее сопровождение их развития и содействие трудоустройству через систему менторства в бизнес-структурах, государственных и муниципальных учреждениях, политических партиях, общественных организациях. Молодежная политика, проводимая агентством, предусматривает воспитание молодёжи в духе пат-

риотизма, в контексте чего «главными ценностями выступают страна, государство, земля» (Biryukov & Sazonov, 2021, p. 88).

Стоит также отметить роль исполнительной власти в обеспечении молодёжной политики. основополагающим документом в сфере молодёжной политики является распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 года №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики РФ на период до 2025 года», где указаны цели, приоритетные направления и принципы реализации, обозначены основные термины и понятия, относящиеся к государственной молодёжной политике (Leonova, 2020, p. 123).

Министерство просвещения (Минпросвещения) занимается передачей опыта в развитии профессионалов-наставников и вовлечении молодёжи через образовательные и воспитательные механизмы. Ведомство участвует в запуске онлайн-курсов: например, курс «Система молодёжной политики» на платформе Росмолодёжь (совместно с Минпросвещения, Минобрнауки и др). Минпросвещения входит в число ведомств, ответственных за программы включения молодёжи в волонтерство, предпринимательство, общественно-полезную деятельность. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки) формирует молодёжную политику главным образом через создание и координацию рамочных условий для студенчества и молодёжи в вузах: учреждён Совет при Министерстве по реализации государственной молодёжной политики для взаимодействия с федеральными и региональными органами. Также ведомство участвует в Национальном проекте «Молодёжь и дети» (начат в 2025 году), в рамках которого реализуются меры по вовлечению молодёжи в общественную деятельность, патристическому воспитанию, развитию навыков и самореализации. Сегодня внимание действующих в молодёжной сфере региональных органов власти сосредоточено на студенчестве, и почти без внимания остаются те молодые люди, которые оказываются вне организованных структур – школ, колледжей, вузов и общественных организаций (Podyachev & Khalii, 2020, p. 272). Тем не менее, университеты и иные высшие учебные заведения играют ключевую роль в реализации молодёжной политики. Это обусловлено довольно высоким уровнем охвата российской молодёжи высшим образованием. При этом молодёжная политика оказывает значительное влияние и на развития университетов: согласно результатам опросов 145 проректоров российских университетов из 52 регионов РФ, проведённых в период с октября по декабрь 2023 года, 74% респондентов отметили серьёзное воздействие молодёжной политики на развитие университета (Ostrovkin & Sandler, 2024, p. 80-81).

Важную роль в реализации молодёжной политики играют политические партии. Особых успехов в рассматриваемой нами сфере добилась пар-

тия «Единая Россия». Ещё в 2005 году была создана «Молодая Гвардия Единой России». Многие из проектов организации направлены на вовлечение молодых людей в политическую жизнь. Проекты «Школа муниципального депутата» и «Федеральный молодежный избирательный штаб» полностью посвящены тематике выборов, как для тех, кто желает сам стать кандидатом, так и для тех, кто хочет поработать в избирательном штабе либо наблюдателем (Mosolikov, 2016, р. 110). Также стоит отметить довольно успешную молодёжную политику КПРФ, которая во многом унаследовала традиции КПСС и ориентирована на воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма и коммунистической идеологии одновременно. Стоит согласиться с мнением А.И. Серавина, утверждающего, что «демократия работает тогда, когда она ближе к людям» (Seravin, 2025, р. 44). При этом публичный политический активизм в современной России «остаётся уделом сравнительно небольшой группы молодых людей, которые, выбрав этот путь для ускоренного движения по карьерной лестнице, активно продвигают свой образ в социальных сетях» (Tokarev, 2024, р. 159).

Наряду с институтами власти, развитие молодёжной политики определяется условиями формирования гражданского общества. А.К. Сковиков, рассматривая гражданское общество в России, отмечает, что «вектор социально-политических, экономических и культурных преобразований зависит от лиц, обладающих властными полномочиями» (Skovikov, 2014, р. 2668). При этом не следует преуменьшать роль институтов собственно гражданского общества, относительно свободного от непосредственного контроля политической элиты. К таким институтам относятся общественные организации, молодёжные движения, благотворительные фонды, профессиональные ассоциации, студенческие и волонёрские объединения, а также частные образовательные и культурные учреждения. Они участвуют в формировании социально значимых инициатив, развивают волонтерство, гражданскую активность, молодёжное предпринимательство, создают пространства для творчества, науки и саморазвития. Благодаря гибкости и независимости такие структуры способны быстрее реагировать на запросы молодёжи, проводить эксперименты с новыми форматами работы, привлекать внебюджетные ресурсы, партнёров и экспертов. Взаимодействуя с государством через гранты, конкурсы, партнёрские программы и общественные советы, негосударственные институты усиливают эффективность молодёжной политики, делают её более разнообразной, адресной и ориентированной на реальные потребности молодых людей.

В последующих работах мы планируем более подробно рассмотреть роль негосударственных институтов в реализации молодёжной политики.

Однако проведённое исследование позволяет нам составить авторскую модель архитектуры молодёжной политики в контексте российских реалий. Модель включает три взаимосвязанных контура, которые можно представить в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Трёхконтурная архитектура молодёжной политики

	Нормативно-стратегический контур	Институционально-практический контур	Контур молодёжной субъектности
Состав контура	Президент, Федеральное Собрание, Правительство, министерства.	Росмолодёжь, Минпросвещения, Минобрнауки, региональные органы, университеты, муниципалитеты, политические партии.	молодые люди, молодёжные организации, волонтеры, студенчество, неформальные объединения.
Функциональный аспект	- формирует стратегические цели (например, цели до 2030 и 2036 гг.); - задаёт нормативную рамку, определяет приоритеты; - распределяет ресурсы; - обеспечивает идеологическую и ценностную направленность политики.	- преобразует стратегические цели в программы и проекты; - реализует образовательные, воспитательные, кадровые и социальные механизмы; - отвечает за организацию форумов, грантов, наставничества, волонтерства.	- определяет реальные практики участия; - формирует запросы, ожидания, реакции; - выступает источником инноваций и форматов самоорганизации; - создаёт обратную связь системе.
Ключевой показатель	согласованность стратегических ориентиров и единство нормативных документов.	институциональная адаптивность как способность средних уровней адаптировать федеральные решения под региональные условия.	уровень участия, самоорганизации, доверия к институтам, вера в возможности самореализации.

Проведённый анализ позволяет заключить, что современная молодёжная политика в России представляет собой комплексный, многоуровневый и институционально насыщенный механизм, ориентированный на развитие человеческого капитала и формирование политической субъектности молодого поколения. Молодёжная политика уже давно вышла за рамки узкого

набора программ поддержки и стала элементом стратегического управления политической жизнью, интегрированного в систему национальных целей, социального развития и устойчивости политической системы.

Установлено, что ключевую роль в формировании приоритетов и нормативно-правового каркаса молодёжной политики играет высшее федеральное руководство – Президент, Федеральное Собрание и Правительство Российской Федерации. Именно эти институты задают стратегические ориентиры, определяют цели и обеспечивают межведомственную координацию. Вместе с тем эффективная реализация данных решений возможна лишь при активном участии исполнительных органов, таких как Росмолодежь, Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования, которые трансформируют стратегические установки в конкретные управленческие практики.

Отдельное значение имеет деятельность негосударственных институтов – молодёжных объединений, волонтёрских движений, общественных организаций и образовательных учреждений. Их участие повышает гибкость системы, обеспечивает адресность мер и позволяет учитывать реальные запросы молодых людей, включая те социальные группы, которые находятся вне организованных образовательных или общественных структур.

Важно, что проведённый анализ показал наличие существенных различий в реализации молодёжной политики на региональном уровне, обусловленных как социально-экономическими особенностями территорий, так и уровнем политической культуры, институциональной инерционностью и степенью включенности гражданского общества. В этих условиях особую значимость приобретает комплексный подход к оценке эффективности молодёжной политики.

В рамках исследования была предложена авторская трёхконтурная архитектура молодёжной политики, включающая нормативно-стратегический, институционально-практический и контур молодёжной субъектности.

Сформулированные теоретические выводы подтверждают, что в условиях политических, социальных и технологических трансформаций России молодёжная политика будет и далее оставаться ключевым направлением политического управления. Усиление её эффективности требует большего внимания к развитию молодёжного лидерства, поддержке инициатив «снизу», снижению институциональной инерционности и обеспечению постоянной взаимосвязи между стратегическими целями и реальными потребностями молодых людей.

References

- Alekhina, I. S., & Putrya, N. G. (2020). Youth as a subject and object of state youth policy: Problematic aspects of the conceptual framework. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*, (3), 39–46. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-3-39-46> (In Russ)
- Biryukov, S. V., & Sazonov, I. S. (2021). Youth policy: Modern understanding and approaches to research. *Razvitie Territory*, (4), 85–90. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-4-85-90> (In Russ)
- Knyaz'kova, E. V., & Vlasova, T. E. (2023). Institutionalization of new priorities of state youth policy in Russia: Conditions, challenges, solutions. *Srednerusskiy Vestnik Obshchestvennykh Nauk*, 18(1), 59–71. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-1-59-71>
- Leonova, O. V. (2020). State youth policy of the Russian Federation: Practice of formation and new legislative paradigms. *Vlast'*, (6), 122–129. (In Russ)
- Moiseev, A. N., & Shumilov, A. V. (2015). Efficiency and innovations of youth policy in modern Russia: Contradictions of theory and practice of measurement. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, (1–1), 1918. (In Russ)
- Mosolikov, S. (2016). The youth organization "Young Guard of United Russia": Structure, stages of development, activities. *Postsovetskiy Materik*, 4(12), 104–114. (In Russ)
- Ostrovkin, D. L., & Sandler, D. G. (2024). Youth policy and its role in the strategic development of the university. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 21. Upravlenie (Gosudarstvo i Obshchestvo)*, (4), 70–92. <https://doi.org/10.18799/26584956/2024/1/1757>
- Podyachev, K. V., & Khalii, I. A. (2020). State youth policy in modern Russia: Concept and reality. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, 20(2), 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276> (In Russ)
- Popova, O. V. (2018). The political potential of youth leadership in the Russian context: Results of an interregional study. *Politicheskaya Ekspertiza: POLITEKS*, 14(4), 492–511. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.403> (In Russ)
- Seravin, A. I. (2025). On trust in political institutions in the context of challenges to deliberative democracy. *Vlast'*, (5), 36–45. (In Russ)
- Skovikov, A. K. (2014). Power and civil society: A dialogue of interaction. *Fundamental'nye Issledovaniya. Politicheskie Nauki*, (12), 2668–2672. (In Russ)
- Tokarev, A. A. (2024). Mass consciousness of Russian youth: The image of the future. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (6), 154–169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>
- Shchedrova, G. P. (2025). Youth policy in modern Russia: Challenges and trends. *Vlast'*, (2), 80–85. (In Russ)

Для цитирования: Клипакова, И. В. Институциональная архитектура молодежной политики в современной России: структура, субъекты и механизмы реализации / И. В. Клипакова // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 165-175. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-165-175.

Н.П. Кузьменко**N. Kuzmenko****ТЕХНОЛОГИИ,
ПРОБЛЕМЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(ПО ИТОГАМ
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)****TECHNOLOGIES,
PROBLEMS AND
PROSPECTS FOR THE
INSTITUTIONALIZATION
OF POLITICAL
EDUCATION IN MODERN
RUSSIA (BASED ON THE
RESULTS OF AN EXPERT
SURVEY)****Аннотация**

Современный контекст геополитических трансформаций и обусловленные ими когнитивно-ценностные вызовы предполагают появление новых требований к политическому портрету молодого гражданина, его знаниям и компетенциям. В данной связи институционализация политического образования в системе основного и профессионального обучения является своевременным ответом на возникающие риски, способом конструирования политической культуры и обеспечения процесса политической социализации молодежи, а также механизмом укрепления гражданской идентичности. Автор имеет цель рассмотрения политического образования в качестве института и описания его институциональных признаков, таких как реализация технологий и практик в образовательной среде, которые призваны формировать у обучающихся политические ценности, знания, представления и мотивации к конструктивным формам гражданской и политической активности. Методология исследования опирается на подходы представителей неoinституционализма, структурного функционализма и концептуальные основы политического образования. Эмпирическую базу исследования составили 22 экспертных интервью с представителями институциональных образовательных структур, что позволило выявить сформированность технологий и практик политического образования на разных ступенях обучения в качестве признаков его институционализации. К наиболее эффективным технологиям эксперты отнесли нормативные, институцио-

Abstract

The current context of geopolitical transformations and the cognitive and value challenges they entail presuppose the emergence of new requirements for the political portrait of a young citizen, his knowledge and competencies. In this regard, the institutionalization of political education in the system of basic and vocational education is a timely response to emerging risks, a way to construct a political culture and ensure the process of political socialization of young people, as well as a mechanism for strengthening civic identity. The author aims to consider political education as an institution and description its institutional features, such as the implementation of technologies and practices in the educational environment, which are designed to form students' political values, knowledge, ideas and motivation for constructive forms of civic and political activism. The research methodology is based on the approaches of representatives of neo-institutionalism, structural functionalism and the conceptual foundations of political education. The empirical basis of the study consisted of 22 expert interviews with representatives of institutional educational structures, which made it possible to identify the formation of technologies and practices of political education at different levels of education as signs of its institutionalization. Experts have classified normative, institutional, interactive, educational and methodical technologies as the most effective ones.

нальные, интерактивные, учебно-методические. Выявлены действенные практики политического образования: реализация федеральных стандартов и программ, локальные инициативные практики, моделирование политических процессов, участие в общественно-политических мероприятиях и движениях, опора на политику памяти. Результатом стало определение тенденции «школа-вуз» в системе политического образования, в то время как система СПО зачастую находится вне фокуса и требует внимания к реализации образовательных практик. Систематизация практик и технологий позволила определить перспективы и лакуны в системе политического образования, что позволяет пополнить эмпирический арсенал изучения данной темы в отечественной политической науке.

Ключевые слова:

политическое образование, молодежь, технологии, практики, система образования, проблемы, перспективы.

Effective practices of political education have been identified: implementation of federal standards and programs, local initiative practices, modeling of political processes, participation in socio-political events and movements, reliance on the politics of memory. The result was the identification of the "school-university" trend in the political education system, while the vocational education system is often in full focus and requires attention to the implementation of educational practices. The systematization of practices and technologies has made it possible to identify prospects and gaps in the system of political education, which makes it possible to replenish the empirical arsenal of studying this topic in Russian political science.

Key words:

political education, youth, technologies, practices, education system, problems, prospects.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-176-196>

В условиях протекающих политических процессов и нарастающих когнитивно-ценностных вызовов выстраивание последовательной модели политического образования является своевременной мерой, позволяющей обеспечивать успешность политической социализации молодежи, формировать чувство ответственности за судьбу государства, укреплять потенциал и компетенции молодых граждан, что позитивно повлияет на состояние их политической субъектности и развитие политической культуры.

Вопрос об институционализации политического образования в современной России рассматривается в публичном и научном дискурсе, указывая на необходимость детального погружения в содержательный процесс получения знаний о политической системе в ее историческом срезе и актуальном контексте, анализа механизмов, практик и инструментов трансляции системы политических ценностей и установок. В данной связи необходимо изучение реализации политического образования на разных ступенях обучения, что позволит выявить эффективные технологии, оценить роль агентов в системе политического просвещения, зафиксировать лакуны, препятствующие успешному усвоению системы политических знаний.

Проблематика политического образования находит отражение в ряде научных трудов зарубежных и отечественных мыслителей. М. Оук-

шотт (Oakshott, 1962) разделял политическое образование на универсальное, проводимое социальными институтами, среди которых главенствующая роль отведена школе, и профессиональное, осуществляемое в рамках системы высшего образования с помощью подготовки к участию в политической жизни и закреплению политических ориентиров. Г. Алмонд и С. Верба (Almond & Verba, 2014) наделяли политическое просвещение функцией конструирования политической культуры и политических представлений, чувства идентичности и национального самоопределения. В. Сандер указывал на возможность формирования критического мышления через систему политических знаний, которые должны быть вне рамок доктринальности (Sander, 2004).

Политическое образование рассматривается в академическом дискурсе в качестве одного из институциональных механизмов успешной политической социализации и ресоциализации, в частности в условиях расширения политического и социокультурного пространства в РФ.

Е.Б. Шестопал подчеркивала, что роль традиционных агентов политического просвещения, таких как институт образования, трансформируется в связи с изменениями социокультурных и политических реалий, в которых акторы сами нуждаются в ресоциализации (Shestopal, 2008). А.В. Селезнева и В.Е. Зиненко отмечают, что именно школа и учреждения образования закрепляют политические установки в контексте реализации государственной политики гражданского и патриотического воспитания, где процесс политического образования становится линейным и наполняется содержательностью в контексте укрепления политической культуры молодежи (Selezneva & Zinenko, 2021).

Таким образом, отмеченные авторами трансформации политической, социокультурной, правовой и иных сфер жизни обуславливают изменения в содержательном наполнении политической социализации, в которой институт политического образования призван обеспечить не только закрепление политических знаний и ценностей, но и плавную интеграцию в историко-культурный, политико-правовой контекст новых общественных реалий. В данной связи институт политического образования на протяжении кардинальных социальных преобразований (распад СССР и возникновение новой политико-административной элиты, транслирующей необходимость политического и гражданского воспитания, воссоединение с историческими регионами, подразумевающее политическую ресоциализацию и иные перемены) также трансформировался и усиливал влияние на конструирование политических представлений, в особенности молодых граждан.

Об особенностях содержательных изменений в системе государственных институтов в период масштабных политических сдвигов размышляла Е.Б. Ше-

стопал, в представлениях которой политическая грамотность, уровень образования, характер политической социализации отражают трансформации в самой социально-политической среде, что учена описала на примере преобразований на постсоветском пространстве.

Политическое образование как механизм конструирования общероссийской гражданской идентичности в системе политической социализации молодежи описывается в работах Я.Ю. Шашковой и С.Ю. Асеева (Shashkova, & Aseev, 2023), И.В. Самаркиной, (Samarkina, 2024), технологии политического образования в коммуникативном пространстве проанализированы в работе Н.Г. Щербининой (Shcherbinina, Krasnoperov & Avanesova, 2025). М.Н. Коцина отмечает, что процесс укрепления когнитивного и аксиологического компонентов политической социализации и формирование политического сознания молодежи характеризуется как целенаправленный, проводимый социальными субъектами и институтом образования (Kotsina, 2018).

Анализ образования как института политической социализации и формирования гражданской ответственности молодежи в представлениях А.В. Шумилова, должен учитывать компоненты политического образования: понимание основ функционирования государства, развитие критического мышления, анализ актуальных политических процессов (Shumilov & Shumilova, 2015). В данной связи современные исследователи рассматривают реализацию политических знаний в рамках, внедренных на федеральном уровне проектов и дисциплин, таких как «Разговоры о важном», а также установленных традиций поднятия флага и пения гимна России в качестве элементов символической политики, что позволяет конструировать политическое сознание молодежи на основе прочного фундамента знаний о государстве (Tolmacheva & Amelina, 2023).

Н.В. Жевакина утверждает, что политическая социализация в системе высшего образования связана с усвоением прочной системы политических знаний и представлений (Zhevakina, 2021). А.И. Соловьев указывает на появление требований к когнитивным компонентам гражданского воспитания и политической образованности как результатам политической социализации личности и политической коммуникации власти и общества, указывая на государственное проектирование содержания политических знаний (Соловьев, 2022).

Ряд отечественных авторов (Gorelov, Gorelova & Khloponina, 2025) отразили результаты осмысления актуальных практик политического образования, в частности дисциплины «Основы российской государственности», внедренной в систему высшего образования. П.Е. Бойко и Г.Л. Галустьянц отмечают, что целью является поиск баланса между историческим знанием и

актуальным социально-политическим развитием. Курс транслирует политические знания на основе специфики исторического развития России и не акцентирует внимание на конкретной доктринальной системе, что повышает его эффективность (Boyko & Galust'yants, 2023).

Теоретический анализ позволяет сформировать мнение о существовании неподдельного интереса к изучению способов и результатов трансляции политического знания в образовательной среде, а также институциональных признаков политического образования. В этой связи целью работы является рассмотрение технологий и практик политического образования на уровне основного, среднего и высшего профессионального образования; определение и формулирование ключевых проблем и перспектив в процессе получения политического образования.

Методологический конструкт работы опирается на неинституциональный подход, позволяющий рассматривать технологии и практики политического образования в качестве целостного института, имеющего характерные признаки С.В. Патрушев, О.И. Зазнаев (Patrushev, 2020; Zaznaev, 2011); идеи А.И. Щербинина (Shcherbinin, 1992) о политическом образовании как фундаменте политической социализации и механизме укрепления политической культуры; теорию структурного функционализма Г. Алмонда, С. Вербы (Almond & Verba, 2014) и Д. Истона (Easton, 1969) в интерпретации феномена политической культуры, который дал интерпретацию понятиям «гражданское воспитание» и «политическое просвещение», используемых в работе как фундамент для трактовки политического образования.

Исходя из указанных теоретических конструктов, мы даем следующую интерпретацию институционализации политического образования – процесс становления, развития и укрепления системы политических знаний, компетенций и навыков, которые направляется институтом государства и регулируется общественными институтами с целью реализации социально значимых функций (укрепления гражданской идентичности, достижение консолидации российского общества и обеспечение политической социализации) в контексте новой геополитической реальности. Данная трактовка дает возможность говорить о политическом образовании в качестве слаженного специфического института политической социализации, который актуализируется в контексте социально-политических трансформаций, в частности в условиях современной России, расширения ее политического, ценностного, социокультурного пространства и в целях достижения национальных приоритетов. Политическое образование имеет ряд институциональных признаков: реализация социально значимых функций; нормативная регламентация; коммуникативный компонент через систему общественно-политических институ-

тов; наличие многопрофильной системы акторов трансляции политического знания; динамичность и изменчивость; линейность и реализация на всех ступенях образования; социокультурная задача – обеспечение преемственности историко-политического фундамента общества.

Эмпирическими методами исследования выступают анализ вторичных данных, содержащих информацию о состоянии сформированности технологий политического образования; экспертный опрос представителей институциональных структур, включенных в реализацию политического образования молодежи (всего опрошено 22 эксперта). При проведении исследования учитывались пространственно-географические параметры (городская и сельская местность), а также уровни (муниципальный, региональный, федеральный). Результаты исследований проанализированы с помощью качественной стратегии обработки данных и содержат систематизированную информацию о практиках и технологиях реализации политического образования на разных его уровнях.

Институционализация системы политического образования объективно обусловлена социально-политическими и ценностно-идеологическими вызовами, проявлявшимися на постсоветском пространстве. Институт образования, существовавший в СССР, был разрушен вместе с распадом государства, при этом он демонстрировал доктринальную модель усвоения когнитивных и аксиологических представлений. В качестве модели стройной и линейной институциональной системы мы можем опираться на институт советского образования при рассмотрении этапов становления и институциональных признаков современного политического образования.

Первым этапом институционализации стали 1990-2000-е годы, что было вызвано демократизацией политических институтов, расширением прав и свобод – формировалась правовая база для закрепления новой образовательной системы. Утверждение Решения коллегии Минобразования «О стратегии развития исторического и обществоведческого образования...» создало образовательную траекторию в соответствии с ценностями исторической преемственности; актуализировалось внимание к новым институтам – общественным движениям и молодежным объединениям, выступавшими субъектами трансляции политических взглядов. В общественном и научном дискурсе также существовал запрос на политическое просвещение, в свет вышли журналы «ПОЛИС», «Полития», «Власть». Введение новых учебных стандартов и курсов политологии и права в системе основного общего и среднего общего образования, создание экспертных советов по политическим наукам обуславливали закрепление основ института политического образования.

Этап 2000-2014-х гг. характеризовался изменением состава и содержания новой политической элиты, которая предъявляла требования к характеру и компетенциям граждан и госслужащих. Проявлялся принципиально иной подход к выстраиванию политического знания, внедрение «Обществознания», принятие образовательного стандарта для основного и среднего образования указывало на особое внимание государства к обеспечению условий для политической социализации молодежи. Велась работа лабораторий над изданием новых методических планов преподавания социально-политических дисциплин, в 2005 году была создана Национальная коллегия преподавателей политологов, в 2008 году был основан факультет политологии в МГУ, что утвердило статус политических наук на уровне государства и профессионального сообщества.

Период с 2014 по 2022 годы характеризуется процессами политической ресоциализации и расширением политического пространства России. В данной связи необходимым стало выстраивание непротиворечивой модели политических знаний на основе фундамента исторического просвещения, что далее влияло бы на складывание единого консолидирующего ядра граждан России. С этой целью Президент РФ В.В. Путин в 2014 году поручил внедрить в учебный материал блок тем о воссоединении с республикой Крым, за этим шагом последовало издание нормативных актов, которые концентрировались на формировании единого образовательного пространства в РФ. Опросы общественного мнения отражали явный запрос на восполнение политических знаний и компетенций. Помощь в этом оказывали институты РОП, РАПН, где на конгрессах обсуждался путь российской политической науки и мысли, а также усилилась роль молодежных движений и НКО – акторов политической социализации.

Следующий и протекающий этап – период от 2022 года и проявившиеся на фоне начала СВО новые ценностно-идеологические, когнитивные и информационные риски вновь указали на потребность в системе четких и детальных представлений о характере политической системы и ее исторических предпосылок во избежание формирования в среде молодого поколения искаженных политических представлений. Очевидным стал запрос на консолидацию общества на основе традиционных ценностей, укрепление гражданской идентичности и человеческого потенциала жителей России и ее исторических регионов. В настоящий период продолжается реформирование образовательной системы, однако положительный эффект вызвали внедренные дисциплины «Разговоры о важном», «Основы российской государственности», укрепление символического компонента политического образования с помощью поддержания традиции поднятия флага и пения гимна России.

Данные практики затронули систему основного и высшего образования, а на ступени среднего профессионального обучения актуализировались мероприятия, погружающие в моделирование политических процессов.

Нормативные границы образовательной политики в новых субъектах заложены в ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования и науки» в контексте принятия в состав РФ новых территорий, который регламентирует правовые основы формирования единого образовательного пространства, а также унификацию социокультурных практик с целью военно-патриотического и историко-политического просвещения и укрепления гражданского потенциала. Институт власти, экспертные сообщества, общественно-политические движения, СМИ, институты духовной культуры активно поддерживают курс на трансляцию непротиворечивой системы политических представлений с целью конструирования устойчивой системы политических знаний, на основе которых оформляется ценностное ядро и стремление к политическому участию, что повышает потенциал укрепления политической культуры и компетенций граждан.

Таким образом, современный этап институционализации политического образования характеризуется разработкой и внедрением новых практик укрепления политических знаний и представлений, динамично трансформируясь, что является гибкой системой, способной оперативно отвечать на возникающие в общественно-политической системе вызовы и риски когнитивного, ценностного, информационного характера.

В данной связи мы ставим задачей проанализировать специфику и технологии политического образования как оформляющегося института на каждой из ступеней получения образования, выявить и описать возникающие противоречия и видимые перспективы институционализации.

Политическое образование в системе основного образования

Согласно результатам проведенного экспертного опроса, в текущих геополитических реалиях и в условиях трансформации государственных институтов и процессов политическое образование актуализировалось и в полной мере реализуется в системе основного образования: *«политическое образование занимает одно из ключевых мест в политической социализации молодежи, это начинается с пятого класса, когда ребята имеют возможность голосовать за президента школы, знакомиться с политическим устройством»* (эксперт, система воспитательной работы в школе), – отмечена связь политического образования с моделированием политических процессов и участие в данных практиках, что подкрепляет уровень политической субъектности молодежи; *«уровень подготовки историко-политического образования достаточно высокий*

благодаря популяризации политического образования и укреплению патриотического воспитания» (эксперт, система воспитательной работы в школе), что демонстрирует уверенность экспертов в эффективности институциональных мер в реализации политического образования. С обратной стороны, часть экспертов противоречиво определяет уровень политических знаний школьной молодежи: *«Западает общее образование, нужно интенсифицировать процессы, проводить просветительские мероприятия по политике»* (эксперт, федеральный институт профессионального образования), что указывает на необходимость качественной реализации действующих практик.

К важнейшим институтам формирования политической грамотности школьной молодежи эксперты отнесли традиционных агентов социализации – семью, образование, государство, СМИ, а также учреждения культуры, молодежные организации и движения: *«Это Юнармия, в которой очень выражено патриотическое воспитание»; у нас есть «Движение Первых»; «онлайн-площадки, телеграмм каналы, но там большой разброс политических взглядов»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«Политическое образование должно начинаться в семье...за более подробными объяснениями он может обратиться к учителю»* (эксперт, система воспитательной работы в школе), – отмечается преимущество в области культивирования политических знаний и ценностных доминант, начиная от семьи, продолжая школой и закрепляя вторичными институтами политической социализации; при этом политическое образование описывается в контексте патриотизма, что может отражать реализацию функции его укрепления.

Эксперты обозначили наиболее эффективные, по их мнению, практики политического образования в общеобразовательной среде: *«создание объединений, тематических площадок, в рамках которых дети могут реализовывать свой потенциал»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«Разговоры о важном – это наш инструмент воспитания молодежи и формирования ценностей»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«аналитическая беседа, дискуссии эффективны для подведения ученика к самостоятельному формулированию выводов на основе конкретного исторического или политологического материала»* (эксперт, педагогическое сообщество). Демонстрируется значимость институциональных и локальных технологий и внедренных практик: *«Разговоры о важном»*, реализация тематических и аналитических бесед, мероприятий, эффективность молодежных движений в системе политической социализации и политического образования молодежи.

К недостаточно эффективным практикам эксперты относят: *«Менее эффективной практикой я считаю классные часы, на которых ведется обсуждение без практики»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«Патриотизм*

пытаются прививать активно...но политическое образование идет одним блоком, чтобы формировать у ребенка определенную позицию, которая правильная и единственная» (эксперт, педагогическое сообщество), – отмечается недостаточная практическая проработанность классных часов, а также унифицированные стандарты политического и исторического образования, проводимые в рамках единой ценностно-идеологической парадигмы, которые сужают мировоззрение школьников и предполагают наличие одной транслируемой точки зрения.

Эксперты высказали предположения относительно повышения эффективности технологий политического образования в среде основного образования: *«историко-политическое образование должно начинаться с начальной школы»* (эксперт, система воспитательной работы в школе), *«оно должно начинаться с пятого класса... когда дети переходят в среднее звено и начинают ощущать себя частью политической системы»* (эксперт, система воспитательной работы в школе), *«Каждый человек должен понимать сложные термины на бытовом уровне... оперировать нормативными документами и понятийным аппаратом молодежи будет тяжело»* (эксперт, педагогическое сообщество). По мнению экспертов, образовательный процесс и учебная литература должны сопровождаться доступным для школьников языком, приближенным к их особенностям мышления и интеллектуального развития. При этом противоречия вызывает вопрос о возрастных рамках приобщения к политическим знаниям и представлениям; отмечается, что политическое образование целесообразно начинать при появлении признаков политической идентичности и интереса к политической системе, что происходит на ступени основного общего образования. *«Должен быть предмет «политология» как ответвление от обществознания, начиная класса с восьмого-девятого, когда подросткам становится интересно, в каком мире они живут»* (эксперт, педагогическое сообщество), – эксперт подчеркнул необходимость отделения политической дисциплины от других с целью более детального ее изучения, возможность реализации политического образования с более старшего возраста, что соотносится с актуальными изменениями в образовательной среде, когда предмет «Обществознание» стал изучаться с 9 класса, наслаиваясь на сформированные исторические знания.

Эксперты акцентируют внимание на ряде проблем, возникающих в процессе освоения политических представлений и знаний: *«Единственные знания, которые по политологии получают учениками, находятся в курсе обществознания»*, *«нет предметов, выделенных под конкретное усвоение политического знания»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«Система образования не была должным образом подготовлена к историко-*

политическим вызовам» (эксперт, педагогическое сообщество), *«Не только учителя виноваты, но и система образования...заканчивая учебниками с ошибками»* (эксперт, академическое сообщество), – отмечаются барьеры на пути реализации политического образования: недостаточная автономность политических дисциплин, обострение когнитивно-ценностных вызовов, недостаток методической подготовки и кадровые риски.

Политическое образование в системе среднего профессионального образования

Проблема институционализации политического знания в системе среднего профессионального образования приобретает особое значение, где в настоящее время отмечаются следующие проблемы: низкий уровень качества образования; недостатки институциональной поддержки довузовского образования; недостаточная изученность образовательных практик и технологий в системе среднего профессионального образования и ориентир «школа-вуз» вразрез среднему профессиональному образованию (Albekov, Dzhabrailova & Mordasova, 2021).

Участники экспертного опроса дали общую оценку содержанию политического образования в системе СПО: *«Оцениваю на твердую тройку...с учетом ряда вызовов... фейки на историко-политическую тематику, политическая маргинализация молодежи»* (эксперт, академическое сообщество), – политический абсентеизм эксперт связывает с присутствием в информационном пространстве недостоверной информации, которая искажает когнитивный аспект политической картины мира учащейся молодежи.

Сделан акцент на недостаточном уровне политического образования студентов: *«когда они приходят на первый курс, у них отсутствует историко-политическое образование, приходится на своих предметах прививать его»* (эксперт, академическое сообщество), – уровень политической грамотности начинающих студентов, пришедших по окончании школы, недостаточный, что может демонстрировать лакуны в системе политического образования на уровне общеобразовательного звена. В этом случае, по мнению эксперта, необходимо пытаться прививать знания и выстраивать связь прошлых исторических событий с актуальными политическими процессами. Эксперты подчеркивают необходимость создания обязательного курса по политологии для школ и СПО: *«Обязательно в школах и СПО должны быть курсы политического просвещения и политологии, как это делается в вузах»* (эксперт, федеральный институт профессионального образования), что указывает на значимость единых технологий и практик в общеобразовательной среде и на уровне среднего профессионального звена.

Интересно отметить, что часть экспертов фокусирует внимание на модернизации системы политического образования и внедрение деятельностного компонента, который эффективен в процессе ведения занятий: *«Система образования в РФ отвечает требованиям времени в связи с началом реформы образования, можно менять традиционную модель урока на интерактивную или игровую»* (эксперт, академическое сообщество); *«В вузе гораздо выше уровень подготовки мероприятий, результативнее итог круглых столов, конференций»* (эксперт, академическое сообщество), *«в колледжах и техникумах предметы историко-политического толка преподаются по стандартам... предметы в вузах имеют больший разброс объективности и оценок»* (эксперт, академическое сообщество), – подчеркивается высокий уровень практической подготовки в области политического образования на уровне высшего образования, тогда как среднее профессиональное претерпевает трудности и имеет ряд барьеров. Деятельностный подход способствует усвоению прочной системы политических знаний, погружая молодых людей в формы конструктивной гражданской активности.

Эксперты отметили проблемы, возникающие в рамках освоения политических знаний и представлений в системе среднего профессионального образования: *«молодежь очень сильно оказывается под влиянием социальных сетей... многие не хотят усваивать информацию и воспринимать политические реалии»* (эксперт, академическое сообщество), что подтверждает высказывания представителей общеобразовательной среды о деструктивном влиянии информационной среды, которая нуждается в смысловой обработке и критической оценке. В то же время отмечается, что официальные страницы опровергают недостоверную информацию и учат молодежь различать материалы в источниках: *«Точечные технологии имеют эффект, например, фактчекинг»* (эксперт, федеральный институт профессионального образования), что является эффективной реакцией на обработку безграничного потока информации. Отмечается, что практики с использованием информационных технологий и интерактивных форматов являются результативными в области укрепления политических и исторических знаний: *«активизировались институты культуры, музеи, интерактивные выставки, что доступно людям из разных регионов...у нас есть восхитительный проект «Россия – моя история», туда ходят и школьники, и студенты»* (эксперт, федеральный институт профессионального образования), что также демонстрирует востребованность внеурочных форматов и мероприятий.

К барьерам в образовательном процессе отнесена недостаточная практическая проработанность дисциплин: *«все зависит от педагога, бывает, что на политологии изучают сухую теорию без практики, и нет связи с совре-*

менной Россией» (эксперт, академическое сообщество), что определяет недостаток реализации образовательных методик.

Эксперты относят актуализацию практик в качестве важного шага в укреплении политического образования как института: *«У нас реализуется множество мероприятий по формированию политического образования...проведение конференций, круглых столов, моделирование политических процессов, «Движение Первых»* (эксперт, академическое сообщество); *«в Краснодарском монтажном техникуме проходило моделирование выборов Президента РФ, и студенты узнали много нового о выборной системе»* (эксперт, академическое сообщество), – интересно, что мнение об эффективности имитации модели государственных процессов на уровне образовательных учреждений отмечали эксперты как на уровне основного, так и в среде среднего профессионального образования, что подтверждает эффективность практики в контексте политического образования.

Были озвучены мероприятия, конкурсные механизмы и научно-исследовательская деятельность в качестве успешных практик: *«мы участвуем в федеральных конкурсах», «Без срока давности» – сочинения, исследовательские проекты...чтобы студенты развивали историко-политическое мышление благодаря участию в патриотической работе»* (эксперт, академическое сообщество), демонстрируется связь политического образования с укреплением чувств патриотизма и гражданственности, формированием гражданской идентичности, что отражает социально ориентированные задачи института.

Экспертами сформулированы рекомендации по повышению уровня политического образования в системе СПО: *«вовлечение молодежи в историко-направленные конкурсы, конференции», «преподаватель должен проводить связь прошлого с настоящим, должна быть междисциплинарность»* (эксперт, академическое сообщество), *«эффективность Министерства Образования и Просвещения... улучшение информации в учебниках, поиск путей сближения с молодежью»* (эксперт, академическое сообщество). Так, представители основного и среднего профессионального образования высказывают единое мнение о необходимости улучшения качества преподаваемого материала в учебной литературе и выстраивания эффективного диалога между молодежью и субъектами политической власти.

Эксперты солидарны в том, что политическое образование во многом зависит от интерпретации информации агентами политической социализации; согласно мнению части преподавателей, она должна опираться на ценностно-идеологические основы государственной политики: *«Работники образовательных учреждений должны транслировать ту идеологию и политику,*

которую поддерживает наша страна» (эксперт, академическое сообщество). В свою очередь, эксперты из общеобразовательной среды отмечали неприемлемость трансляции единой позиции, которая ограничивает возможность выработки учеником своей ценностной системы и политических установок, объективной оценки политических событий, что составляет некоторое противоречие в мнении экспертов относительно существования конкретной точки зрения на политические процессы.

Политическое образование в системе высшего образования

Эксперты-представители академической среды на вопросы о том, какие ключевые институты формируют политическое образование, высказали следующее: *«Институты – школа и университет...все, кто формирует экспертное сообщество, которое привлекается к созданию образовательных программ» (эксперт, академическое сообщество); «Это и семья, и школа, и вуз» (эксперт, система воспитательной работы в вузе), «Институциональная система в высшем образовании – это профильные кафедры. Сказать, что у нас есть конкретный проект, который позволят интегрировать массово молодежь в политическое образование – нет» (эксперт, академическое сообщество), «пока рано говорить о целостной системе...упор на политическое образование существует именно на уровне высшей школы» (эксперт, федеральный институт профессионального образования), что отражает. Интересно, что часть экспертов видит модель образования в векторе «школа-вуз», не упоминая институт среднего профессионального образования как агента трансляции политических знаний и ценностных ориентиров, что образует противоречие. Подчеркивается роль высшей школы в реализации системы политических знаний; отмечается широкая система акторов и институтов, транслирующих политические знания, однако констатируется незавершенность процесса институционализации политического образования.*

Говоря об уровне политического образования студенческой молодежи, эксперты высказали следующие суждения: *«Политическое образование не на должном уровне... хотя это должно быть заложено в школе» (эксперт, академическое сообщество), «Если смотреть по результатам и процессу деятельности, я бы сказал, что такой системы нет» (эксперт, академическое сообщество), «Относительно студентов... есть недостаток в базовых знаниях и представлениях...а они сдавали обществознание» (эксперт, академическое сообщество), – отмечается отсутствие целостной системы политического образования согласно недостаточному содержанию политических знаний и представлений студентов, что привлекает внимание академического сообщества к вынесению данной проблемы в общественно-научный дискурс.*

Опрошенные утверждают, что система знаний должна быть заложена в рамках школьного образования, а ее нехватка указывает на противоречивость в работе основного обучения.

По мнению экспертов, повысить уровень политического образования можно усилиями профессиональных кадров, однако в этих целях не следует прибегать к искусственному конструированию патриотизма – необходимо формировать как институциональные технологии, так неформальную среду распространения политических знаний и ценностей: *«возьмем формирование патриотизма, это часть политического образования...это должен быть органичный процесс, которым будут заниматься профессионалы»* (эксперт, академическое сообщество), *«Умение преподавателей использовать Интернет важно...иначе мы проиграем в формировании мировоззрения и развития молодежи»* (эксперт, академическое сообщество), – демонстрируется роль преподавательского сообщества, а также их компетенций и установок в системе конструирования политических знаний.

Эксперты-преподаватели вуза также акцентируют внимание на проблеме компетентности кадрового состава: *«Проблемы связаны с преподаванием, компетентностью учителей, они иногда делают ошибки»* (эксперт, академическое сообщество), *«некоторые преподаватели пользуются устаревшими данными и используют устаревшие педагогические технологии... нужно содержательно проверять, как и с чем работают преподаватели»* (эксперт, академическое сообщество), *«нужно создать профессиональное сообщество, которое это умеет делать»* (эксперт, система воспитательной работы в вузе), – подчеркиваются кадровые риски и лакуны в системе реализации образовательных методик при трансляции политических знаний, а также необходимость усиления профессиональных компетенций.

Эксперты отводят доминирующее значение историческим знаниям, которые являются фундаментом политических: *«очень хорошее внимание уделяется историческому образованию, но конкретно политическому – нет. В истории видят залог сплочения общества»* (эксперт, академическое сообщество); *«История – это прошлое, политика – это настоящее. И все вместе оно дает правильный синергетический эффект»* (эксперт, академическое сообщество), – в ответах экспертов прослеживается крепкая связь между историческим и политическим знанием. По мнению экспертов, приоритет отдан историческому просвещению, в то время как политическому уделяется меньше внимания, что соотносится с внедренными мерами по сокращению преподавания «Обществознания» и увеличению объема изучения истории – расширяется картина знаний о прошлом, однако возможность осмысления актуальных политических процессов снижает потенциал.

К эффективным практикам и инструментам политического образования эксперты отнесли деятельность молодежных советов и объединений: *«У нас есть структуры, которые могут инициировать проекты...Профком, Объединенный совет обучающихся...есть у студентов интерес», «клуб парламентских дебатов, ребятам нравится обсуждать политические события»* (эксперт, академическое сообщество), *«Конференции отчасти помогают, но это вовлеченная аудитория»* (эксперт, система воспитательной работы в вузе). Практически ориентированные и научные мероприятия описываются в качестве наиболее действенных в области политического просвещения; отмечается, что подобные практики привлекают заинтересованную и мотивированную аудиторию, что указывает на точечный характер их применения.

Эксперты дали рекомендации по повышению перспектив в реализации политического образования, которые связаны с потребностью в слаженной работе всех механизмов института: *«Начало политического просвещения должно быть с момента попадания детей в систему образования и непрерывное его развитие на протяжении всего процесса обучения, в том числе поствузовского»* (эксперт, федеральный институт профессионального образования), что предполагает последовательное конструирование знаний и формирование на их основе фундамента политических представлений, ценностей и взглядов.

Подчеркивается необходимость выстраивания коммуникации с «ресурсными» субъектами публичной политики и развития института наставничества с целью передачи знаний и компетенций для трансляции политических представлений. *«Нужно распространять институт наставничества», «важно понимать форматы, которые интересны молодежи, и задействовать для этого субъекты, которые обладают ресурсами»* (эксперт, академическое сообщество).

Сформулированы учебно-методические рекомендации: *«Должен быть свой российский учебник политологии, должно быть написание тех реалий, которые характерны для политического дискурса России»* (эксперт, академическое сообщество) и потребность в развитии российской научной мысли в области политических наук, что позволит усилить отечественные разработки, ориентированные на политический дискурс России.

Интересно мнение экспертов о необходимости детального изучения потребностей и характеристик современной молодежи и поиска неформальных путей сближения с ней с помощью сетевых механизмов: *«нужно искать неформальные пути и создавать среду, учитывая запросы молодежи...эффективные методы – сетевые»* (эксперт, академическое сообщество); *«Нужно понимать аудиторию, с которой работаешь, сегментировать ее, ис-*

кать подход» (эксперт, академическое сообщество). По мнению экспертов, необходимо реагировать на запросы молодежи в понимании смыслов происходящих процессов, избегая стандартизированную трансляцию политических знаний.

Отмечается связь между институционализацией политического образования и трансляцией российских культурных и традиционных ценностей: *«Нужно ориентироваться на ценности в рамках нашей культуры. Задача политического образования – не просто интегрировать в массовое сознание «правильные ценности», технологии эти не эффективны»*. Подчеркивается значимость ценностного фундамента при реализации политических знаний и смысловом наполнении политической картины мира.

Анализируя содержательное наполнение процесса институционализации политического образования на этапе основного обучения, эксперты связывают его формирование с историческим и патриотическим, однако считают, что ввиду недостаточной доли политических дисциплин необходимо обособить предмет «политология», обеспечить доступный язык его преподавания для школьной молодежи, оптимизировать систему подготовки кадров. Упорядочены технологии политического образования на основном этапе обучения: федеральные, учебно-методические (содержательные), образовательные, институциональные. Выявлены эффективные практики трансляции политических знаний: моделирование политических процессов, членство в молодежных организациях, социально-политическая активность, реализация федеральных программ и поддержание локальных инициатив, организация политических дискуссий, что позволяет формировать навык критической оценки политических явлений. Проблемным полем являются кадровые, информационные, методические риски; эксперты акцентируют внимание на необходимости интенсифицировать реализацию действующих практик и для этой цели осуществлять подготовку преподавательского состава, который будет использовать современные методики обучения.

На уровне оценки ступени среднего профессионального образования большая часть экспертов отмечает недостаточный уровень политического образования студентов ввиду проблематичного усвоения знаний и представлений, заложенных в системе основного образования, что образует когнитивные лакуны. Препятствиями к успешному получению политических знаний являются: деструктивное информационное пространство, низкий уровень практической работы по формированию политической грамотности в сравнении с системой высшего образования, кадровые риски и противоречия в реализации методики преподавания политических дисциплин. При этом следует подчеркнуть этап актуализации политических знаний и про-

цесс активной институциональной работы по их укреплению, что отвечает нарастающим геополитическим вызовам и угрозам ценностной дифференциации российского общества, отмечают эксперты.

Одним из приоритетных направлений развития политического образования в системе среднего профессионального звена станет наращивание выявленных результативных практик: конкурсных механизмов, мероприятий и форумов, также интерактивных форматов культурной направленности, которые позволят формировать историко-политическое сознание, способы политического участия, поспособствуют активизации диалога между институтом образования, субъектами публичной политики и студентами. Прослеживается схожесть технологий и практик трансляции политического знания в системе основного и среднего профессионального образования, в частности институциональные, учебно-методические, интерактивные технологии определяются результативными. Эксперты делают акцент на необходимости отделения политических дисциплин в системе СПО и наделения их статусом обязательных.

Систему политического образования на уровне высшей школы эксперты определяют, как действенную и наиболее слаженную. Среди результативных технологий политического образования на этапе получения высшего образования отмечаются: институциональные, содержательные (методические), интерактивные, сетевые. Эффективные практики реализации политических знаний включают: федеральные программы, интерактивное и культурное просвещение, участие в социально-политических мероприятиях и движениях, взаимодействие с экспертным академическим сообществом. Обозначенные проблемы связаны с использованием устаревших технологий и методик (кадровые и технологические риски), недостаточным уровнем политических знаний после школы и СПО ввиду фрагментарности усвоения политического образования; необходимостью анализа молодежной когорты с целью выработки точечных технологий работы; потребностью в разработке отечественных учебников по политологии, содержащих основу для усвоения знаний на всех этапах обучения.

В результате теоретического и практического осмысления проблематики институционализации политического образования, а также выявления практик и технологий его конструирования были сделаны следующие выводы. Выстраивание целостной, непротиворечивой системы политического образования должно содержать своевременную реакцию институциональных групп и педагогического, академического состава на возникающие в молодежной среде запросы, в том числе существующий запрос на «понимание смыслов» актуальных политических процессов и их предпосылок, желание

конструктивного включения в политическую жизнь. Это становится возможным благодаря последовательному выстраиванию единой и непротиворечивой модели политических знаний, ценностей и убеждений, которая будет реализовываться на всех этапах обучения, причем смысловое и содержательное наполнение данного процесса должно начинаться на этапе основного образования, когда молодая личность сознательно переходит на этап самостоятельного критического понимания происходящих явлений политической жизни, а интерес к политической системе активно культивируется агентами политической социализации.

На современном этапе активных социально-политических преобразований отчетливо видны контуры становления и активного развития политического образования в качестве нового целостного института политической социализации, который включает в себя ряд социальных задач, нацеленных на достижение национальных интересов и общественную консолидацию (укрепление гражданской идентичности, социокультурная интеграция граждан, обеспечение преемственности исторических и политических знаний, сохранение духовных ценностей), опираясь на многопрофильную структуру акторов (государство, СМИ, НКО, институты духовной культуры и другие) и на широкий спектр технологий (федеральные, учебно-методические (содержательные), образовательные, институциональные, информационные). В данной связи упомянутые компоненты института политического образования способствуют успешности политической социализации и ресоциализации граждан, создают прочный фундамент для усвоения непротиворечивой системы политических представлений, знаний и ценностных ориентиров, что содействует процессу вовлечения граждан в конструктивные формы гражданской активности и развития политической культуры.

Так, в ходе исследования выявлены и систематизированы основные технологии и практики политического образования на разных этапах его получения, сформулированы противоречия, проблемы и перспективы в данном процессе. Наиболее результативными технологиями являются институциональные, учебно-методические, интерактивные и сетевые образовательные. Информационные и методические технологии образуют при этом противоречия между желаемым и действительным, когда запрос на конструирование объективной системы знаний вступает в конфликт с интересами и взглядами агентов (сетевых сообществ или преподавателей, реализующих образовательные стратегии и использующих неоднозначные практики).

Обобщение практик политического образования на всех ступенях обучения показало, что наиболее эффективными являются: моделирование политических процессов (выборов Президента школы и другое), создание по-

литических клубов, тематических площадок; организация внеурочной и интерактивной деятельности; членство в молодежных движениях; реализация федеральных программ и стандартов с упором на политику исторической памяти; проведение конкурсов, олимпиад, дебатов, а также локальных практик, инициируемых образовательными учреждениями – все это позволяет погружать молодое поколение в систему политических знаний и служит перспективой повышения гражданского потенциала, формирования конструктивных моделей политического поведения.

К проблемам в системе политического образования в общей картине отнесены: кадровые риски; недостаточная методическая проработанность; информационные риски; ориентация «школа-вуз», в то время как система среднего профессионального обучения претерпевает трудности и снижает потенциал социально-гуманитарного просвещения; потребность в собственных отечественных разработках и учебниках политологии, а также необходимость отделения политических дисциплин и придания им статуса обязательных для всех направлений подготовки.

Необходим дальнейший поиск действенных механизмов, способствующих институциональному закреплению политического образования в контексте политической социализации молодого поколения, укрепления политической культуры и качественного взаимодействия гражданского общества и государства.

References

- Oakshott M (1962). *Rationalism in Politics*. L., Methuen.
- Sander, W. (2004). *Introduction: Political. Civic Education in schools. Didactics of Political. Civic Education as a Science*.
- Albekov, Kh. N., Dzhabrailova, L. Kh. & Mordasova, T. A. (2021). Problems of development of the secondary vocational education system in Russia. *Zhurnal Prikladnykh Issledovaniy*, (6–10), 966–973. (In Russ).
- Almond, G. & Verba, S. (2014). *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations]. Mysl'. (In Russ).
- Boyko, P. E., & Galust'yants, G. L. (2023). On the philosophical and historical content of the course "Foundations of Russian Statehood". *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (4), 85–90. (In Russ).
- Burnyashov, B. A. (2021). Political informing in institutions of higher education. *Psikhologiya Cheloveka i Obshchestva*, (3), 19–22. (In Russ).
- Gorelov, A. A., Gorelova, T. A., & Khloponina, O. O. (2025). *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti. Istoriya, kul'tura, gosudarstvo* [Fundamentals of Russian Statehood: History, Culture, State]. Rusains. (In Russ).
- Kotsina, M. N. (2018). *Modeli grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya uchashchikhsya v sovremennom obrazovanii* [Models of civic and patriotic education of students

in modern education]. In Problemy sovremennogo obrazovaniya. Rossiyskiy universitet družby narodov (RUDN). (In Russ).

Patrushev, S. V. (2020). Formation of civic responsibility in Russia: Institutional context. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsial'naya Praktika*, (1), 27–47. (In Russ).

Samarkina, I. V. (2024). Formation of civic identity in the educational policy system under conditions of transformation of the political space. *Evrasiyskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika*, (3), 133–143. (In Russ).

Selezneva, A. V., & Zinenko, V. E. (2021). Formation of political values and ethical ideas of youth in the family and school: Analysis of current trends. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy mental'nosti/mentaliteta*, 17, 112–119. (In Russ).

Shashkova, Ya. Yu., & Aseev, S. Yu. (2023). Correlation of identity structure and models of patriotism among senior schoolchildren in Siberian regions. *Vestnik Rossiyskogo Fonda Fundamental'nykh Issledovaniy. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*, (2), 49–60. (In Russ).

Shcherbinin, A. I. (1992). Political science in search of a citizen. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (5–6), 190–193. (In Russ).

Shcherbinina, N. G., Krasnoperov, A. Yu., & Avanesova, E. G. (2025). Communicative problems of current political education. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 84, 274–285. (In Russ).

Shestopal, E. B., & Selezneva, A. V. (2008). *Politicheskaya sotsializatsiya rossiyskikh grazhdan v period transformatsii* [Political socialization of Russian citizens in the period of transformation]. *Novyy Khronograf*. (In Russ).

Shumilov, A. V., & Shumilova, O. V. (2015). Educational space and features of the formation of civic identity in Russia. *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya: k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova (VI Arsent'evskie chteniya)* (pp. 246–256). *Interaktiv plyus*. (In Russ).

Solov'ev, A. I. (2002). Political communication: On the problem of theoretical identification. *Polis. Political Studies*, 3, 5–18. (In Russ). <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

Tolmacheva, V. M., & Amelina, N. V. (2023). The project "Important Conversations": On the issue of the relevance of implementation. *Pedagogicheskiy Poisk*, (7), 42–46. (In Russ).

Zaznaev, O. I. (2011). *Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost': zarubezhnyy opyt i Rossiya* [National-state identity: Foreign experience and Russia]. In O. I. Zaznaev (Ed.), *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: ocherki*. (In Russ).

Zhevakina, N. V. (2021). Features of political socialization of students in educational institutions of higher education. *Pedagogika i Psikhologiya: Teoriya i Praktika*, (3), 72–79. (In Russ).

Для цитирования: Кузьменко, Н. П. Технологии, проблемы и перспективы институционализации политического образования в современной России (по итогам экспертного опроса) / Н. П. Кузьменко // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 176–196. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-176-196.

НАШИ АВТОРЫ

АЧКАСОВ Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

ACHKASOV Valery – doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnopolitical Science, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: val-achkasov@yandex.ru

SPIN-код: 2592-8480

ORCID: 0000-0002-9404-6100

БАШМАКОВ Игорь Станиславович – кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

BASHMAKOV Igor – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: igorbash87@mail.ru

SPIN-код: 4530-5221

ORCID: 0000-0002-5906-803X

БУГАЙЧУК Татьяна Владимировна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

BUGAYCHUK Tatiana – doctor of political sciences, associate professor of the department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

E-mail: mischenko@inbox.ru

SPIN-код: 7462-0863

ORCID: 0000-0001-6936-613X

БУРДА Михаил Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; руководитель Центра миграционных исследований, Институт Царьград (Москва, Россия).

BURDA Mikhail – Doctor of Political Sciences, department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: burdam584@gmail.ru

SPIN-код: 7793-7164

ORCID: 0000-0003-1520-3882

ВАНТЕЕВСКИЙ Макар Михайлович – младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); младший научный сотрудник Молодежной научной лаборатории, Институт научно-технической информации (Донецк, Россия).

VANTEEVSKY Makar – Junior Researcher, Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mvanteevsky@yandex.ru

SPIN-код: 3552-3310

ORCID: 0000-0002-8008-7921

КЛИПАКОВА Инна Валериевна – ассистент кафедры государственного управления, Луганский государственный университет имени В. Даля (Луганск, Россия).

KLIPAKOVA Inna – assistant at the Department of Public Administration, V. Dal Lugansk State University (Lugansk, Russia).

E-mail: klipakova.inna@yandex.ru

SPIN-код: 3452-4876

ORCID: 0009-0000-5158-0373

КОРЯКОВЦЕВА Ольга Алексеевна – доктор политических наук, директор Института развития кадрового потенциала, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

KORYAKOVTSEVA Olga – doctor of political sciences, director of the Institute for Human Resources Development, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

E-mail: youth1@mail.ru

SPIN-код: 1944-3206

ORCID: 0000-0002-2169-7906

КУЗЬМЕНКО Нелли Павловна – преподаватель кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

KUZMENKO Nelly – lecturer at the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: nelly20_20@mail.ru

SPIN-код: 2218-8028

ORCID: 0009-0003-7286-1598

ПАНФИЛОВ Георгий Олегович – аналитик Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия).

PANFILOV Georgiy – analyst at the Electronic Governance Center, Institute of Design and Urban Studies, ITMO University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: panfilovgeorg@mail.ru

SPIN-код: 2215-9187

ORCID: 0000-0002-4085-8998

РОДИОНОВА Марина Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия).

RODIONOVA Marina – PhD. in Sociology, Associate Professor the Department of Political Science Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: m.rodionova@mail.ru

SPIN-код: 8062-6256

ORCID: 0000-0001-8663-313X

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

SKIPERSKIKH Aleksandr – Doctor of Political Sciences, professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

E-mail: pisatels@mail.ru

SPIN-код: 9734-7461

ORCID: 0000-0001-8587-7415

ТУРКИН Илья Андреевич – стажер-исследователь, лаборатория визуальной истории, Высшая школа экономики в СПб (Санкт-Петербург, Россия); аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия).

TURKIN Ilya – research-intern, Laboratory for Visual History, HSE University St. Petersburg (St. Petersburg, Russia); PhD student, Department of Comparative Politics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

SPIN-код: 8245-0570

ORCID: 0009-0006-9485-1659

ФРОЛОВ Егор Русланович – заместитель руководителя Центра этнорелигиозных исследований, Институт Царьград (Москва, Россия).

FROLOV Egor – Deputy Head of the Center for Ethnoreligious Studies, Tsargrad Institute (Moscow, Russia).

E-mail: er.frolov@tsargrad.institute

SPIN-код: 5383-6300

ORCID: 0009-0003-7793-1540

ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

SHEVCHENKO Ekaterina – PhD in Political Sciences, Lecturer at the Department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: katerina.shevva@yandex.ru

SPIN-код: 1890-3374

ORCID: 0000-0002-9877-3161

THE CONTENTS

SYMBOLIC POLITICS AND THE CONSTRUCTION OF REALITY

V. Achkasov

SECURITIZATION OF MEMORY POLICY AS A RESOURCE
IN THE STRUGGLE IN THE INTERNATIONAL ARENA **5**

T. Bugaychuk, O. Koryakovtseva

CIVIC IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIA:
EMPIRICAL DISSONANCES AND METHODOLOGICAL CHALLENGES **20**

A. Skiperskikh

MASS CULTURE IN THE LEGITIMATION OF POWER IN THE USSR:
FORMS, IMAGES, MEANINGS **31**

I. Bashmakov

NEO-TRADITIONALISM IN POLITICS: FACTORS, MODELS,
AND MECHANISMS OF REALIZATION IN MODERN CONDITIONS **44**

M. Vanteevsky

FICTION AS A TOOL FOR FORMING POLITICAL IDEOLOGY IN RUSSIA **65**

I. Turkin

THE SYMBOL OF «NUCLEAR WAR» IN CONTEMPORARY RUSSIAN
AND US MEDIA: A COMPARATIVE ANALYSIS **87**

M. Rodionova

ELECTORAL PROCESSES AS A MECHANISM FOR THE ADAPTATION
OF DEMOCRACIES UNDER CONDITIONS OF PERMANENT CRISIS:
THE EXPERIENCE OF EUROPEAN COUNTRIES (2022–2025) **101**

M. Burda, E. Frolov

THE RESULTS OF THE ELECTIONS TO THE TENTH CONVOCATION OF
THE EUROPEAN PARLIAMENT AS A TREND OF STRENGTHENING
THE POSITIONS OF RIGHT-WING ANTI-GLOBALISTS **116**

G. Panfilov

E-PARTICIPATION IN RUSSIA: EVALUATION OF
THE EFFECTIVENESS OF KEY PROJECTS **131**

E. Shevchenko

TRANSFORMATION OF POLITICAL EDUCATION OF MODERN YOUTH
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS **151**

I. Klipakova

INSTITUTIONAL ARCHITECTURE OF YOUTH POLICY IN MODERN RUSSIA:
STRUCTURE, SUBJECTS AND MECHANISMS OF IMPLEMENTATION **165**

N. Kuzmenko

TECHNOLOGIES, PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE INSTITUTIONALIZATION OF
POLITICAL EDUCATION IN MODERN RUSSIA (BASED ON THE RESULTS OF AN EXPERT
SURVEY) **176**

OUR AUTHORS **197**

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 10.03.2026
Дата выхода в свет 25.03.2026

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2026.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

© Institute of Social and Political
Sciences, 2026.

